

Сергей Палий Монохром

S.T.A.L.K.E.R. – 38

Аннотация:

В заброшенной деревне у завода "Юпитер" происходят загадочные события. Появляются могущественные существа, способные покидать Зону и жить за ее пределами. Это не люди, но и не мутанты. Они – новое порождение гиблой земли.

Угольники. Вольный сталкер Минор встречается странноватого паренька Лёвку, который говорит, что поможет добраться до шахты быстрее военных и раздобыть артефакты, позволяющие угольникам уходить за Периметр.

Минор и проверенная команда из Госта, Дроя и Зеленого снова в деле!

Сталкеры ускользают из-под носа военных и направляются в самое пекло, чтобы попасть в заброшенную шахту и разжиться ценным хабаром. Но их проводник не так прост. Постепенно открывается завеса страшной тайны, которая касается не только этого скромного на вид паренька, но и самого Минора.

Сергей Палий Монохром

Глава первая. Вне Периметра

Апрельское солнышко припекало затылок. Ветерок щекотал ноздри запахом жареной картошки, доносившимся из окна дома напротив. В угловом магазинчике телевизор тихонько бряцал попсой, у обочины бликовала капотом легковушка, а редкие прохожие бросали любопытные взгляды в мою сторону, заставляя невольно напрягаться.

Возле автобусной остановки топтались голуби, поклевывая семечки, которыми снисходительно делился толстый пацан лет десяти. Газон был усеян следами-звездочками от голубиных лапок. Время от времени пацан подпрыгивал, шугая наглых птиц, и его пухлые веснушчатые щеки вздрагивали, как потревоженный холодец. Пернатые взлетали, но тут же возвращались на исходные позиции и продолжали ритмично мотать головками.

Я ждал маршрутку и проклинал тот миг, когда сел подвыпивши играть в треньку с Фолленом. Старый хрыч обнес меня вчистую и потребовал в качестве компенсации

метнуться за Периметр, чтобы забрать у перекупщика партию новых ПДА. Я предложил: схожу, мол, в рейд на Свалку или в Темную Долину, откуплюсь хабаром, — но Фоллен уперся рогами, словно овцебык. Ходоков, говорит, полно, а посредников свободных нет. Мне, говорит, плевать, когда ты, Минор, за пределами Зоны последний раз бывал, но товар нужен срочно...

Я машинально застегнул воротник куртки и поправил лямки рюкзака. Четыре упаковки наладонников лежали в герметичном пакете на самом дне, но вовсе не они тяготили мои плечи. Давила общая атмосфера расхлябанности и беспечности, царившая вокруг. Люди шли по тротуарам и не глядели под ноги, заворачивали за угол, понятия не имея, что их там ждет, глотали из банок лимонад, не проверив дозиметром — а вдруг фонит?

Мир вокруг презирал элементарные законы самосохранения. Причем как применительно к отдельной особи, так и в масштабах целого населенного пункта.

К примеру, меня бросала в дрожь картина сожительства в одной высотке сотен людей. Умом-то я прекрасно понимал, что это и есть нормальный способ существования в городах, но все естество требовало рассредоточить болванов — ведь вместе они гораздо уязвимее. А случись выброс, так и вообще окуклятся в своих кельях: подвалы не вместят столько народу разом.

Никак не удавалось смириться с мыслью, что здесь совсем иная жизнь: без вечного страха получить свинцовую пилюлю в глотку, без постоянного риска быть съеденным, разорванным на части или втрамбованным в грунт.

Да что тут говорить. Меня вдоль позвоночника озноб пробрал, когда я давеча наблюдал, как две школьницы гуляли с волкодавом без намордника. Они безбоязненно трепали псину за уши, дергали туда-сюда поводок, дразнили до хрипоты палкой, после чего отворачивались и как ни в чем не бывало принимались болтать о пустяках. Наверное, Зона склепала из меня конченого параноика, но я бы за весь хабар Вселенной не подставил спину такому клыкастому монстру.

А вдобавок чудовищно угнетало, что при мне не было оружия. Без крепкого цевья «калаша» под ладонью и тяжести кобуры на портупее я чувствовал себя голым. На худой конец, сгодился бы хорошо сбалансированный десантный нож, но и его Фоллен не позволил взять с собой за Периметр. Болт ему в гузно, перестраховщик хренов.

Где же маршрутка? Пусть скорее увезет меня прочь от этого безумного, непуганого городишки. Не могу больше, аж под ложечкой сосет. Стрёмно разгуливать по улицам и не бояться влететь в аномалию или угодить в щупальца голодному кровососу. Такое ощущение, будто не хватает чего-то жизненно важного.

Толстый пацан в очередной раз подпрыгнул, и голуби с хлопаньем разлетелись в стороны. Послышались громкие голоса и звон стекла. Я насторожился.

Классификация быдла до примитива проста. Оно бывает двух типов: сытое пассивное и голодное агрессивное. Первое практически безобидно, если в него веточкой не тыкать, а вот второе может быть опасно, потому что голод снимает с него всяческие тормоза и превращает в глупого, но отягощенного мышцами, а иногда и оружием зверя. Усугубляют эффект алкоголь, наркотики и поголовье стада.

К остановке подошли четверо подростков — пьяненькие, матерящиеся и бесстрашно щерящиеся. Обронили пустые бутылки из-под пива на асфальт, ловко откупорили зажигалками новые. Глазки у сосунков бегали, движения были размашистые, за напускной уверенностью сквозила робость перед всем и вся, внутри клокотала обида на уродское общество.

Быдло. Голодное и агрессивное.

— Свали, щегол, — сплюнул отрок в мешковатой толстовке и камуфляжных штанах, за которые на Кордоне и банку перловки не дали бы.

Толстый пацан выронил остатки семечек и быстро засеменял к следующей остановке. Голуби потоптались возле бордюра, но не решились приближаться к новым хозяевам богатой пищей территории. Видимо, даже их тупые инстинкты пасовали перед волной агрессии, исходящей от четверых шакалят.

Я облокотился на столб и с досадой почувствовал, как отозвалась зарубцевавшаяся рана на левом плече. Полгода назад, помнится, я знатно огреб из крупного калибра — до сих пор безобразный шрам мешается, если руку к телу прижать слишком сильно.

Маршрутка, ау! Вечереет, а мне еще надо через Внешний Периметр перебраться и сдать товар Фоллену, будь он трижды съеден черныбыльским псом вместе со своей дурацкой тренировкой.

— Лысый, ты в сталкеров играешь, что ль? — гыгыкнул хам, прогнавший пухлого пацана. — Один из этих? Из ролевиков, что ль?

Я даже не сразу сообразил, что упырь обращается ко мне. Поднял глаза и окинул шакалят взглядом, каким обычно смотрю на россыпь бездушных аномалий, которые нужно обойти: без интереса, профессионально, как на досадную помеху. Четверка немедля оживилась и тронулась в мою сторону.

Колотить мой лысый череп! Они что, умом повредились? Не ту жертву, слепые кутята, вы себе нашли, ой не ту.

Отрок в штанах цвета хаки встал передо мной и сунул руки в карманы. Вот дурак. Кто ж сам себя лишает маневренности? Впрочем, мне-то какое дело — встал и пусть себе стоит, только перегаром поменьше бы вонял. Терпеть не могу нюхать чужой выхлоп, когда сам не пил.

— Мурло поверни в сторонку, — беззлобно попросил я, не двигаясь с места.

Вожак шакалят, кажется, опешил от святой простоты и спокойствия, которые я излучал. Он приподнял брови и, поворочав мозгом, вернул их в исходную позицию. Тупо спросил:

— Ты чё, лысый, офонарел, что ль, мне тут указывать?

— Завали варезку, терпила, — все тем же скучающим тоном ответил я. — Несет, как из компостной ямы.

Слово «компостный» явно не входило в лексикон этого мышечного акселерата, и, кажется, я ему еще на несколько секунд обеспечил движняк серого вещества. Пользуясь паузой, в разговор встрял другой подросток — сутулый и щербатый, несмотря на юный возраст.

— Цветочек себе на могилку припас, дядя? — ухмыльнулся он. — Надо было парочку, а то — число нечетное.

Я покрутил в пальцах длинную розу и молча пожал плечами. Ну не объяснять же этим упырям, в самом деле, что я еще полгода назад обещал девушке живых цветов из-за Периметра достать.

— Ты знаешь, на каком ты районе? — поинтересовался вышедший из культурного ступора лидер.

— Без понятия, — честно признался я.

— Ты на нашем районе. Гроши гони. Не понял, что ль?

Стало совсем грустно. До этого момента я полагал, что мы, сталкеры, дескать, закупорились в Зоне и понятия не имеем о благах цивилизации, которые рождаются и множатся за контрольно-следовыми полосами. И сегодня утром мне действительно почудилось, что все чуточку поменялось: деревья стали зеленее, улицы светлее, люди добрее. Как бы не так, все то же самое. Разве что деревья не жгутся «ржавыми волосами», улицы не вспороты смертельными «разломами» и не усыпаны «жарками», а люди жрут свежие котлеты из бумаги и красителей вместо просроченной тушенки с военных складов. В остальном — один хрен.

За восемь лет не изменилось абсолютно ничего.

Я перестал облокачиваться на столб и встал прямо, не переставая медленно крутить колючий цветок в пальцах. Шпана напряглась. Двое зашли с флангов, лидер и щербатый чуть отодвинулись, доставая ножички.

Интересно, они реально меня собрались вот этими открывалками пырять? Смертники какие-то, ей-богу.

— Тебе... — Договорить отрок в камуфляжных шароварах не успел.

Я нанес ему легкий упреждающий удар в нос. Не кулаком, конечно, а раскрытой ладонью — что я изверг какой, людей калечить. Голова подростка мотнулась назад, из ноздри потекла кровь. Он машинально взмахнул перед собой лезвием и чуть не полоснул щербатого. Тот отшатнулся и, споткнувшись о бордюр, шлепнулся задом на мостовую. Раздался визг тормозов, и водила разразился из окошка своей машины немудреными ругательствами.

Демоны Зоны! И эти горе-гопники прохожих в подворотнях грабят? Вот уж впрямь — цивилизации грозит упадок. С таким уровнем боевой подготовки их любой отмычка-желторотик играючи положит голыми руками.

Меж тем двое оставшихся в строю шакалят не струхнули. Они попытались атаковать с флангов. Если бы я сражался с серьезными противниками — сталкерами или мутантами, — то назвал бы этот маневр «клещи». Но окрестить таким термином беспомощное брыканье малолеток язык не поворачивался.

Отступив на полшажка назад, я помог правому подростку вписаться лбом в столб, а левого уронил в траву легкой подсечкой. Стон и мат слились в единый тягучий звук, застывший в прозрачном воздухе спального квартала.

М-да. Разбойнички доморощенные.

— Пиндец тебе, дядя, — смело пообещал щербатый.

Он яростно набежал спереди, а вожак, утирая кровавые сопли, бросился сбоку: взмахнул ножом длинно и наискось, рассчитывая, видимо, зацепить меня хоть как-то. Провалить атаку обоих у меня не получилось, поэтому «нырнул» только щербатый, а второго пришлось встретить захватом и ударом коленом под дых.

Роза полетела в пыль.

Настырные.

Пока я укладывал авангард моськой в газон, очухались прикрывающие. Они с проклятиями принялись отрабатывать на мне боксерские навыки, тщетно ловя кулаками воздух — уклоняться от их тягучих тычков не составляло большого труда. Проблема была в другом: на нас стали обращать внимание прохожие, из магазина вышла продавщица, охранник набрал по мобильному короткий номер и, кажется, вызвал ментов.

Вот только усердных «гимнастеров» мне не хватало для полного счастья.

Дабы избавить себя от крайне нежелательной встречи с представителями власти, пришлось ускорить процесс воспитания борзой молодежи. Я осторожно вырубил лидера косым ударом по шее и довольно жестко уронил щербатого спиной о землю, чтобы не возникло, чего доброго, охоты вставать. При виде поверженных вожаков у горе-боксеров наконец сработал инстинкт самосохранения, и они отбежали к подъезду высотки. С безопасного расстояния один крикнул:

— Не суйся больше на наш район, падла! Прибьем!

Я понимающе кивнул и нагнулся, чтобы поднять розу. К сожалению, цветок в суматохе был втоптан каблуком в газон и теперь представлял ценность исключительно как экспонат гербария. Всегда так: захочешь сделать женщине подарок — обязательно найдется хам, который испоганит благой порыв. Объяснишь честно — Лата поржет, а потом еще месяц издеваться будет и прилюдно подкалывать. Другой бы на моем месте, может, и поведал всю правду об утерянных в потасовке лепестках, но только не вольный сталкер Минор. Я лучше промолчу.

Маршрутка и милицейский «ЗАЗ-25» вывернули из-за угла одновременно. На тротуаре к этому времени уже собралась приличная кучка зевак, уважительно поглядывающих в мою сторону и подтрунивающих над поверженными гопарями. Вернулись на исходные позиции голуби.

Маршрутка, к счастью, подкатила первой. Я скинул рюкзак и ловко запрыгнул внутрь дребезжащего микроавтобуса с табличкой «Вышгород — Рудня. По городу 2 грн.». Захлопнул за собой дверь, отдал деньги и протиснулся в глубь салона. Возле окна сучал давешний толстый мальчуган. Увидев меня, он оживился и заерзал на сиденье.

— Загребут и отпустят, — прокомментировал мальчуган, наблюдая через щель в шторках, как менты деловито упаковывают очухавшихся подонков. — Теперь эти козлы еще злее станут.

Я промолчал. Никакого дела до местных разборок мне не было. Главное, чтобы «гимнастерки» не заинтересовались беспаспортным телом бродяги Минора.

Маршрутка крикнула трансмиссией и тронулась.

За окном потянулась набережная с торговыми палатками, но уже скоро дорога вильнула, и мы забрали западнее. С правой стороны мелькнула синяя прореха воды, с левой — застыл пустынный перекресток с мигающим желтым светофором. Город остался позади.

Водитель вырулил на трассу и набрал скорость, не обращая внимания на то, что под днищем гроыхает, а в урчании двигателя слышны чихающие нотки. Он несколько раз глянул на меня в зеркало, убавил шипящее помехами радио и бросил через плечо:

— Твои хлопцы утром уехали. Опоздал, чи шо?

Я нахмурился. Уточнил:

— Какие хлопцы?

— Рулевики, какие ж еще. Ездят каждой весной аж до самого Чернобыля, палатки ставят, стулками прикидываются и вроде как играют по каким-то правилам. Як только рога еще не поотрастали от рудииции.

Вот он о чем. Да, эту тему мы ведаем — в баре «№92» много анекдотов травят про киевскую молодежь, наслушавшуюся обрывочных легенд про Зону и изображающую из себя сталкеров. У них, говорят, даже целые фестивали случаются: соберут сотню школьников, оденут в списанную химзу и давай войны кланов инсценировать. Власти глаза закрывают на подростковые забавы. Правильно, пиджакам такой расклад на руку: пусть детишки лучше краской пуляют и ловушки-маркеры ставят, чем за Периметр суются.

Водила, так и не дождавшись от меня ответа, закурил и усталился на дорогу.

Пассажиров в салоне было мало. Две суровые бабки с мотыгами и саженцами, парень с девахой, сосущиеся на заднем сиденье так яростно, будто задалась целью сделать друг дружку губошлепами, унылый поддатый мужик да толстенный любитель покормить голубей.

Я достал из рюкзака термос с чаем, остывшие бургеры, шоколадку и принялся есть. Неизвестно, сколько потребуется времени, чтобы добраться до внешней границы и перебраться на ту сторону. Тропа, по которой я шел утром, показалась вполне надежной, и всё-таки на подступах к Зоне нужно накидывать часок-другой к расчетному времени — обстоятельства разные случаются. Поэтому лучше уж пожрать впрок, чем потом лежать в канаве и, пережидая, пока патрулю надоест шмалать по уткам, слушать, как квохчет в пустом животе. Бывало и так. Знаем, проходили.

Толстый пацан долго ворочался на своем месте, чесал веснушчатые щеки и косился на меня, не решаясь завязать разговор.

— Ну, — подбодрил я, слегка разомлев от горячего чая, — чего зыркаешь?

Он вздрогнул и припал к окну, сделав вид, будто до крайности увлечен однотипным пейзажем. Но спустя минуту все ж не выдержал и пододвинулся ко мне, сощуриив глазки.

— Дядько, а вы ведь не ролевик, — хитро шепнул он.

— Серьезно? — Я откусил шоколадку и принялся жевать. — А кто?

Пацан воровато оглянулся по сторонам и заговорщическим тоном шикнул:

— Вы сталкер. Настоящий. Я это сразу понял, когда увидел, что вы гопарей не испугались. Местные ролевики их сторонятся.

Не переставая жевать, я цыкнул зубом и повернулся к прозорливому шалопаю. Он все так же щурился и храбро улыбался: мол, раскусил я тебя, дядя, не отвертись. В руках он держал портативную игровую консольку, на подсвеченном экране которой я сразу приметил схематичную карту Зоны. Ё-моё, угораздило же нарваться на любителя компьютерных игрушек.

— Дай-ка свою бирюльку, — попросил я.

— Це не бирюлька, це ПДА. — Пацан перестал дыбиться и протянул консоль с серьезным видом. — Скажи, а Зона правда такая, как здесь нарисовано?

Я окинул взглядом карту, автоматически вычлняя чудовищные неточности в локациях и примитивную топографическую картинку. Вернул гаджет.

— Ну? Такая? — нетерпеливо повторил пацан.

— Почти, — уклончиво ответил я, невольно проникаясь симпатией к пухлому любителю виртуальных приключений.

Почему-то из всех человеческих шаблонов, встреченных в течение дня за Периметром, он показался мне самым живым и настоящим. Остальные напоминали суррогатов, выбитых гигантской машиной общества из мясных заготовок. Гремит и штампует эта машина фигурки, а они ходят потом без страха и цели, слоняются, словно зомбированные сталкеры в поисках жратвы, разлагаются и в конце концов погибают, наступив на противопехотную мину или угодив в аномалию...

Я встряхнулся.

ТЬфу ты, жуть какая в голову лезет. Нельзя мне надолго из Зоны выбираться, а то свалюсь, чего доброго, посреди улицы и встать не смогу. Свежий воздух пьянит почище выпивки.

Маршрутка остановилась. Бабки вылезли, едва не снеся своими мотыгами водиле полчерепа. Он отправил им вдогонку несколько нелитературных высказываний и рванул с места так, что парень с девкой, которые целовались сзади, ойкнули: кажется, языки прикусили.

Толстый пацан продолжил с любопытством изучать мой прикид. Он внимательно осмотрел крепкие штаны с многочисленными карманами, высокие берцы, подъемы и задники которых были усилены металлическими вставками, кожаную куртку с двойным замком-молнией. А затем без затей ткнул пальцем в правое плечо, где виднелась потертость от оружейного ремня, и спросил:

— Какой автомат лучше — Калашникова или М-16?

Поддатый мужик с любопытством завертел головой, но, поймав мой взгляд, тут же вернулся в исходное положение. Кроме него, кажется, никто не обратил на нас внимания.

— М-16 только по типу автомат, а по документам — автоматическая винтовка, — ушел я от ответа и сердито воззрился на пацана. — Тебе когда выходить?

— Я до конечной, до Рудни, — радостно сообщил он. — А кто сильнее: кровосос или трясинщик?

Я тяжело вздохнул и отвернулся к окну. Трясинщик, надо же. Если когда-нибудь доведется вновь свидеться с Болотным Доктором, подкину ему словечко, пусть пользует для классификации своих зверушек.

Попутчик меж тем не отставал. Кажется, он решил меня доконать убойными вопросами.

— Дядько, а какие раны опасней — резанные, колотые чи огнестрельные?

— Черепно-мозговые, — сурово отрезал я. — И если не отвалишь, я тебе обеспечу парочку.

Шалопай надулся и сдвинул сивые брови, веснушки на его щечках проступили явственней. Освещенный косыми лучами заходящего солнца через прореху в шторках, он мне напомнил Дроя — матерого сталкера, с которым мы не один рейд вместе пережили, прикрывая один другому спину. Ну да, вроде похож: конопатый, прямолинейный, с проблемными килограммами на боках. Уменьшенный и омоложенный вариант.

Я примирительно толкнул пацана локтем, спросил:

— Перед гопарями бывает ссыкотно?

— Бывает, — признался он. — Весь район задрали уже.

— В следующий раз, когда подойдут, двинь лидеру в рыло, — посоветовал я. — В переносицу, у него носопырка слабая.

— Ага, чтобы потом меня избили. Еще чего.

— Верно, избыют, — сказал я. — Но если не садануть шакалу в нос, он всю жизнь будет тебя глотать.

Пацан не ответил. Он подвигал кожей на лбу и принялся что-то соображать, почесывая в мясистом затылке. Солнце опустилось за кромку леса, и веснушки на пухлых щеках погасли, рассеивая сходство с Дроєм. Я пригляделся. И впрямь, нет между ними ничего общего — показалось.

Рядом со мной сидел обыкновенный мальчишка десяти лет от роду — слабый, затюканный, обреченный на серенькое будущее.

Суррогат.

Намек на понимание этого понарошку благополучного мира улетучился. За границами Зоны для нас, радиоактивных бродяг, все было чужим. Без шансов.

На конечной остановке я выбрался из маршрутки и накинул на плечи рюкзак, поморщившись от эха боли в старой ране на плече.

Уже смеркалось. Нужно было торопиться. Предстояло протопать через осиновую рощу до южной дороги, обогнуть ее по дуге и миновать левее КПП следовую полосу с заграждениями. В принципе это можно было сделать и ночью, но уж больно хотелось поспеть к вечерней попойке, чтобы привести в норму организм после контакта с внешним миром.

Я посмотрел на часы и быстро зашагал вдоль выцветшего фасада местной автостанции.

— Дядько, — окрикнул меня пацан.

Я остановился и глянул на пухлую жертву фастфуда через плечо. Не хватало еще, чтобы увалень за мной увязался.

— Беги домой, тело, — сухо велел я.

Он потоптался, шмыгнув носом и зачем-то сказал:

— Меня Василием зовут.

— Несказанно счастлив. Вали до хаты, Василий.

— Злой ты, — вынес вердикт пацан, шмыгнув еще громче.

— О, еще какой, — кивнул я и, не оборачиваясь, спустился по насыпи с обочины.

Прочь, прочь от этого непуганого мира. Нечего тут делать сталкеру, который привык жить на грани адреналинового шока, а не волочить сопли по ухоженным городским бульварам.

Прочь.

Речка Вересня больше походила на ручей: мутный поток извивался между заболоченными кочками и молодой порослью камыша, нырял под мостик, журчал рядом с размытой вешними водами грунтовкой. Дорога тянулась на северо-запад. В глубоких колеях виднелись свежие следы протекторов. Судя по рисунку, днем здесь проехал либо «Урал», либо ГАЗ-66. Наверное, снабженцы из гарнизона подбрасывали полезный груз воякам на КПП.

Через полчаса я добрался до края поля. Дальше начинался лес, в котором грунтовка окончательно превращалась в слякотное месиво, и двигаться было проще по траве.

Прежде чем войти в сумрачную рощу, я достал из рюкзака ПДА со встроенным детектором и поставил его в режим вибросигнала. Здесь никаких аномалий, конечно, быть не могло — слишком далеко до зараженных территорий, — но привычка перестраховываться часто помогала мне выжить, поэтому я считался с принципом: если можешь что-то сделать заранее — сделай.

Стараясь не шуметь, пошел вперед.

Трава под ботинками стлалась влажным ворсом: в тени деревьев роса не успевала высохнуть за дневные часы. Пахло свежестью и гнильцой — такая причудливая смесь ароматов встречается в рощицах, где солнечные лучи не добираются до почвы, застревая в густой листве. Побег крапивы норовили обжечь руки, но крепкие перчатки не оставляли им ни единого шанса. В верхушках осин шелестел вечерний ветерок.

Ни щебета птиц, ни шороха ежа или полевки, ни стрекота цикад. В этом приграничье почти не водилось зверья. Ничего удивительного: животные чутче людей — они ощущают губительный дух Зоны издалека и предпочитают держаться на расстоянии.

Я вышел на опушку и сверился с навигатором. До конца леса оставалось с полкилометра, и можно было начинать забирать левее, чтобы выйти не на саму дорогу, ведущую к контрольно-пропускному пункту, а к неглубокому овражку. Подальше от возможных маршрутов военных патрулей.

Когда я собрался продолжить путь, в затылке будто бы тихонько защелкало. Не к добру это, ох не к добру. Есть у меня одна странность: когда организм интуитивно подозревает об опасности, в голове начинает тикать, будто птичка клювиком изнутри долбит.

Вот и теперь незабвенная птичка-интуиция вдруг проснулась, сигнализируя: что-то не так.

Я внимательно оглядел полянку. Вокруг нависали рваные силуэты деревьев, кое-где из травы торчали трухлявые пеньки, сверху застыло темно-синее пятно безоблачного неба.

Все бы ничего, да только на самой кромке опушки темнела цепочка следов.

Свежие. Шли несколько человек гуськом. В теории — грамотно. На практике — натоптали, как стадо бизонов. И как я сразу не обратил на них внимания? Тщательнее надо быть, глазастее. После расслабляющего путешествия в город и квалификацию потерять недолго...

Я откатился в сторону длинным кувырком за полсекунды до того, как раздался хлопок выстрела.

Определить, откуда ведется огонь, не составило труда: засада была сделана неумело и даже для профана в технике диверсионной войны не представляла особой угрозы. Двое в маскхалатах обустроились в ложбине, которая простреливалась с трех сторон. А на пути отступления — захоти они ретироваться с поля боя — партизан ждали обломанные ветки кустарника и внушительный пень. Дилетанты.

Жахнув по мне одиночным, они не озаботились сменой позиции. Впрочем, это бы их не спасло от расправы, ибо бойцы оказались адски неповоротливы.

Когда я короткими перебежками добрался до огневой позиции, то обнаружил пару перемазанных каким-то театральным гримом рож, на которых читалось крайнее изумление. Стрелки глазели на меня снизу вверх, забыв об элементарных принципах самозащиты в ближнем бою. Повезло же этим камикадзе, что я вовремя распознал их пейнтбольные пукалки, а то ведь мог на всякий случай и шеи переломать.

Одного я аккуратно прижал коленом к земле, второму легонько заломил кисть, заставив выпустить ружье с накрученным поверх ствола баллоном кислотно-красного цвета. Еще один, к слову, демаскирующий фактор.

— Пусти! — вякнул ролевик, которого я вдавил в мох. — Из какого отряда?

— Из враждебного лагеря Чунгачанги, — ответил я, чуть ослабив давление. Задохнется еще, чего доброго. — Другие энтузиасты поблизости есть?

— Ничего мы не скажем, — храбро заявил парень с заломленной рукой. — А ну отвали, а то капрал Опасько живо тебя черныбыльским псам скормит!

Я не знал, смеяться мне или плакать. Угроза была выдвинута настолько серьезным тоном, что на какой-то миг мне представился незнакомый капрал Опасько в образе бравого вояки с разукрашенным шрамами лицом. Берет, значит, меня суровый капрал за лодыжку и небрежно швыряет в яму хрипящим псам-мутантам. Кошмар.

Меж тем возиться с заигравшимися в войнушку юношами было некогда, да и не горел я желанием окунать их моськами в грязь — ну оказались не в том месте, не в то время и атаковали совсем не того, на кого охотились. Бывает, они ж не виноваты в тупизне командира, отправившего салаг караулить опушку, через которую время от времени ходили настоящие сталкеры.

Я забрал у брыкающихся ролевиков оружие, разрядил и отбросил в сторону. Предупредил сердито:

— Попробуете пойти за мной или организуете погоню — передую, как слепых котят химеры.

То ли я переборщил со строгими нотками в голосе, то ли хватил с жесткостью захвата, но, кажется, до стрелков наконец дошло: перед ними профессиональный боец, а не игрок. Оба юнца умолкли и воззрились на меня со смесью священного ужаса и любопытства. Я даже за сухость их исподнего обеспокоился.

— Офицер, — хныкнул ролевик, растирая опущенную кисть, — только не забирайте нас в часть. Мы к Зоне близко не подходим, мы только в пределах полигона играем. Не забирайте, а то с нас Опасько шкуру снимет.

Они что, меня за солдафона с КПП приняли? Совсем со страху ум потеряли — ну какой я, к Демонам Зоны, военный в таком прикиде? Ладно, пусть думают что хотят.

— Лежите смирно, — скомандовал я, поднимаясь на ноги. — Раньше чем через четверть часа не вздумайте носы от грунта отрывать. Вкурили?

— Так точно! — отрапортовали ролевики, утыкаясь лбами в землю.

ТЬфу, придурки какие-то, совсем военно-полевого юмора не понимают. Ну и пусть теперь мох нюхают, пока очко не разожмется. Как говорит суровый сталкер Дрой: поделом козе дали в рожища, коли нет ума ни херища.

Я бесшумным шагом покинул опушку, в очередной раз проклиная тот момент, когда решил сыграть по пьяни с Фолленом в треньку.

Уже совсем стемнело, но размахивать фонариком я не решился. Глядишь, нарвусь на настоящих миротворцев — те краской шмалять не станут, живо изрешетят из боевых стволов.

Оставшиеся до кромки овражка полкилометра пришлось пробираться через лес практически на ощупь, рискуя в лучшем случае влететь в яму и переломать кости, а в самом наихудшем — зацепить растяжку и превратиться в фарш под аккомпанемент гранатного взрыва. Хотя это я, конечно, загнул — этот район вроде бы не минировали. Но вообще ролевики, конечно, отчаянные ребята, без обиняков: забалтывать себе игровой полигон впритык к запретной зоне, которую пасут солдафоны, — это надо иметь определенный запас внутричерепной брони. В таких случаях, я считаю, смелость человеческая тесно граничит с глупостью.

Лес наконец кончился. На открытом пространстве было гораздо светлее, но в низине уже начал собираться туман, поэтому пейзаж выглядел тревожно.

Неглубокий овраг по левую руку от меня тянулся до самого Периметра и в принципе мог послужить естественным укрытием для того, кто вознамерился незаметно подобраться к проволочным заграждениям. Но суглинистые склоны были скользкие, а дно после весеннего паводка сплошь завалило буреломом, который болотная жижа скрепила подобно клейстеру. Так что нырять в эту клоаку я собирался лишь при крайней необходимости.

Зато рядышком, по самой кромке, тянулась едва заметная тропка, по которой я утром благополучно прошел, не привлекая к своей бесценной персоне лишнего внимания со стороны военных.

Их блокпост виднелся на северо-востоке, метрах в трехстах. Отлично освещенная прожекторами территория, переоборудованная в настоящий укреп район.

Возле трассы торчала высокая будка ДПС с забранными железными ставнями окнами и ветвистой порослью антенн на крыше. С наружной стороны дорогу перегораживали бетонные блоки, выставленные в шахматном порядке, чтобы никакой придурок с разгону не мог протаранить ворота. Рядом с будкой ошестинился стволом КПВТ бронетранспортер, а за наваленными друг на дружку мешками с песком была оборудована долговременная огневая точка. Часовые в бронеках и касках-сферах прохаживались возле крайнего прожектора, отбрасывая на асфальт короткие тени. Правее мерцали габаритные огоньки вертолетной площадки, в центре которой дремал древний, но от этого не менее грозный Ми-24. Все серьезно. С вояками шутить — себе дороже.

Я пригнулся и осторожно пошел вперед, внимательно следя за тропкой и не забывая краем глаза отмечать перемещение часовых. Через несколько минут один из них рывкнул

что-то в рацию и с натугой развернул прожектор в сторону подъехавшего джипа. Из патрульной машины выскочили трое в «песчанке» и направились к пропускному пункту. С такого расстояния я, бесспорно, не мог разглядеть лычек и знаков различия, но и облезлому тушкану понятно, что в светлой камуфляжке возле Зоны могут расхаживать только окончательно потерявшие страх миротворцы. Они б еще голубые каски нацепили для полного парада, дебилы.

Перебросившись парой слов с часовыми, эти клоуны трусцой направились к будке и взбежали по лесенке на второй этаж. Навстречу им вышел начальник караула и принялся тыкать рукой в сторону Кордона.

Что-то там происходило, и мне это категорически не понравилось.

Я ускорил шаг, не забывая, однако, глядеть под ноги — склон рядом, в любой момент можно оступиться и поехать в овраг с треском и фанфарами на радость солдафонам.

Резко стало светло, как днем, и я, повинуясь инстинктам, упал в траву. Ракета взвилась над приграничем, искря и оставляя за собой в фиолетовом небе дымный след. Миротворцы засуетились, начальник караула мигом скользнул к узлу связи, часовые вскинули автоматы. Загавкала сторожевая собака.

Что же это за фейерверк, в самом деле! Учения? Облава? Беглого сталкера ищут? А может, гон перед выбросом начался, и мутанты ломаются с внутренних территорий? Хотя нет, последнее вряд ли: рановато еще для выброса.

Я потихоньку приподнялся на локтях и пополз к контрольно-следовой полосе, до которой оставалось уже немного.

Чтобы там ни случилось, тупить на месте нельзя. Во-первых, в такие минуты остановка может оказаться роковой. Ведь если солдатам отдадут приказ прочесать район, меня распластает, как куренка на сковородке. Во-вторых, пока они там заняты, мне нужно скоренько попасть в бар. Все одно — под шумок легче через заграждения просочиться.

Возле пашни торчала табличка с трафаретной надписью: «Стоп! Режимный объект! Ведется огонь на поражение!». И ниже мелким шрифтом: «Суворо заборонено! Кеер out!». Знаем-знаем, не первый день на рынке. Я достал миниатюрную саперку, которую дилетант мог принять за детскую лопатку, и начал преодолевать контрольную полосу, рихтуя за собой следы.

Ближайший фонарь, гудящий на столбе, высвечивал на пашне овал несколькими метрами левее. Я же двигался по теневому участку, и хотелось надеяться, что со стороны не выглядел идиотом, решившим под носом у вояк несанкционированно попасть на территорию, граничащую с Зоной.

Какому-нибудь желторотику, возможно, показалось бы странным, что посредники проложили тропу именно в этом месте, рядом с КПП. Но здесь была своя логика. Восточнее простирались поля, и вдоль Периметра пролегла дорога, по которой то и дело шастали моторизованные группы военных, меняя график, дабы умники вроде меня не просчитали систему патрулирования и не воспользовались свободными «окнами». А западнее лежала болотистая местность — и, чтобы обойти топь, нужно было делать крюк километров в десять-двенадцать. Увольте, я не мастак марш-броски ради забавы совершать. Лучше уж аккуратненько проскользну ужом под крылышком у солдафонов.

Ток по сигнальному контуру в заборе пускали с десяти вечера до семи утра, и такая экономия энергоресурсов, безусловно, играла мне на руку. Я глянул на часы. Дивно, в моем распоряжении еще полчаса — успеваю с запасом.

Кусачки легко перекусили проволоку, которой я сам же поутру закреплял выставленный сегмент колючки. Через дыру я пропихнул рюкзак, затем пролез сам. Огляделся, прислушался — вроде бы тихо, только от КПП все еще доносятся неразборчивые крики и хриплый собачий лай. Вот и чудненько, сейчас залатаем — и восвояси, в бар.

Я почти заделал дыру, когда на блокпосте взвыла сирена тревоги. Прохладный воздух словно бы загустел над приграничем от этого унылого, скрежещущего по нервам стона.

Я замер. Это уже не шутки: если объявили тревогу, значит, произошло нечто посерьезнее нападения заблудшего слепого пса. Общая тревога — это либо массовый

прорыв Периметра, либо... Демоны Зоны знают, что тут еще может случиться! Да все что угодно, на самом деле.

Ввысь со стороны Кордона взлетели сразу три осветительные ракеты, и тени от фонарей пропали. Укрываться больше было негде.

Я наспех скрутил последний проволоочный «бантик», закрыв брешь, и рванул по пашне наискосок, уже не заботясь о том, чтобы замести следы. Некогда теперь в шпионов играть, в следующий раз. Через пару минут весь личный состав караульного взвода на ушах стоять будет, а может, и усиление из гарнизона подтянут — хрен знает, что стряслось-то.

Добежав до конца следовой полосы, пришлось остановиться и оценить дальнейший маршрут: всё-таки я этим путем только единожды ходил, поэтому не мог действовать наобум. Мин и растяжек на Внешнем Периметре, конечно, не ставили, но мало ли в какое дерьмо можно вляпаться. Угодишь в щель между старыми шпалами, вывихнешь ногу и останется смиренно ждать, пока патруль примет под крылышки. А с моим «послужным» списком лучше сразу попросить ствол с одним патроном.

Впереди, наполовину вросшие в землю, торчали ветхие гаражи, стены у которых пестрели рваными дырками от былых перестрелок, а двери были зверски вывернуты углами наружу. Лезть сквозь нагромождение острых железок ой как не хотелось. В принципе был проход левее, по развалинам старой котельной, но я вспомнил, как утром сигал там с кирпича на кирпич, рискуя сверзиться в каверну, образовавшуюся в фундаменте, и энтузиазм прошел. Оставался последний вариант. Обогнуть гаражи справа и, минуя заброшенный поселок, выбраться на обводную дорогу. А там уж и до заветного бара рукой подать.

Стало быть, решено: через поселок.

Над блокпостом, перекрывая собачий лай, засипел громкоговоритель.

— Внимание! Говорит начальник караула майор Бржко! Движение через пропускной пункт охраняемого Периметра закрыто. До семи часов утра покидать пределы Зоны запрещено...

В динамиках зашипело. А через секунду тот же голос оповестил невидимых отсюда нарушителей:

— Немедленно остановитесь! Повторяю: немедленно остановитесь и поднимите руки вверх! При неподчинении будет открыт огонь на поражение!

Надо же, какой галантный солдафон. Новенький, что ли?

— Твою мать! А если не зомбаки? Положишь каких-нибудь генеральских сынков, которым экзотики захотелось, и под трибунал пойдешь.

Эти реплики явно не предназначались для оглашения, просто майор с дурацкой фамилией забыл выключить микрофон. Что ж, теперь я по крайней мере мог понять его волнение. Интересно, кому вздумалось в комендантский час напрямки через КПП ломиться? Жить, что ль, надоело?

Я пробрался вдоль гаражей к пересохшему колодцу и побежал через дворики, мимо обгорелых сараев. Лет пять назад в этом богом забытом месте случилась жестокая схватка между гарнизонным спецназом и дезертировавшими военными сталкерами, которые решили прибрать к рукам богатый контрабандный хабар. Резня, помнится, удалась на славу — голов по двадцать с обеих сторон полегло. А под занавес пришли миротворцы и ничтоже сумняшеся накрыли с ближайшего пригорка минометным огнем всех оставшихся. До сих пор гарью из почерневших хат пахнет. Так-то.

Я притормозил.

На перекрестке, где кривые улочки образовывали подобие крохотной площади, блестела гигантская лужа. Нехорошо она блестела, подозрительно. Ржавый скелет трактора «Беларусь» торчал в самом ее центре, и та часть, что скрывалась под водой, мерцала. Именно так: по ржавым крыльям, рессорам, дискам пробегали едва заметные изумрудные искорки. Детектор аномалий не фиксировал ничего необычного, но я привык доверять своему чутью больше, нежели набору микросхем и мембран.

Достав из кармана болт, я бросил его в трактор. Не долетев самую малость, железяка срикошетила вниз и без брызг плюхнулась в воду. Как в студень.

ПДА завибрировал, на экранчике детектора отобразилась красное пятно прямо по курсу. Проснулся. Чтоб я без тебя делал, тормоз педальный.

Я попятился от опасного «зеленого киселя» и припустил в единственно возможном направлении: по улочке, отходящей вправо от перекрестка. Пробежав с полсотни метров, резко юркнул в тень, к ближайшему забору. Затаился.

Дело в том, что, обходя лужу, мне пришлось невольно приблизиться к шоссе, которое вело от Кордона к Внешнему Периметру. И, судя по продолжающимся увещаниям начальника караула, именно по нему сейчас приближалась группа нарушителей, которую вот-вот должны были расстрелять из всех стволов. Угодить под молотки мне совсем не улыбалось, а сворачивать во дворы было небезопасно: грязищи-то по пояс, увязнуть можно на раз.

Я решил выждать, пока придурки завершат свой трагический марш, и уж потом слинять.

Бой начался внезапно. На видимом мне участке насыпи показались несколько силуэтов в броне, модификацию которой я с ходу определить не сумел. На короткий миг прожектор ослепительным лучом высветил искаженные в яростной гримасе лица под прозрачными забралами защитных касок, и тут же раздались оглушительные хлопки выстрелов. Группа рассредоточилась с потрясающим проворством и организованно пошла в атаку.

Майор дурак, если до сих пор допускает, что это мутанты. Зомбакам до подобной прыти еще век эволюционировать, а на snorkов бойцы ну никак не тянут — манера перемещения совершенно иная. Четкие командные действия, высокая скорость, феноменальная точность стрельбы. Первой очередью был вынесен прожектор, второй — раскрошена спутниковая антенна на крыше будки, а снайпер настолько безупречно снял гарнизонного пулеметчика, что бедолага, наверное, не успел даже затвор передернуть.

Ну и ну. Кто же это так бодро вынес блокпост, не особо таясь, не опасаясь навлечь на себя гнев военных? А главное, зачем?...

Додумать я не успел. Один из нападающих скользнул в сторону, уходя с насыпи: часовые наконец сориентировались и открыли ответный огонь. Боевик вмиг оказался рядом со мной и замер в ожидании, подобно изваянию. Под бронированными пластинами не шевелилась ни одна мышца, он словно бы забыл, как дышать. Ствол автомата смотрел немного левее моей груди. От него веяло холодом смерти.

Забрало шлема бликовало, и выражения глаз незнакомца я видеть не мог, а вот контуры нижней части лица смутно различал...

Хорошо, что я в туалет сходил заранее, еще возле речки, а то казус мог бы выйти невероятный.

Губы, челюсть, шея — все было черного цвета. Нет, стоящий рядом солдат вовсе не был чернокожим. Он словно бы состоял из кусков каменного угля. Понимаю, звучит глупо, но в тот момент мне было не до подбора точных метафор. Окажись вы на моем месте — безоружными в нескольких шагах от агрессивного шахтера-убийцы, — уверен, тоже обалдели бы.

Без движения боец простоял всего несколько секунд. То ли он меня не заметил в тени возле спасительного забора, то ли не воспринял как возможную помеху, но моя персона не была удостоена даже поворота головы. Бронированный солдат мгновенно перешел от статики к стремительному движению, словно бы никогда не слышал, что в природе существуют такие пустяки, как инерция и ускорение. Он задержался возле столба, дождался, пока остальные его товарищи уйдут вперед, и пружинисто побежал вдоль насыпи, прикрывая тыл. Профи высшей категории, без вариантов.

Через полминуты я позволил себе вдохнуть и немедленно задал стрекоча в противоположную сторону. Мотать надо, пока военные сюда тяжелую технику не подтянули. И пусть желторотики друг другу хвастаются, какие они невыносимо храбрые, а мы, ветераны, знаем, что в бегстве ничего зазорного нет. В жизни ведь все просто — поведение должно соответствовать обстоятельствам.

Выбравшись на обводную дорогу, я обернулся и взгляделся в зарево, вздрагивающее над блокпостом. Эхо от пулеметных очередей и далекий гул вертолетных турбин уже не казались страшными, но у меня все еще стоял перед глазами угловатый профиль чернильного цвета. Образ воина в тяжелой броне намертво врезался в память, и до сих пор по хребту пробегал холодный черный ветерок. Бр-р!

Уже не первый год топчу гиблую землю, но до сих пор ничего подобного не видал, честное слово. Либо ученые изобрели очередную смертоносную хреновину, либо сама Зона опять подкинула нам загадку. Она вечно так глумится: вот вам ребус, хотите решайте, хотите нет.

Я поднял воротник — апрель здесь редко балует теплыми вечерами — и пошел к бару. Стаканчик-другой теперь уж точно не будут лишними. Гнилое благополучие внешнего мира, толстый любитель голубей, грезящий о сталкерстве, brave ролевики, туманные разборки у блокпоста... Все, хватит на сегодня стрессов — нервные клетки уважающему себя сталкеру надо беречь и неуклонно восстанавливать.

Глава вторая. Вечерние новости

Плафон в виде китайского фонарика покачивался под потолком на крюке, глядя на который возникали тревожные ассоциации с лавкой мясника. Каморка владельца бара «№92» вмещала в себя стол, несколько стульев для посетителей и глубокое хозяйское кресло. На стенах красовались плакаты с изображением полуголых девах в стиле ретро, пахло табачным дымом и кислятиной. Тихонько гудел ноут.

Я выложил перед Фолленом упаковки с ПДА и уперся кулаками в столешницу. Он с показным равнодушием окинул взглядом товар. Пыхнул вонючей папиросой, откинулся в кресле и принялся ковырять пилкой под ногтем.

Всё-таки на редкость мерзкий тип. Надо было еще полгода назад его на корм кабанам пустить за то, что сдал нас боевикам «Чистого неба». Они этого барыгу тогда купили, как шлюшку, а у него даже намек на совесть не обнаружилось. Лебезил потом перед нами, рассыпался в извинениях, хабаром уникальным обещал осыпать с ног до головы. Брехло этакое.

— Чего навис, как ивушка над лужайкой? — поинтересовался Фоллен.

— Ты бы заплатил за посредничество, — сказал я.

— Охамел? — Он приподнял брови и выпустил толстую струю дыма. — Ты в карты продул и вернул должок. В расчете.

— Смотри, в следующий раз могу и не замолвить словечко за твою задницу, — напомнил я. — Суд чести — вещь шаткая. Легко может превратиться в самосуд.

— Ладно, не секутись, — сдался Фоллен, откладывая пилку. — Сколько хочешь?

— Денег не надо, — улыбнулся я. Постучал пальцем по упаковке с ПДА. — Поделись штучкой из этой партии. Говорят, стоящие гаджеты?

— Попка не треснет?

— В самый раз.

— Накидывай пять штук и забирай.

— Три.

— Четыре.

— Жлоб.

— Халявщик.

Мы с минуту играли в гляделки. Наконец Фоллен тяжело вздохнул, изобразив на сухом лице вселенскую скорбь малых народов, и махнул рукой:

— Забирай и проваливай.

Я оставил на столе четыре мятые купюры, сунул ПДА в карман, не распаковывая, и покинул вонючую каморку. И как только Фоллен может сутками тут безвылазно торчать? Мутант, чес-слово.

Прежде чем пойти в снятую накануне комнату и упасть под душ, я решил заглянуть в зал, пропустить стаканчик для нервного успокоения. По мрачному коридору вышел на лестницу, стал подниматься по обшарпанным ступенькам и на середине пролета уперся в местного вышибалу Ерофея, облаченного в гимнастерку и шаровары. От него безбожно разило спиртным.

— Ага, — прищурился Ерофей, — наблюдаю знакомую лысину. Чего шастаешь, Минор?

— Иди спать, бюрер поганый, — беззлобно посоветовал я, отодвигая громилу и протискиваясь наверх.

— Пестуешь их, лелеешь, — проворчал Ерофей вслед. — Короеды...

Когда я уже подошел к бару, дверь с треском распахнулась, и навстречу мне вывалился Дрой, матерясь на чем свет стоит и потирая челюсть. Он встряхнул головой, засучил рукава куртки и быстро прошагал обратно в зал. Сквозь ритмичные уханья музыки оттуда донеслись крики и грохот разлетающейся мебели.

Ну, вот я и дома. Эх, хорошо!

Видавшая виды колонка «Томь» плевалась басами популярного лет пять назад говнорока, табачный дым утекал в вентиляцию плотными потоками, спиртное и чай плескались в многочисленных стаканах, а бармен Чижик мрачно ходил за бушующим Дроем, едва успевая подбирать падающие предметы.

Сивый сталкер разошелся не на шутку. Он шел за грамотно отступающим Гостом и приговаривал:

— Я тебе щас покажу удар профессионала. Минут на сорок выключу.

Завсегдатаи «№92» раздвигались вместе со стульями, дабы не попасть под горячую руку.

— Сам попросил в чувства привести, родной, — усмехнулся Гост, зайдя за железные бочки, в которых Фоллен хранил воду.

— Ты мне чуть зуб не выставил, пижон! — взревел Дрой и снес верхнюю бочку, благо та оказалась пустой. — На кой хрен в челюсть бить? Можно было уши растереть или еще чего-нибудь из народных средств.

— Я боялся, если к твоему мозгу резко прильет кровь, он может не выдержать, и случится перегруз.

Зря, конечно, Гост провоцирует. Наш веснушчатый друг в состоянии аффекта весьма опасен.

В подтверждение моей мысли Дрой снес еще одну бочку, чуть не зашибив Чижику, и уверенно пошел в наступление. Выглядело это жутковато: закаленный в рейдах центнер мяса с выставленными вперед кулаками, которые на своем веку сделали косметический ремонт не одному десятку физиономий, мог и смелых духом привести в замешательство.

Гост галантно пропустил набравшую скорость тушу мимо себя и выставил ногу, помогая приятелю потерять равновесие и протаранить головой ящики с запасами продовольствия. Если бы в них оказались не натовские пайки с сухим картофельным пюре, а, скажем, украинские консервы, травма черепа Дрою была бы обеспечена. А так ничего — только хлопьями осыпало.

Он развернулся и глянул на обидчика, словно рассвирепевший бык на удачливого тореадора. Другой бы на месте Госта от такого нежного взгляда в штанишки навалил. Но наш черновласый пижон и не таких хрюслом в землю укладывал, к тому же Дрой вот-вот должен был успокоиться. Обычно его пьяные припадки продолжались минуту-две, после чего сталкер либо накатывал пол-литра и падал замертво, либо полностью очухивался и принимался активно трезветь, заливая в себя немыслимое количество крепкого чая с сахаром.

Посетители бара с азартом следили за ходом схватки, кое-кто даже делал ставки. Из зала раздавались бодрящие возгласы, аплодисменты, тактические советы. Чижик катил опрокинутую бочку к стене.

Эх, хорошо!

После пары неудачных попыток Дрою все же удалось ухватить Госта за рукав и дернуть в сторону, да с такой силой, что тот улетел аккурат за барную стойку, чуть не свалив стеллаж с бутылками. Чижики от сего зрелища едва кондратий не хватил.

Когда Дрой уже готов был броситься на поверженного Госта плашмя, как матерый рестлер, его резким движением остановил долговязый сталкер по прозвищу Зеленый.

— Хватит интерьер разрушать, — попросил он. — Пойдем лучше перекусим. Минор вернулся.

Дрой остановился и еще некоторое время сопел, глядя на Госта сверху вниз. От его рожки постепенно отливала кровь, и кожа приобретала человеческий оттенок. Проступали веснушки.

— В следующий раз для вытрезвления моего бесценного организма не пользуйся такими суровыми методами, как прямой в челюсть, — велел Дрой, окончательно приходя в себя, и размял пальцами подбородок.

— Не вопрос, родной, — улыбнулся в ответ Гост, поднимаясь с пола и тщательно отряхивая штаны. — Я ж о твою гранитную башку чуть руку не сломал.

Посетители разочарованно вздохнули, забрали ставки из общака тотализатора, вернулись к поглощению напитков и провизии. Бармен составил бочки в исходное положение, молча выписал Дрою краш-квиток и возвратился за стойку.

Я заказал полстаканчика сорокаградусной, горячий суп с клецками и литровую коробку томатного сока. Сел за угловой стол, где мы обычно собирались, чтобы перекинуться свежими анекдотами, поделиться новостями и байками, сыграть в треньку.

Зеленый, Дрой и Гост устроились на соседних стульях и тоже сделали немудреный заказ.

— Как обстановка на большой земле? — поинтересовался Дрой, грея руки о подстаканник.

— Уньло, — ответил я.

— Я так и думал, — сказал Зеленый и грустно вздохнул. Этот сталкер все воспринимал заведомо пессимистично. — Скоро и здесь не останется ничего стоящего.

— Не заливай, родной. В Зоне на сто лет вперед сюрпризов припасено, — заверил Гост, приглаживая волосы. — На наш век точно хватит.

Мы чокнулись, выпили. Дрой пригубил горячего чая, остальные не побрезговали крепенькой.

— Кстати, — вспомнил я, — видел любопытного пацана. Вылитый ты, Дрой, только мелкий.

— И? — насторожился бродяга.

— Веснушки, склонен к полноте, нагловат. Кличут Василием. Нравнодушен к голубям.

Гост с любопытством посмотрел на Дроя. Зеленый гыгыкнул.

— Ты лет десять назад ни с кем из окрестных девок не грешил? — добил я, прихлебывая супец.

— Пошел к демонам, зомбак потрошенный, — буркнул Дрой, потирая могучей ладонью шею. — И, к слову: я абсолютно равнодушен к голубям.

Я не выдержал и улыбнулся. Примирительно похлопал его по плечу. Успокоил:

— Не паникуй, этот пацан до смерти боится гопников.

— Точно не мои гены, — просветлел Дрой. — Скотина ты, Минор. Почем зря праведных людей на измену сажаешь. Тело, блин, фонящее.

— Раз сомневаешься, значит, есть повод, — не стерпел Гост.

— Я тебя сейчас добыю, — пригрозил Дрой. — До самого Агропрома тонким слоем размажу.

Гост хотел что-то ответить, но к столу подошла подтянутая, коротко стриженная девушка в легком комбинезоне, молния на котором была вульгарно расстегнута до середины груди. Треугольник загорелой кожи с виднеющимся кусочком татуированного символа невольно притягивал взгляд.

— Чао, Лата, — поприветствовал девушку Зеленый. — Присаживайся, будешь графитовым стержнем в нашем ядерном реакторе. Эти компоненты, — он кивнул в сторону Дроя с Гостом, — почти набрали критическую массу.

— Привет. Пьете, упыри?

Я нахмурился. Прямо скажем, в мои планы не входило делить приятную кампанию с менторски настроенной подругой.

— Радионуклиды выводим.

— Знаю я твои нуклиды, тело. Зенки заливаешь.

Все ясно: девочка не в духе. Видать, из рейда пустая вернулась. Что ж, поделом окурку лужа, надо взрослых дядек слушать: не фиг соваться в южные части Темной Долины, где все приличные артефакты вычистили еще неделю назад, сразу после выброса.

Лата уселась между мной и Зеленым, вытянула ноги в проход, не заботясь об удобстве тех, кому придется через них перешагивать, и закурила тонкую сигаретку с ментолом.

— Удачно в город съездил? — пустив в потолок пару дымных колечек, справилась она.

— Твоими молитвами, — сказал я. Оторвал уголок и глотнул томатного сока прямо из коробки.

— Мог бы цветок привезти ради приличия.

— Был цветок. Гопники затоптали.

Лата воззрилась на меня, постучала ноготком по сигаретке, стряхивая пепел.

— Ничего глупее не придумал? Или ты конкурс тупых шуток решил выиграть?

Сталкеры обидно захихикали. Дрой с шумом отхлебнул чая и прокомментировал:

— Кажется, у Минора наметились проблемы с халявным сексом. Пока розочек не достанет — ни-ни.

— Завали варезку, — холодно посоветовала ему Лата.

Вот и будь после такого честным с людьми. С другой стороны, чего я ожидал от местной публики? Понимания и сочувствия? Ну, в таком случае это однозначно не по адресу. Зона быстро вышибает из гостей и завсегдаев сентиментальность с доверчивостью, оставляя выжимку из цинизма, настороженности, жестокости. Отличный коктейль получается на выходе, убойный.

Лата затушила сигаретку, подтянула ноги и сложила руки на столе, как примерная ученица. Эта поза настолько не соответствовала ее расхлябанному внешнему виду, что я прервал трапезу и с интересом уточнил:

— Ты хамски начала беседу, чтобы компенсировать какой-то собственный косяк, не правда ли, козочка?

— Возможно. Козлик.

— Выкладывай уже, чего натворила, не томи.

Лата поджала губы, посопела и сказала:

— Я замуж выхожу.

Гост, Дрой и Зеленый изумленно вскинули брови. А я внимательно поглядел на нее исподлобья и вернулся к остывающему супу. Проглотил клецку, поперхнулся, с трудом сглотнул и почувствовал, как тесто неудобным комком скатилось по пищеводу и грохнулось в желудок.

Пришлось обильно запить соком.

— Внушает, — ожил Гост.

— А где в Зоне загс? — спросил Дрой.

— Печально все это, — резюмировал Зеленый. — Хотя я, конечно, не знаю подробностей.

Лата продолжала выжидающе смотреть на меня. Еще немного — и прожжет дырку в темечке. Она что, хочет мысли угадать? Бесполезно: нет их там.

Разве что — мыслишки.

Полгода назад, когда обстоятельства, любопытство и жажда наживы свели нас с этой девушкой на просторах Зоны и забросили аж к самому Саркофагу, мне показалось, что жизнь

решила вернуть должок. Я подумал было, будто судьба воздаст мне за чудовищные промахи в прошлом, хочет искупить вину перед маленьким человечком. Ха-ха, смешно.

Спустя какое-то время после того, как удалось выпутаться из истории с «бумерангами», мы с Латой решили иногда проводить вместе время и получать от этого удовольствие. Беспорядочные отношения, конечно, нельзя было назвать крепкими и уж тем более чистыми, но некая связующая волна держала нас неподалеку друг от друга, то слегка раскидывая в стороны, то вновь сталкивая мощным хлопком. И такие столкновения оборачивались безумными ночами, после которых мы долго не могли прийти в себя. Я никогда не рассказывал Лате о том, что случилось в последний момент, возле Кристалла, когда я решил ее судьбу и спас от неминуемой гибели. А она никогда не спрашивала. Эта тема, по так и не озвученному обоюдному согласию, считалась запретной.

Важно другое. Тот момент стал для меня поворотной точкой в пути. Именно тогда, в недрах Саркофага, что-то щелкнуло в механизме бытия, и услышал это лишь я один. Знаете, бывают такие вешки, после которых люди начинают немного иначе смотреть на окружающие вещи и события. Чуть мудрее, что ли.

И на какой-то миг показалось...

— Может, как-нибудь отреагируешь? — поинтересовалась наконец Лата, так и не дождавшись от меня реплики.

Другой на моем месте, может, и стал бы расспрашивать, кто да что, но только не вольный сталкер Минор. Много чести. Зато самое время проявить каплю благородства.

— Совет да любовь, — почти искренне пожелал я. Отодвинул к краю пустую тарелку и обратился к сталкерам: — В треньку соорудим партеечку?

— Да погоди, — отмахнулся Дрой. С любопытством уточнил у девушки: — Ты чего, серьезно собралась в Зоне расписываться? Негде же...

Она покачала головой.

— Нет, не в Зоне. Завтра я ухожу за Периметр, возвращаюсь в Киев.

Дрой неопределенно угукнул, а Зеленый многозначительно выпятил нижнюю губу.

— Поверь, там такая же бесконечная человеческая глупость, как и здесь, — сказал я, так и не посмотрев ей в глаза. — И сегодня днем я снова в этом убедился.

— Возможно. Но, может, хоть там мне будут иногда дарить цветы.

Я пожал плечами и накатил полстакана. Пошло плохо: глотку обожгло, желудок неприятно сжался. Я закашлялся.

Перед глазами вдруг возник образ бойца с угловатым профилем — черным, как сама тьма. И холодный ветер незримым щупальцем опять коснулся меня, заставив сердце пропустить удар. Незнакомое существо словно бы застряло на границе двух миров: оно никак не могло определить, в какую сторону шагнуть.

Я поморгал, отгоняя наваждение.

Кажется, всерьез переутомился. Может, пора завязывать на сегодня со спиртным и отправляться на боковую?

Лата продолжала буравить взглядом мой лоб.

Надо же, замуж она намылилась. Поглядите только. Дива, блин, вся Украинской Руси.

Постой-ка, постой-ка, Минор. Не суетись. Неужто этот факт и впрямь тебя задевает?

Я внимательно прислушался к ощущениям.

Нет,нисколько.

До лампы мне, пусть хоть одалиской в гарем запишется...

Музыка, привычным фоном ухающая из колонки, внезапно стихла. За спиной послышался топот, шум, Юра Погуляй из клана Лося вскочил со своего места и крепко выругался.

Я обернулся. Зеленый с Гостом тоже привстали. Лишь Дрой продолжил невозмутимо прихлебывать чай и вполголоса рассуждать о перспективе регистрации браков в Зоне, хотя Лата его не слушала.

Возле входа столпились сталкеры, загораживая обзор.

Чижик с сосредоточенным видом порылся в ящике и протянул над стойкой научную аптечку. Из-за сдвинутых плеч вылетела окровавленная тряпка, кто-то сдержанно застонал. Нам пришлось встать и подойти ближе, чтобы выяснить причину шебуршения.

— Ну-ка, двиньте мослами, — цыкнул я на желторотиков, сгрудившихся в проходе. Молодые сталкеры расступились.

Ни фиги ж себе! Да тут кровищи, как на бойне. Кому-то сегодня шибко не повезло.

Птичка-интуиция тревожно тюкнула в затылок, принесла на своем крошечном клювике чувство беспокойства.

На полу в неудобной позе лежал Вовка Бритый — стреляный малый, который, несмотря на юные лета, успел заслужить уважение ветеранов и пользовался заслуженным авторитетом среди вольных бродяг. Бронежилет парню уже помогли снять, и среди клочков разорванной химзы были видны раны, которые Юра Погуляй ловко протирал перекисью и тампонировал. Кровь под его пальцами пузырилась.

Сам Вовка морщился от боли и прижимал к разбитой в фарш скуле пакет со льдом. Один глаз полностью заплыл, парочки верхних зубов не хватало, переносица горбилась от разбухшей гематомы.

Кто-то умудрился знатно ухайдакать мастера спорта по кёкушин карате. Огнестрельных ран я навскидку не заметил, что показалось еще более странным. Вовка считался одним из самых сильных сталкеров в рукопашной схватке.

— Ты с псевдогигантом, что ли, нос к носу сошелся, родной? — словно прочтя мои мысли, спросил Гост.

— Если б, — потерянно озираясь, ответил Вовка. — Чудо-юдо какое-то набросилось возле развилки, ствол сразу из рук вышибло и давай мутузить — насилу отмахался. На шоссе метрах в ста отсюда валяется. Пойдите притащите — у меня сил не хватило.

— Мутант? — деловито спросил подошедший Фоллен.

— Не похоже. А если и мутант, то я таких раньше не видал.

Хозяин «№92» пыхнул папиросой и сделал знак двум вышибалам. Они двинулись к выходу, надевая на ходу броники.

— Осторожней, — крикнул Вовка вдогонку. — Если этот черномордый очухался, кости может переломать.

Видали мы сегодня таких черномордых, знаем.

Я нагнулся к пострадавшему и негромко уточнил:

— Это же был не чернокожий, верно?

Вовка повернул ко мне здоровый глаз, сфокусировался и медленно кивнул.

— Да, Минор, точно гуторишь. Я, конечно, не могу на сто процентов ручаться — там темновато было, — но на негра он не походил. Рожа скорее напоминала черную маску. Корявую такую, угловатую, что ли... А ты откуда про него знаешь?

— На внешнем КПП сегодня видел, — сказал я, не уточняя, что солдат там был не один.

— Серьезный боец. Едва голыми руками меня не вырубил. Глянь, как пузо подрал. — Вовка мотнул головой на бинты, которыми Погуляй уже стал обматывать его торс. — Будто не пальцами, а когтями орудовал. Может, и впрямь тварь какая, а я в полутьме за человека принял?

— Может, — не стал спорить я, вставая. — Поправляйся, брат.

— Спасибо.

Я взял под локотки Зеленого с Гостом, отвел их к нашему столику и усадил рядом с умолкшим наконец Дроем. Фоллен проводил нас подозрительным взглядом, юркнул за стойку и принялся о чем-то шептаться с Чижиком.

— Час назад на южном блокпосту был прорыв, — без предисловий начал я. — Я как раз через Периметр лез и невольно увидал весь балет.

— И? — прищурился Гост.

— Отряд этих черномордых в течение пары минут продавил военизированный караульный расчет.

— Значит, нападающих было несколько? — уточнил Зеленый.
— Да. У них и снайпер был, и действовали они скоординированно. Это профессионалы.
— Бывает, — пожал плечами Дрой, не особо вникая в суть дела. — Мало ли группировок, которые с военными на ножах.

— Так-то оно так, — хмуро сказал я, искоса наблюдая за Фолленом. — Но это не «Долг», не «Свобода», не «Монолит» и не «чистонебовцы». Это не бандиты и не ренегаты.

— Наめкаешь, что в Зоне появилась новая организованная сила?

— Плоть его знает.

Лата внезапно протянула мне ПДА.

— Всплыло в сталкерской сети. Глянь, тебе должно быть интересно.

— Резюме жениха? — съязвил я.

— Читай. Только что инфу с гарнизонного сервака слили.

Принимая из ее теплой ладони компьютер, я поймал себя на мысли: интересно, буду ли скучать по этому сомнительному теплу? Чиркнул по лицу девушки взглядом, отметил знакомую складочку между бровей — злится на саму себя, еще бы, — и решил не забивать голову розовыми соплями. Пусть катится за призрачным счастьем куда угодно. Дура.

А вот штабная новость и впрямь заслуживала внимания. Точнее, никакая это была не новость вовсе, так, несколько рваных строк онлайн-переписки военстала с оперативным дежурным из округа.

«Внимание! Вооруженный отряд совершил нападение на блокпост и покинул объект. Оранжевый код».

«Не было печали... Сколько?».

«Пятеро! Направляются на юг. На предупреждение не отреагировали, открыли огонь по караульным».

«Запросы командирам группировок делали?».

«Да. Отрицательно».

«Блокируйте со своей стороны наземными средствами. «Вертушку» не поднимать, и так весь керосин на прошлой неделе пожгли... Мы отправим на перехват спецназ».

«Пусть имеют в виду: это скорее всего не люди».

«Не понял. Вы там что, умудрились зомбарей шальных проворонить? Или снайперов?».

«Слышь, пиджак с ушами, я только что своими глазами видел...».

На этом лог-файл обрывался. Наверное, атаку на сервер попалили и пресекли, а шибко умелым хакерам крепко надавали по виртуальным щупальцам.

Я вернул ПДА Лате. В баре уже стали завязываться негромкие разговоры о происшествии — видно, инфа быстро растеклась по сетке. Сталкеры вполголоса обсуждали безбашенных тварей, решивших ломануться через КПП в сторону Рудни. Юра Погуляй незамедлительно выдвинул версию:

— Их что-то испугало. Иначе на кой хрен раньше гона из Зоны бежать?

— Если мутанты, то через час разложатся без аномальной подпитки и в кисель превратятся, — махнул рукой его соратник из клана Лося.

— Вот-вот.

— А вдруг всё-таки люди? — предположил рослый отмычка по прозвищу Тарантас. — Вон и Вовка Бритый говорит, что на мутанта обидчик не похож был.

— Впятером караул блокпоста смести? — Погуляй покачал головой. — Что-то не верится. Разве что в экзоскелетах.

— Странно. Если это твари, почему их пулеметчик не положил? Из крупнокалиберного «станка» можно и стадо кровососов в фарш искромсать.

— Вот-вот. — Юрка почесал в затылке. — Впрочем, чего гадать — сейчас приволокут «языка», и все узнаем. А то гуторим без толку...

Из-за стойки вышел Фоллен и сурово его оборвал:

— Не про твою честь «язык» заказан.

— Важной информацией принято делиться, — нахмурился Погуляй.

— У мамы своей нюансы выведешь, — грубо сказал хозяин «№92». — Все, любознательные мои, бар закрыт до полудня. У кого места оплачены, можете идти спать, а кто без ночлега — валите в предбанник или на улицу.

Сталкеры загомонили, выражая недовольство, но стали потихоньку расползаться по норам — всё-таки время действительно уже было позднее.

Кто победней, потянулся к выходу, кто посостоятельнее — в учебные классы бывшей школы, давно переоборудованные предприимчивым Фолленом в общежития, а зажиточные бродяги вроде меня — в отдельные апартаменты с лично продавленной койкой и относительно чистым санузлом.

Поразмыслив, стоит ли взять с собой остатки бухла и продолжить банкет, я решил — а почему бы, собственно, и нет? В конце концов, давненько я не нажирался в дрова. Надо иногда уметь отпускать тормоза и дарить самому себе иллюзию счастья, потому что от других такой роскоши не дождешься. Можно было сколько угодно игнорировать заявление Латы насчет замужества, но позитива в душу оно никоим образом не добавляло — чего уж лукавить: я привязался к этой ершистой девчонке. К тому же из головы не шел образ чернолицых бойцов. А Фоллен не собирался удовлетворять наше любопытство касательно новых обитателей Зоны, которые без напряжения вынесли опытных вояк на КПП. Когда вышибалы втащили связанное и упакованное в мешковину тело напавшего на Вовку Бритого, хозяин бара немедленно велел тащить добычу в подвал.

Ну как не напиться после такого безобразного дня?

— В одну харю гульнуть собираешься, родной? — спросил Гост, видя, как я сунул бутылку в карман.

— Именно.

— А как же «соорудить партеечку в треньку»?

— Отвали, пижон.

Я вышел из зала, не озаботившись заплатить Чижику за ужин. Ничего, перебьется до завтра, не обеднеет. У меня суточный лимит добра, честности и альтруизма исчерпан.

В раздевалке я направился к своему сейфу с блеклой надписью на дверце «Хабар Минора. Не влезай, убью». Поцелкал шифр-кольцом, набирая код, и открыл бронированный шкафчик. Среди контейнеров, автоматных магазинов и нескольких распечатанных коробок с патронами валялся мятый номер журнала «Мир фантастики» за 2009 год, на обложке которого красовалась полуголая фэнтезийная девица. Нужно же чем-то заниматься, налакавшись. Давно собирался пролистать статейку в рубрике «Арсенал» и похихикать над рассуждениями автора о премудростях космической войны. А вы, братцы, что подумали?

Захлопнув дверцу, я вздрогнул и чуть не выронил журнал. Проворчал:

— Демоны Зоны, так и дураком сделать недолго.

Передо мной стоял Лёвка — бывший отмычка Дроя. С ним приключилась туманная история во время наших мытарств с «бумерангами» — артефактами, которые могли создавать петли времени. Лёвка исчез, когда Дрой набрел на первую часть уникальной цацки. Парня, видимо, затянуло в петлю: его в течение нескольких дней видели в разных неожиданных местах, где, по логике, он находиться никоим образом не мог. Один раз я даже собственными глазами наблюдал странное появление Лёвки в заброшенной лифтовой шахте, когда мы шли через катакомбы под Янтарем. Бедолага висел на тросе, не замечая никого вокруг, а потом, так и не произнеся ни слова, сорвался вниз. Жуткое было зрелище. Дрой долго еще сам не свой ходил, но загадочные явления после этого больше не повторялись. Лёвка объявился на Кордоне спустя неделю. Тощий, растерянный, бубнящий себе под нос какую-то чепуху. Он был растрепанный, грязный и мокрый, как болотная тварь после охоты. Парень не сумел толком ничего объяснить, а когда мы спросили, где же его носило столько времени, долго пытался вспомнить, не смог и окончательно ушел в себя. Он и раньше, по утверждению Дроя, не отличался компанейским характером, а после того неясного случая и вовсе перестал контактировать с людьми. Но меж тем довольно быстро вырос из статуса отмычки и стал полноценным сталкером-следопытом, которого не гнушались брать с собой в

рейд не только молодые да дерзкие выскочки, но и умудренные опытом ветераны. Нюх на аномалии у пацана оказался отменным. А то, что ни словечка не вытянешь на привале, — так это и не главное в Зоне, где рифмоплетов да скоморохов и без того достаточно.

Как настоящий следопыт, Лёвка умел ходить бесшумно. Вот и теперь я не заметил, когда он появился в раздевалке и встал рядом со шкафчиком.

— Извини, Минор, — сказал Лёвка низким голосом, который совершенно не соответствовал его визуальному образу: щуплые плечи, тонкая кость, невысокий рост. — Есть разговор.

— Надо же какие мы сегодня общительные, — искренне удивился я, стараясь поймать его рассеянный взгляд. — Ну пойдем, что ли, ко мне, пропустим стаканчик.

— Нет, — не двинувшись с места, отказался парень. — Здесь.

— Валяй, — пожал я плечами. Свернул журнал в трубочку и разместил в кармане по соседству с бутылкой. — Только коротко, я устал.

— Меня Фоллен не пустил к телу, которое приволокли его прихвостни.

— А я-то тут при чем?

— Я случайно услышал, что ты сегодня видел одного такого вблизи.

— Уши не мешают? — насторожился я. — Западло чужие базары подслушивать.

— Говорю же: случайно, — без смущения повторил Лёвка. — Опиши, как он выглядел.

— Я толком не разглядел. Запомнилась только необычная кожа. И лицо черное... словно...

— Словно из угля.

— Верно. Встречался раньше с такими существами?

Лёвка лишь неопределенно пожевал губами. Ответа от него я в принципе и не ждал — странно, что наш молчун вообще снизошел до разговора. Только вот возникло у меня подозрение, что этот тихоня знает гораздо больше, чем хочет показать. Уж больно точно подметил сходство во внешности виденного мной бойца: лицо — словно из угля.

— Быстро перемещался? — спросил Лёвка.

— Даже слишком, — кивнул я, окончательно уверившись, что парень знаком с черномордыми. — Бронированному солдату, чтобы так с места сорваться, нужно обладать чудовищной силой. Ты мне объясни...

— Спасибо за время, Минор. Доброй ночи.

— Погоди-ка...

Лёвка развернулся и бесшумно вышел из раздевалки.

Вот и поговорили.

Запершись в своем номере, я выложил бутылку и журнал, скинул грязные шмотки, уставился на свое отражение в зеркале. Шея перепачкана в саже, шрам на плече опять покраснел от лишних рентген, схваченных недавно на Свалке, на скуле свежая ссадина, и вдобавок полпрожи покрыто темным налетом щетины. Не пойдет. Негоже в таком виде бухать честному сталкеру.

Я пустил тонкую струйку воды, намылил щеки и минут пять сосредоточенно скоблил кожу опасной бритвой. Хорошо, что череп мой не нуждается в таком тщательном уходе: на нем волосы давно не растут. Протер тряпочкой — и блестит.

Побрившись, я накатил полстакана, запил давно остывшим чаем и забрался под душ. Едва теплая, мутная от ржавчины вода потекла на макушку, водка горячей волной поползла по внутренностям, и стало мне хорошо.

Кому-то для кайфа подавай пенную ванну и ледяное шампанское, для другого счастье в чарочке самогонки и прохладе чистой реки, третий не мыслит себя без еженедельного посещения общественной бани с канистрой второсортного пива, а мне, чтобы гармонизировать с окружающим миром, достаточно просто вымыться. Наше сталкерское величество не из привередливых.

Я пофыркал под металлической лейкой, туго закрутил барашку и насухо обтерся вафельным полотенцем.

Журнал смиренно ждал на застеленной кровати. С глянцевої обложки продолжала лукаво глядеть фэнтэзийная барышня, но я употребил еще сорокаградусной и открыл статью про космические войны.

Люди и нелюди, спруты и насекомые, разумные роботы и живые звездолеты. Автор, по всей видимости, хотел донести до читателя мысль: опасна и трудна повседневная жизнь космических путешественников, описанная в фантастических книгах. Текст я быстренько пробежал наискосок, а вот картинки рассматривал долго и вдумчиво. На них кривлялись насекомоподобные «чужие», зеленые гуманоиды с непропорционально большими головами, блестящие киборги с проникновенным взглядом алых очей. То ли всех их специально изобразили смешно, то ли художник слабо представлял, как должны выглядеть по-настоящему страшные твари. Эх, вот запустить бы редакцию на денек в подземелья Агропрома, ну или в болотные пустоши, на худой конец. Увидели бы кровососа в боевой стойке или стаю снорков перед гоном — сюрприз был бы. А в целом ничего, интересная заметка.

Я поморгал, чувствуя, как наступает опьянение и тяжелые мысли об ушедшем дне растекаются прозрачным студнем по стенкам черепа.

Налил целый стакан, шумно выдохнул, выпил крупными глотками. Чай кончился, и я запил из банки обычной кипяченой водой.

Отдышавшись, принялся листать журнал в обратную сторону. Оптимус Прайм, Зератул, Рэдрик Шухарт... Имена вызывали в памяти смутные ассоциации, но точно я не взялся бы описать этих фантастических героев прошлых лет. Может, стоит почаще брать в руки что-нибудь, кроме «калаша» и ПДА, дабы совсем не отупеть?

Я отложил мятый номер и вдруг понял, как странно звучит здесь и сейчас название этого журнала: «Мир фантастики». Оглянись, сталкер, внимательно оглянись. То, о чем авторы тогда писали, окружает тебя плотным кольцом. Оно реально. И вовсе не так карикатурно, как виделось выдумщикам книг и сценаристам игр. У них злобные гады обладали бесполезными свойствами и умениями, а герой обязательно выглядел красиво и мужественно. В жизни все иначе. Враг лукав и подл, а сам ты никакой не герой. Ты циничный и грубый мужлан, который неплохо стреляет, но панически боится мира за Периметром. И нечего пенять, что девки выбирают других...

Осторожный стук в дверь показался громким, настойчивым. В башке словно бы врубили усилитель, а нервы стали перекачивать импульсы втрое интенсивней. Неужели товарищ Минор изволил так стремительно нализаться? Жуть какая.

Я сел на койке и с силой растер ладонями лицо.

Стук повторился.

Пришлось подняться и пойти открывать — не слушать же всю ночь эту барабанную дробь.

— Что за сволочь... — Я осекся.

На пороге стояла Лата. Комбинезон на ней все так же был расстегнут до середины груди, обнажая часть татуировки. Рукава засучены. Глаз не видно в коридорном полумраке, но мне это ни к чему: я прекрасно знаю, какой у нее в этот миг взгляд — хищный, матовый, не пронзающий тонкой иглой, а давящий тяжелым прессом. Скрывающий в глубине зрачков язычки страха.

Мне не хотелось, чтобы она что-то говорила.

Лата шагнула вперед, заставив меня отступить. Дверь медленно закрылась за ней, ни разу не скрипнув, будто понимая, что лишний звук никому здесь не нужен. Лампочка замерцала, словно ей неведомым образом передалось напряжение, повисшее в комнате, но через секунду вновь стала светить ровно.

Мы стояли друг перед другом, не смея протянуть руки.

Кожа на лице горела, хмель из головы практически улетучился, оставив мерное эхо сердца в висках. Удары разлетались из груди по артериям и врезались в каждую клетку тела, накачивая ткани одним из самых противоречивых гормонов. Адреналином. Именно им, а не всякой любовной шнягой вроде тестостерона.

Смесь страха и ярости помогла полгода назад выжить под пылающим небом центральных территорий. Адреналиновый кураж тогда сплавил нас с Латой в единое целое, позволил распахнуть спящую память и дать волю тем психологическим резервам, которые скрыты в глубинах подсознания.

Момента, когда наши губы встретились, я не помню. Лишь смазанное движение вперед, и веки закрывают глаза, отсекая ненужную картинку. Мгновение назад между мной и Латой простиралась полуметровая бездна, и вот мы уже так тесно прижались друг к другу, что перехватило дыхание.

Главное, чтобы она не начала говорить. Мне очень не хотелось слов.

Комбинезон слетел с молодого женского тела, как оберточная бумага. Я слегка отстранил Лату от себя и погладил пальцами татуировку, которая темной каракатицей распласталась чуть выше груди. Изображение древнего буддистского символа Ом осталось равнодушно к моим прикосновениям, а вот девушка нет. Она выгнулась, словно кошка, запрокинув голову назад и подставив шею. Впиваясь в загорелую кожу, я вздрогнул от нахлынувшего вожделения и чуть не прокусил пульсирующую жилку. Наверное, нечто похожее чувствует вампир, иссушая жертву.

Ловкой подсечкой Лата уложила меня на койку...

Мы кувыркались добрых полчаса, то замирая от изнеможения, то вновь набрасываясь друг на друга, как разъяренные звери. Покрывало съехало на пол, обложка журнала порвалась, пустой стакан грохнулся со столика и разлетелся бы вдребезги, но приземлился на ботинок и откатился к порогу...

Наконец я обессиленно упал на скомканную простынь и добрую минуту восстанавливал дыхание. Лата свернулась калачиком, едва касаясь коленями моего бока, и застыла.

Как было бы хорошо, если б эта ночь осталась без слов. Вот такой: рваной, недосказанной, жутковатой от тишины. Опустошенной.

Но Лата отказала мне в такой роскоши.

— Подари ты мне хоть что-то, кроме мечты, и все могло повернуться иначе, — прошептала она. — Хоть что-то.

Я не стал отвечать. Не стал касаться запретной темы и упоминать о пуле, которую остановил, пожертвовав взамен счастьем многих людей.

В неведении — истина.

Свет снова конвульсивно замерцал. Лампочка вспыхнула и с тихим хлопком погасла. Тьма прищлась как нельзя кстати: ведь теперь не обязательно было закрывать глаза, чтобы не видеть.

Глава третья. Погром в «№92»

Опухший, помятый, с дурным запахом изо рта, я открыл глаза.

Темно. Душно. Пусто...

Лата умела уходить так тихо, что даже мой чуткий организм не всегда пробуждался. И каждый раз, обнаруживая в кровати эфемерный холодок вакуума, я ощущал легкий укол... ревности? Нет, пожалуй. Скорее — искорку раздражения и злости на блудливую вертихвостку.

Но не теперь.

Сегодня ни укола, ни искорки не было. Вместо этого в груди застыло тревожное предчувствие.

Привычным движением я нащупал выключатель, пощелкал, но свет не зажегся. Я быстро сел на кровати, но тут же вспомнил, что вечером перегорела лампочка. Нужно будет заставить Фоллена ввинтить новую: в конце концов, освещение входит в перечень услуг этого вонючего мотеля, не так ли?

Я принялся шарить рукой в ящике стола в поисках фонарика, но вдруг замер и насторожился. Прислушался к звукам, донесшимся из верхних помещений. В баре явно началась возня: раздался частый топот, посыпалась приглушенная брань, и почти сразу громыхнул выстрел.

Подсвечивая себе экраном новенького ПДА, я быстро достал из рюкзака чистые шмотки и оделся, тщательно прополоскал рот кипяченой водой. Подхватил «калаш» и осторожно подошел к двери, из-под которой выбивалась тусклая желтая полоска. Под ботинком звякнул опрокинутый накануне стакан, и я чуть не пнул его от неожиданности.

А защелкивать за собой дверь Лата так и не научилась. Вот зашел бы сюда какой-нибудь мародер, нарисовал мне тесаком улыбку от уха до уха и забрал барахло да деньги. Не то чтобы много б унес — основные ценности я предпочитаю хранить в сейфе, — но было бы обидно. Особенно за раскroенное горлышко.

Я тихонько вышел в коридор и огляделся. Отсюда звуки потасовки слышались явственней, и теперь стало понятно: бушует сам хозяин бара вместе с придворными мордоворотами. Фоллен крыл вычурным матом какого-то Келера, угрожал пустить на радиоактивный фарш всех, кто сунется без приглашения, раздавал короткие указания помощникам.

Меж тем из соседних номеров высунулись заспанные рожи. Сталкеры принялись вполголоса обсуждать, стоит ли вмешиваться в конфликт немедленно или лучше полюбоваться на последствия утром. Среди любопытных я заметил прилизанную шевелюру Госта и взлохмаченную башку Дроя.

— Собрался повоевать посреди ночи, родной?

— Пойду гляну.

Осторожно я двинулся на шум. Перед поворотом к главному залу задержался и установил предохранительную скобу автомата в режим одиночного ведения огня — лучше перестраховаться. Глаза уже привыкли к свету, но резь все равно осталась — недоспал я. Да и хмель из головы еще не до конца выветрился. Воевать в таком состоянии, конечно, себе дороже, но я же и не собираюсь...

Додумать не удалось. Оглушительно громыхнуло. Из-за угла сыпанул град осколков вперемишку со щепой и кафельной крошкой, облако горячей пыли обожгло лицо. Пришлось закрыться руками и отступить обратно, в глубь бокового коридора. Не зря, ох не зря трепыхалось в груди морозное беспокойство: интуиция не подвела и помогла в очередной раз сохранить везучему сталкеру Минору бесценное тело целехоньким. Ведь не притормози я, чтобы щелкнуть предохранителем, сунься в проход секундой раньше — был бы сейчас многократно продырявлен и размазан по трубам.

Пока я мотал головой, приходя в себя, подоспели Гост и Дрой с «Потрошителями» наизготовку. Модернизированные дробовики в сочетании с семейными труселями, тельниками и тапками придавали сталкерам определенный шарм. Выглядели они, несомненно, боевито, но лезть в таком виде в пекло боя я бы не рискнул.

— Похоже, ВОГ-25, — прокомментировал Дрой, шурясь. Одну из труб основательно покорежило осколками. Из рваных отверстий сифонили горячие струи. — Рехнулись, что ли, из «Бульдога» в баре палить?

— Так и знал, что спокойно отдохнуть не удастся, — сказал снулый Зеленый. Я мельком оглянулся. Отрадно, что хотя бы этот успел нацепить комбез поверх исподнего. — Не удивлюсь, если вся эта история с КПП плохо кончится.

— С чего ты взял, что происходящее связано с прорывом Периметра? — насторожился Гост, держа поворот под прицелом.

— Не знаю, — пожал сталкер узкими плечами. — А с чего бы еще случиться такому переполоху?

— Да мало ли с чего, — шикнул на него Дрой. — Хорош, блин, тоску нагонять.

— Ладно. Прикрою, если вы соберетесь заняться самоубийством в трусах. — Зеленый обреченно поднял СВУ-3 и дослал патрон. — Хотя лично я предпочитаю выжидательную тактику.

— Предлагаешь повыжидать, пока нас зажарят в этой крысоловке? Ну уж хренушки! — попытожил Дрой и жестом обозначил, что собирается оценить обстановку.

Я упал на колено и занял огневую позицию. Зеленый тоже взял на прицел видимую часть коридора, а Гост встал рядом с косяком и кивнул: готов.

Дрой завернул за угол со стремительностью хорошо тренированного человека. Лишние килограммы, казалось, не мешают ему ловко передвигаться. Гост почти сразу выдвинулся следом, готовый в любой момент упасть на пол, уходя из зоны поражения. Я подождал, пока они займут удобную позицию, вскочил с колена и выглянул за угол. Зеленый тоже высунулся, держа снайперку наготове.

Картина потрясала трагикомичностью. Дрой с Гостом держали на мушке чумазого Чижики. Бармен сосредоточенно возился с гранатометом револьверного типа, даже не замечая, что в зале появились новые действующие лица в тельниках и труселях. На пороге распахнутой настежь двери валялись окровавленные останки военного сталкера, которого от выстрела в упор из «Бульдога-6» не спасла даже армейская броня. Периферийным зрением я отметил, что лестница, ведущая наверх, забаррикадирована, на ступенях распластаны еще несколько трупов в миротворческой снаряге, из-за стойки торчит костлявая спина Фоллена, а возле бочек с водой притаился вышибала Ерофей. Он громко сопел, похмельно озирался на Госта с Дроем и поводил из стороны в сторону дулом автомата.

Ну и ну. Даже не знаю, кто кого тут обштопал.

Фоллен разогнулся, глянул на меня и вздрогнул. Чижик тоже наконец обратил на нас внимание и грозно взмахнул «Бульдогом». Проорал неестественно громко:

— Почему вчера за ужин не заплатил, контра?

Понятно. Контужен. Я примиряюще помахал ему рукой: мол, сочтемся, не шуми.

— Чего там секутись? — недовольно проворчал Фоллен, глядя на экран ноута. — Либо валите обратно в норы, либо помогайте. Осаду держать будем.

— Объясни сначала толком, с кем воюешь, — спокойно сказал Гост, безразлично косясь на кровавый фарш под ногами. — Сразу оговорюсь: если на тебя очередная облава, то сам разбирайся.

— Да какая облава, чешка! — взвился Фоллен, захлопывая ноут и указывая на убитых военных. — Это только разведка была. Наружную дверь выставили, двое или трое наверху караулят — не высунешься. Сюда сейчас полгарнизона за этим черномордым зайвится. Озверели вконец, солдафоны! Сейчас всех тут положат, без разбора! Так что, между прочим, особого выбора у вас, касатики, нет.

— Отчего ж, — нехорошо улыбнулся Дрой, заставив Ерофея напрячься. — Очень даже есть. Сдадим твою шкурку им, как ты нас сдал полгода назад, и отвяжутся.

— Ну ладно тебе, не поминай прошлое, — остановил его Зеленый.

Фоллен в ответ только выругался себе под нос и сплюнул на пол. В этот момент — с заложенной за ухо папиросой, серым от смеси страха и жадности лицом — хозяин «№92» выглядел постаревшим и жалким. Ну и, как обычно, мерзким.

— Жаба душит отдать драгоценную добычу? — спросил я и по изменившемуся взгляду понял: попал в точку.

— Ты, Минор, даже представить себе не можешь, насколько этот упырь ценен, — выцедил Фоллен.

— Так поделись с бродягами, если помощь нужна, — посоветовал я.

— А может, сразу объявление на столбы наклеить?

Я мысленно прикинул расклад. Тут он, пожалуй, прав — много лишних ушей. Вон уже и остальные сталкеры из своих берлог повылезали: Юра Погуляй, раненый Вовка, Лёвка, с коим у меня вечером состоялся очень занятный разговор, к которому мы, кстати, обязательно вернемся. Фоллену же в данной ситуации надо отдать должное: ловко он меня осадил. Этот прохиндей выжил и обогатился в Зоне лишь потому, что всегда помнил и использовал нехитрую формулу: ценность информации обратно пропорциональна количеству людей ею владеющих. Все просто. Больше ушей — меньше навару.

— Впрочем, есть предложение, — прищурился хозяин бара, уловив настроение бродяг. — Я отплачу. Всем, кто поможет биться с военными, гарантирую в течение месяца жрачку и водку за счет заведения. Желторотики не в счет — только мешаться будут, и так тесно.

Сталкеры оживленно загомонили. Торгаш умел вовремя бросить вкусную кость, ничего не попишешь. Дельце сулило отличную перспективу: целый месяц не платить за еду и выпивку — а это кругленькая сумма, особенно если ты питаешься не только жареными вороньими крыльями, а чем-нибудь повкуснее. С другой стороны, вступать в вооруженное столкновение с военными, находясь притом в весьма уязвимой тактической позиции, — верное самоубийство. Хотя на это можно смотреть двояко. Ведь жизнь среди аномалий, мутантов и озверевших людей — тоже своего рода затяжное самоубийство, и каждый обитатель Зоны это понимает.

— Я одного не усеку, — сказал Гост. — Ты чего нас-то подкупаешь, а не солдафонов своих?

Все умолкли. Вопрос жажнул Фоллена не в бровь, а в глаз.

Любой отмычка на сорок верст вокруг прекрасно знает, что хозяин «№92» давным-давно снюхался с вояками и на Кордоне, и на внешнем КПП, и в гарнизоне. Взаимная зависимость сложилась крепкая — иначе притон давно бы прикрыли.

Бесконечная череда взяток, торговля списанными стволами и амуницией, поставки продовольствия, воды и электроэнергии из города, сбыт ценного хабара за Периметр, двусторонняя контрабанда — все это стало неотъемлемой частью сложного механизма, шестерни которого работали практически без сбоев. Сталкеры добывали цацки, продавали их Фоллену, получали еду и приют. Фоллен сдавал хабар и часть выручки военным и получал негласное право на бизнес. Военные закрывали глаза на незаконное пребывание гражданских на запретной территории и получали ощутимую прибавку к денежному содержанию. Круг замыкался. Все понемногу нарушали обязательства друг перед другом, но в целом система работала.

Что же получается? Наш проныра не сумел договориться с собственной «крышей»? Не пожелал делиться добычей? Забавно. По всему выходило, что информация, которую Фоллен заполучил от черномордого, оказалась настолько уникальной, что он рискнул из-за нее вступить в открытый конфликт с военными и гарнизонными бюрократами. Вот уж впрямь интересное дело.

— Гост верно толкует, — нарушил затянувшееся молчание сталкер из клана Лося. — Если не можешь договориться с военными, значит, ставки высокие. А ты хочешь честную братию за месячный паек подписать рисковать драгоценными потрохами.

— Вот-вот, — согласно кивнул Юра Погуляй.

— Ваши потроха стоят дешевле моей тушенки, — проворчал Фоллен.

— Тогда сам воюй.

— Ладно, стервятники. Два месяца халявной жратвы и бухла, — сдался хозяин бара. — И сообразите какой-нибудь прикид посерьезней труселей с тапками.

— Ты б, фельдмаршал сраный, лучше своему Чижику поведал про тактику ведения боя в закрытых помещениях, — огрызнулся Дрой, одергивая тельник. — А то палит разрывными.

Облачение в костюмы, выверка арсенала и доведение до ума защитных сооружений заняло почти час. Мы наглухо задраили стальную переборку в коллекторной кишке на самом нижнем уровне, выставили часового возле запертой двери запасного хода, вытащили из оружейки несколько ящиков со стволами и патронами. Единственное слабое место — лестницу, ведущую наверх, к выходу, находящемуся под контролем противника, — тщательно завалили мешками с песком и железным ломом. В вентиляционных трубах на всякий случай поставили растяжки и простенькие датчики движения.

За это время нас ни разу не атаквали. Судя по показаниям скрытой камеры теленаблюдения, к бару согнали взвод армейского спецназа и моторизованный отряд миротворцев в сопровождении нескольких ученых. Здание окружили, резервный подземный

тоннель перекрыли, подготовили группу захвата и устроили перекур в ожидании сигнала к действию. Установленный на полную мощность «глушитель» блокировал радиосвязь с внешним миром во всех диапазонах, кроме военного, а провода армейские инженеры заблаговременно перерезали. Комплекс Фоллена теперь «оглох» и питался стареньким дизелем, установленным рачительным хозяином в одном из подвальных помещений. Захваченный черномордый экземпляр, судя по всему, представлял для вояк определенную ценность, потому как они не стали наносить минометные удары и не устроили бомбардировку с «вертушки». Этот сдерживающий фактор, несомненно, радовал, но оптимизма прибавлял совсем немного. Во-первых, нас могли выкурить газом, потому как запас воздуха в баллонах гермокостюмов был не бесконечен, а система регенерации потребляла слишком много энергии. Во-вторых, умелый штурм тоже гарантировал захват здания без потери важного заложника. В-третьих, нас нетрудно было взять измором — хотя этот вариант прожиги свободного времени не отличался рациональностью: запасов жратвы и воды у Фоллена было гораздо больше, чем воздуха. Ну и в-последних. Лично мне встречаться тет-а-тет с гусарами было строго противопоказано, ибо у них давно на меня имелся острый зубок. Полгода назад угораздило нас с Гостом попасть на Болоте в переплет, где столкнулись солдафоны с ренегатами. Военным в тот раз капитально не повезло: снаряд, выпущенный из авиапушки, угодил в «трамплин», отразился обратно и насквозь прошил кабину вместе с неудачником-пилотом. Крушение немислимо дорогой боевой машины повесили на меня и Госта, не долго думая объявив нас в розыск. Потом страсти угасли, но официально мы все еще проходили по делу крушения ударного вертолета Ка-58. Так что попадаться в цепкие лапы военной прокуратуры мне никоим образом не улыбалось.

Ну а если говорить откровенно, дело наше — табак. Часом ли раньше, часом ли позже — военные выволокут кучку мятежников наружу живыми или мертвыми и заберут то, за чем пришли. Уверен, что в связи с этим вполне очевидным выводом не только в моем лысом черепе начали зарождаться крамольные мысли о выдаче Фоллена и спасении собственных шкур. Поэтому, пока общее благородство и верность сталкерскому слову еще не сдали позиции перед инстинктом самосохранения, я решил не терять времени и вытянуть у хозяина бара как можно больше инфы про уникального пленника. Ведь любые сведения в Зоне стоит мотать не только на ус, но и на все остальные шерстяные покровы. А вдруг окажутся полезными?

Я зашел за барную стойку и протиснулся в крохотную кухоньку, грубо отпихнув юного мордоворота. Парень не стал возмущаться — не того пошиба был фрукт.

Среди нагромождения древних котелков, сковородок и разделочных досок я не сразу заметил хозяина бара: от двери к раструбу вытяжки текли сизые узоры табачного дыма. Фоллен сидел на табуретке и прижимал к уху громоздкую трубку интеркома. Тонкие губы мусолили тлеющую папиросу.

Завидев меня, он прижал трубку еще сильнее, будто я мог подслушать. Второй узел внутренней связи располагался в подвале, стало быть, старик либо проверял часовых, либо выслушивал доклад кого-то из своих помощников.

— Пусть поторопится, — рявкнул Фоллен и прервал связь. Обратился ко мне: — Чего смотришь? Убирай отсюда свои кости.

Я обернулся, дабы удостовериться, что мордоворот на входе не наострил уши. Негромко спросил:

— Почему тот, кого твои ученые мастера сейчас вскрывают внизу, насколько интересен?

— Откуда ты знаешь... — Он осекся и махнул рукой. — Впрочем, какая разница.

— Ага, я смекалистый. Так почему же?

— Не твоего умишка дело.

Фоллен попытался протиснуться в зал, но я прижал его спиной к котлу и крепко взял одной рукой за кадык, а другой за яйца. Сиплое «ой» сорвалось с губ вместе с отлепившейся папиросой. Я стряхнул пепел с рукава и быстро притушил окурок ботинком.

— Ошибаешься.

— Сгною, — прошипел Фоллен, стараясь не делать лишних движений. Пригрозил: — Ни разу больше хабар не возьму на реализацию. Такие слухи о тебе распушу, что ни к одной цивилизованной стоянке на километр не подойдешь. Даже поганые бандиты твоей лысой башки чураться станут.

— Ты не пугай, пуганые мы. Не факт, что из этой душегубки сегодня кто-то выберется живым. А я привык знать, за что рискую своим бесценным телом.

— За двухмесячный паек.

Я одарил Фоллена таким выразительным взглядом, что он отвел глазки. Пробубнил:

— Сладил с пожилым человеком?

— Ты на жалость не дави. Любому молодняку фору дашь.

— Пусти.

— Хорошо. Но мои руки будут рядом. Это тебе не в треньку жулить — игрушки кончились.

Я разжал пальцы, отмечая, как торгаш выдохнул и с облегчением опустился. Оказывается, бедолага все это время стоял на цыпочках. Неужели я его передержал? Да нет, симулирует скорее всего: если б совсем не вмоготу стало — взвыл бы.

— Ну, валяй.

— Еще с вечера военные порезали внешние линии связи и врубили по Периметру «глушилки», чтобы инфа не потекла ни в Зону, ни обратно. Но кое-что мне все же удалось узнать...

Фоллен закусил губу. Видно было, как ему не хочется делиться сокровенным.

— Не стесняйся, — подбодрил я. — Вдруг твою задницу подпалят? Кто тогда расскажет миру о... О чем ты хотел рассказать?

Хозяин бара оттолкнул меня, но не стал звать на помощь, а всего лишь вытащил пачку и задымил очередной папирсой.

— Дошли слухи, — тихо казал он, — будто тех пятерых, которые КПП разнесли, сумели остановить только в Вышгороде, после того, как они сровняли с землей ночной супермаркет и взорвали заправку. Два взвода спецназа понадобилось для усмирения. Их вроде бы огнеметами ухайдакать сумели, загнав в бензохранилище и подпалив полквартала.

Я нахмурился.

— Постой. Что значит — в Вышгороде? Это ж семьдесят километров к югу.

— Вот и я офигел. Эти мутанты очень выносливые, если сумели в течение пяти часов покрыть такое расстояние пешкодралом, попутно избегая армейских засад и раскидывая местных ментов, как котят.

Эх, братец, вокруг да около ходишь, а суть умалчиваешь. Все еще надеешься заговорить зубы сталкеру Минору. Зря.

— Так и будем вилять? — прищурился я. — Все их боевые подвиги — пыль. Главная фишка — в другом. Не так ли?

— В другом, только ты не ори, — прошептал Фоллен, придвигаясь ближе и обдавая меня вонючим дымом. — Раньше тварям не удавалось отойти от Зоны дальше, чем на десяток километров, — подпитка аномальной энергией ослабевала, и гады превращались в лужи студня. А эти чуть ли не до Киева марш-бросок устроили. Чувешь разницу?

— Значит, они всё-таки не упыри, — проговорил я.

— Упыри, Минор, упыри. Анализ ДНК я перво-наперво сделал: мутаген и аномальные связи в клетках присутствуют. Нервная система похожа на нашу, скелет тоже, а вот соединительная и мышечная ткани серьезно изменены. На химические раздражители реакция слабая, даже концентрированные кислоты не сразу берут их шкуру, к облучению практически не восприимчивы, ярко выражены диэлектрические свойства эпидермиса. Живучие, как комбайны. Вовке Бритому еще повезло: он этой сволочи сосудисто-нервный пучок зацепил.

— Хм, что же получается? — Я тупо уставился на Фоллена, не желая верить догадке, которая промелькнула в мозгу. — Бестии научились жить вне Периметра? Да ну, брось! Не верю.

— Бестии не научились. А эти, выходит, могут.

— Но в таком случае... — Я помолчал, переваривая информацию. — Если пятеро до Вышгорода пешком дотопали, то десять могут Харьков голыми руками развалить, что ли?

— Не утрируй. Против армейских отрядов им, конечно, не выстоять. Силь та перець в ином. Такие экземпляры — настоящая находка для разведки и спецподразделений. Только представь, на что способна боевая единица с выносливостью и реакцией, превышающей человеческую в несколько раз, оснащенная бронированным кожным покровом и обладающая отличными навыками диверсионной работы. Да за таких любая серьезная корпорация целые капиталы готова будет сливать.

Пришла моя очередь закусить губу. Кажется, не просто запахло жареным, а дохнуло паленым, и дохнуло, прямо скажем, сурово. За универсальными солдатиками через несколько дней такая охота начнется, что вся Зона взвояет. Военные здесь ни одного слепого пса не пропустят, шерстить будут каждый километр, особенно не разбирая, где свои, где чужие.

— Вижу, что проникся ситуацией, — удовлетворенно кивнул Фоллен. — Теперь понимаешь, отчего я ломаюсь, как девственница перед однокашником?

— И какой у тебя план, светлая головушка? — вопросом ответил я. — С вояками тягаться кишка тонка — надеюсь, хотя бы это ты осознаешь? Или решил тут посидеть, подождать, пока командование забудет, что у них из-под носа увели уникальную тварюгу?

— Не ерничай, чешка, — серьезно сказал хозяин «№92». — Моим ребятам нужно еще часок выгадать, чтобы успели кое-какие опыты закончить, и можно отдавать эту бестию к чертовой матери.

Я улыбнулся.

— За час от твоей шараги руины останутся.

— Это мы еще посмотрим. — Фоллен втоптал папиросу в пол и сверкнул глазками. — А за то, что яйца мне почесал, спасибо не скажу. Опять ты мне должен, Минор.

— Хабаром отдам, если суждено будет, — подмигнул я. — Зла не держи.

В кухоньке что-то неуловимо изменилось. Дунул сквознячок. Возникла резь в глазах, в глотке запершило, запахло кислятиной. Я решительно двинулся к выходу и потянул за собой закашлявшегося Фоллена. Уже на пороге краем глаза отметил, что дым выползает из вентиляционного раструба, а не втягивается в него.

— Слезогонку пустили! — крикнул я, нахлобучив шлем и нацепив дыхательную маску. — Сейчас начнут прессовать!

Из-за баррикады донесся громкий хлопок, один из мешков прямо по центру кладки лопнул — ткань разошлась по шву, и песок ссыпался на пол маленьким барханом. В образовавшуюся брешь влетела граната и, цокнув между ног Юры Погуляя, замерла возле барной стойки. А ребятки церемониться с нами не намерены...

— Шухе-е-ер! — заорал Погуляй, щучкой ныряя в проход к бочкам.

Все, кто в этот момент находился в зале, бросились врассыпную. А Ерофей из своего укрытия открыл огонь по дыре в баррикаде, рискуя не только окончательно размолотить укрепление, но и зацепить своих. Оглушительная автоматная увертюра к предстоящему взрыву загрохотала на весь бар. Счет пошел не на секунды, а на их доли.

Рефлексы все сделали сами: я и сообразить толком не успел, как уже кувырком откатился в проход, ведущий к раздевалке, и распластался за углом. Рядом плюхнулась увесистая туша Дроя. Прыгни веснушчатый сталкер метром левее — и приземлились бы полтора центнера упакованного в железо мяса аккуратно на меня. Что ж, по крайней мере повезло не стать плоским. Брах! Шарахнуло знатно.

Несмотря на то, что организм был готов к бадабуму — взрыв заставил меня зажмуриться и еще сильнее вжаться в бетонные плиты, хотя казалось, что дальше уже некуда. Чудовищная в замкнутом пространстве ударная волна вынесла части стойки, размолот в стеклянное крошево бутылки и стаканы. Деревянные полки сложились, как картонный домик, и ссыпались вниз. Дверь сорвало с петель. Она тяжелой плитой накрыла

нас с Дроєм, но броники спасли позвоночники от переломов. Все лампочки, кроме одной, лопнули, зал мгновенно погрузился в полумрак. Воздух помутнел от взметнувшейся гари.

Когда звон в ушах немного стих, я расслышал, что автомат фолленовского вышибалы продолжает захлебываться свинцовым кашлем. Настырный всё-таки парень этот Ерофей.

Инстинктивно щурясь от летевшей в маску пыли, я осторожно поднял голову и взгляделся в силуэты, мелькающие возле снесенной баррикады. Из-за скудного освещения казалось, будто там снуют призраки, а не люди. Мне потребовалась целая секунда, чтобы опознать в этих тенях Госта, Зеленого и Лёвку.

Трое сталкеров сориентировались первыми. Они приняли единственно верное решение в сложившейся ситуации: уgomонили наконец Ерофея и подобрались вплотную к поврежденному укреплению, чтобы неожиданно встретить противника огнем на лестничном пролете. Если солдаты сумеют оттеснить нас в глубь норы, бой будет тактически проигран.

Упакованный в славную броню «Булат» Гост выступил вперед и, не целясь, саданул из «Потрошителя» несколько раз подряд. Судя по донесшемуся из темноты воплю — безуспешно. Зеленый тут же поддержал его огнем из СВУ, а Лёвка упер в костлявое плечо приклад «Грома» и плотно дожал лестничный проем короткими очередями.

Дрой вскинул голову, стряхнул со стекла шлема мусор. Вгляделся сквозь муть в сумрак зала. Обернулся:

— Подсобим?

— Пара стволов лишними не будут, — сказал я и проворно пополз к лестнице, раздвигая обломки мебели. Высвечивая фонариками захламленные ступени и поливая их свинцом, сталкеры продолжали удерживать оборонительную позицию. Натиск военных не ослабевал. Правда, швырять гранаты они больше не решались — видно, боялись обрушения перекрытий, — но серьезно огрызались из автоматов. К нам подскочил Чирик и осведомился:

— Из «Бульдога» вжарить?

— Я те вжарю, — заворчал Дрой, вщелкивая патроны. — Вали в тыл, фуражиром будешь... И бухло готовь! Или за победу вместе выпьем, или помянешь грамотно, если выживешь.

Чирик обиженно надвинул шлем на лоб, но пререкаться не стал. Попасть под горячую руку и словить зуботычину бармену явно не улыбалось. Он опустил плечи и шагнул в сторону, уступая дорогу габаритному Ерофею. В руках вышибала держал «Отбойник» — оружие редкое и зверски убойное в ближнем бою. Гладкоствольный дробовик на револьверной схеме изредка пользовали «долговцы» и военсталы для зачистки закрытых помещений от мутантов. Я и не знал, что в арсенале Фоллена есть такая хреновина.

Выстрелы стихли. Ерофей, придерживая «Отбойник» под здоровенный круглый магазин, отодвинул длинным стволом Лёвку. Крякнув, перехватил оружие за переднюю рукоятку, прицелился в проход. Мы расступились, готовые в случае необходимости прикрыть эту ходячую пушку.

Ерофей сипло втянул через фильтры в легкие побольше воздуха и громогласно провозгласил:

— Ну шо, говнопедерасты ссанные, мундиры не жмут? Или у вас корсеты под кителями, шоб сиськи не висели? Пока вы друг другу попки ершили, пузаны волосатые, я ваших сестричек и маток трошки...

Далее тирада переросла в столь чудовищные оскорбления в адрес военных, что даже стреляные сталкеры с удивлением повернули головы к вышибале, а эстет Гост вскинул чернявые брови, да так и оставил их в приподнятом положении.

После того как Ерофей закончил, во всем баре повисла жуткая тишина. Стало слышно, как мерзко потрескивает под чьим-то берцем стекляшка. Пыль почти осела, и воздух словно бы замер вместе со всеми бродягами в ожидании реакции обалдевших солдат.

— Теперь нам точно крышка, — нарушил молчание Погуляй, улыбаясь под маской во всю рожу. — Даже не знаю, возможно ли придумать более виртуозную провокацию, чем та, которую я только что имел честь слышать. Потрясающе, Ерофей. Гениально.

Дымовая шашка влетела в помещение за мгновение до того, как раздались тяжелые шаги, и на лестнице появился боец в экзоскелете с шестиствольным пулеметом наперевес. И как он только умудрился сюда протиснуться? Вазелином, что ль, намазали, прежде чем запихивать в узкий проход?

Стволы были раскручены заранее, и солдату оставалось лишь нажать на спусковой крючок, что он и сделал без особого промедления. Лента дрогнула, и в зал ворвался настоящий свинцовый ураган.

Хорошо, что Ерофей успел выстелить мгновением раньше, и зажигательная дробь огненным шквалом ударила спецназовца в грудь, лишив равновесия. Он завалился на спину, невольно задрал рычащий пулемет вверх — поэтому основная часть смертоносной очереди ушла в потолок и превратила вентиляционный короб в жестяное месиво. Ерофей от скользнувших по груди пуль отступил на два шага, чуть не выронил «Отбойник», но сумел удержаться на ногах. С ревом он выпустил в жужжащий сервомоторами экзоскелет еще несколько зарядов — солдат вздрогнул и закричал, объятый огнем. Его хотели подхватить и вытащить из сектора обстрела, но мы с Зеленым не позволили этого сделать. Я под прикрытием подбежал к задыхающемуся противнику, сунул ствол автомата в шейное сочленение и без лишних сантиментов нажал на спуск. «Калаш» коротко дернулся, обрывая мучения бойца, полыхающего в своей раскуроченной скорлупе, как сойка в гриле.

Дымовая шашка меж тем полностью отработала. Помещение заполнилось густым дымом, видимость сократилась до пары метров. Ориентироваться теперь стало гораздо труднее, ибо в моем шлеме не было встроенного прибора ночного видения.

В зал вот-вот должны были ворваться разгневанные речью Ерофея штурмовики, и на то, чтобы хоть как-то реорганизовать оборону, у нас оставались считанные минуты.

— Дрой, Гост, — позвал я. Сталкеры откликнулись с разных сторон.

— Ну?

— Слышу тебя, родной.

Я постучал прикладом по металлической стенке бочки.

— Помогите спихнуть эти канистры на лестницу! Ну-ка!

Мы вместе навалились на тяжелые резервуары с водой, сдвигая их к проходу, кантуя, роняя на пол с глухим металлическим громоханием. Завидев наши потуги, на помощь пришли Погуляй и Чижик. А когда новая баррикада была почти готова, даже сам Фоллен не побрезговал подкатить последнюю емкость. Все это время Ерофей стоически прикрывал нас: оглушительные залпы из «Отбойника» не позволяли атакующим высунуться из глубины лестничного пролета. С каждым выстрелом грузную тушу вышибали все сильнее отодвигало назад, и я заподозрил, что виной тому не только внушительная отдача пушки, но и ранение.

— Готово! — провозгласил Фоллен, отдуваясь, будто не одну бочку прикатил, а полдюжины. — Минут пять бы еще продержаться, а, касатики!

— Убавь патриотизм, — грубо посоветовал ему кто-то из сталкеров. — Все твое логово сейчас раскурочат, не расплатишься ведь.

Сквозь дым я заметил на лестнице силуэт, слегка подсвеченный прыгающими язычками пламени. В сумраке разглядеть нападающего не удалось, но вектор движения я определил точно и пустил короткую очередь на опережение. Пули, взвизгнув, срикошетили в стенку, не причинив ретивому военному особого вреда, но изменив его траекторию. Он упал на одно колено, развернулся и открыл ответный огонь на звук. Профи. И бронька отменная.

Я сменил позицию: бросился к ближайшей бочке и замер за ней, слишком поздно сообразив, что уязвим с фланга. Когда я увидел в задымленном воздухе рубиновый росчерк луча ЛЦУ, дергаться было уже поздно. Второй штурмовик ворвался в зал сразу за первым и всадил бы мне в бок пулю из «Винтаря», если бы на пути не оказался Ерофей. Когда звук выстрела уже долетел до сознания, я понял, что грубоватый мордоворот спас бродягу Минора ценой дырки в собственной шкуре.

Энергии пули оказалось достаточно даже для тяжелого Ерофея. Вышибалу толкнуло в мою сторону, и я еле успел поддержать плечом его тушу. Зарубцевавшаяся рана немедля отозвалась тупой болью. Гост с Дроем одновременно пальнули из «Потрошителей» и

впечатали бравого вояку в дверь кладовой, но легче от этого не стало, потому как через баррикаду продолжали прорываться штурмовики. Активная фаза перестрелки сталкеров и спецназовцев длилась минуту, не дольше. Несмотря на то, что мы «играли от обороны», силы были не равны. Когда я подтаскивал раненого Ерофея к спуску в подвал, то в зале уже прочно обосновались двое военных. Юра Погулай с соратником из клана Лося продолжали яростно отстреливаться, но шансы на успех стремительно таяли.

Чирик с Фолленом уже ретировались в нижние помещения, видимо, надеясь устроить там последний оборонительный рубеж перед капитуляцией и выдачей распотрошенного черномордого. Хотя лично у меня были серьезные сомнения насчет того, что солдафоны после проявленной дерзости захотят мирно урегулировать конфликт.

Пуля хрястнула над головой, сорвав с крючка поварской фартук и впившись в полку с утварью. Половники, терки, миски рухнули вниз звенящим водопадом. Я изо всех сил потянул раненого на себя, чтобы его не завалило посудой, и в последний момент отдернул руку: в щель между плитами, разрубив линолеум, воткнулся разделочный тесак. Туда, где только что находилось мое запястье.

Гост, Дрой и Зеленый юркнули за угол раскуроченной барной стойки.

— Плох? — справился Дрой, скользнув взглядом по безвольно запрокинувшему голову Ерофею.

— Хрен его знает, — сказал я, отшвыривая тесак и протаскивая грузное тело еще на полметра. — Надо скорлупу снять, чтобы понять, куда ужалило.

— Потащим вниз?

— А больше некуда! Хватайте его под мышки, я прикрою.

Приклад привычно уперся в плечо. Палец нащупал знакомую ложбинку спускового крючка. Плавный выдох. Чик.

И затворная рама снова завела свою страшную песню, плюясь вбок горячими гильзами, а мушка заплясала над прицельной планкой танец смерти.

Одного из занявших позицию стрелков мне удалось снять, но в это время на полу завертелась очередная дымовая шашка, шипя аэрозольной струей. Все, теперь точно пора сваливать.

Я ссыпался вниз по лестнице, едва не врезавшись в волокущих Ерофея приятелей. Заглянул в каморку Фоллена — пусто. Лишь одиноко покачивается набивший за долгие годы оскомину светильник в виде китайского фонарика. Побежал дальше по коридору, пиная двери, которые услужливо распахивались: ведь им нечем было парировать аргументы армейского берца. Пусто, пусто, пусто...

Возле поворота к лаборатории я чуть было не словил в щи от Чирика, занявшего выгодную позицию в нише за ржавой трубой. В полутьме бармен не разобрал, кто на него ломится, и уже готов был угостить меня свинцовыми пилюлями из старенькой «Гадюки», которую так решил взять на вооружение вместо «Бульдога», но подоспевший Фоллен двинул ему прикладом по каске, заставив крутануться на месте и выронить автомат.

— Совсем ослеп, поварешка? — прорычал я и довесил Чирику хорошую затрещину.

— Уймись, контра! — Бармен поднял ствол. — Я ж не разобрал.

— Другой бы на моем месте тебя на бабки за такое поставил. Но я же не изверг, правда? Так что просто спешем должок за вчерашний ужин.

— Угу.

Гост с Дроем под прикрытием Зеленого и Лёвки втащили за угол Ерофея и сняли наконец с него маску — благо дело, до подвала слезогонка не добралась. Я тоже скovyрнул шлем, чтобы хоть чуток проветриться. Вышибала был бледен, покрыт крошечными капельками пота, и от него все еще убийственно несло вчерашним перегаром. У-ух, здоров же этот конь крепенькую глушить! И как он только в таком состоянии сподобился выступить с поистине феерической речью в адрес солдафонов?

Ерофеем приподнял веки и со второго раза сфокусировал на мне взгляд мутных глазок.

— Ага, — прошептал он, с трудом раздвинув в улыбке сухие губы, — наблюдаю знакомую лысину.

— Завали хлев, — сурово одернул я раненого вышибалу. — Знаю, что хочется пошутить. Это последствия болевого шока. Но ты помолчи, если жить хочешь. Сейчас мы с тебя снимем броник. Готов?

Ерофей кивнул, поиграл желваками, и его стошнило на пол кровавой желчью. Из ноздрей полезли розовые пузыри. Ой-ой, плохо дело.

Фоллен распахнул дверь лаборатории — откуда донесся запах химикатов, озона и какой-то знакомой еще с детства медицинской гадости. Посыпались громкие возгласы ученого, который занимался анализом. Он трижды проклял день, когда пошел работать в «№92», и принялся в грубых выражениях обвинять хозяина бара в том, что теперь его напичканные знаниями мозги похоронят в этом вонючем погребке вместе с тупоголовым сталкерским мясом. Внезапно причитания и упреки стихли: кажется, головожопый получил по зубам. Раздался лязг инструментов, и Фоллен высунулся в коридор.

— Если не смертельно, бинтуй Ерофея, — крикнул он и бросил мне аптечку.

Мы с Гостом осторожно растегнули лямки, сняли с вышибалы бронежилет, растегнули комбез и увидели страшные раны. Одну скользящую — под ребрами в районе селезенки, вторую проникающую — рядом с правой подмышкой. Ой-ой-ой, как хреново. Если кишки задело по касательной, то легкое прошибло насквозь. А главное, как не повезло-то бедолаге: обе пули влетели аккуратно под край броника.

— Крындец? — спросил бледный как мел Ерофей, не решаясь смотреть вниз. — Минор, ты только не брешь. Если хана мне, так ты пристрели лучше прямо сейчас, а то я трохи боюсь гангрены...

— Кому сказал, хлев завали, — велел я, щедро поливая его пузо перекисью. — Говорливый больно.

— Мне что-нибудь может помочь? — не унимался Ерофей. — Военно-полевая хирургия.

Я содрал с него тельник, обколол раны обезболивающим и еще раз промыл перекисью водорода. Попросил Дроя приподнять верхнюю часть туловища и стал накладывать давящую повязку на грудь. Хорошо, что пуля прошла насквозь, не задев артерий и позвоночника. Правда, ребро одно все же поломала, и костные осколки могли нанести дополнительные повреждения внутри грудины. Хирург мужику нужен, чем скорее, тем лучше.

— Твоя успела уйти перед облавой, — шепнул мне на ухо Ерофей, когда я нагнулся, чтобы обхватить бинтом его спину.

— Что «моя»? — нахмурился я, решив, что у него начинается бред.

— Баба твоя, дурак.

Я замер на секунду, поймал угасающий взгляд вышибалы и шмыгнул носом, не зная, что ответить. Он улыбнулся, вновь пустив розовые пузыри.

— Думаешь, не бачу, шо бесишься каждый раз, когда эта курица на сторону шастает? Э-эх... Зря вы, москали, меня за быдло неотесанное держите.

Я открыл рот, чтобы возразить, но Ерофей поморщился: мол, не спорь, знаю же. И несказанные слова замерли в глотке. А какой, собственно, из пунктов я собирался оспорить? Насчет гулящей Латы или про социальный статус Ерофея?

— Пять лет без огнестрела, и... на тебе: сразу два, — с отчаянием в голосе прошептал вышибала. — Резаных-то ран с полдюжины за время работы в «№92» накопилось. Пара колотых, переломы. Но я все время приговаривал: нехай пуля минует.

Я с удивлением поглядел на его медленнодвигающуюся челюсть, мотнул бинтом под мочушкой рукой и сказал:

— Лично мне до лампады, что шкуру попортит — все равно дырка. Чего ты так за огнестрел переживаешь? Зарастет.

— Зарасти авось и зарастет, да на потомстве скажется.

— Так, все. Хорош бред в массы нести.

— Не бред. Я слыхивал, будто при огнестрельных ранениях случаются микросотрясения, вроде как аж в самих клетках организма. И такие сотрясения могут будущих детей повредить. Или даже внуки дебилами родятся. Генетика, брат, штука нежная.

Я некоторое время не знал, плакать или смеяться. Чес-слово, не ожидал услышать философские басни от мешка с мускулами, который на протяжении многих лет ассоциировался у меня с дворовым цербером Фоллена, способным лишь на силовые упражнения и вульгарные комментарии. Ан вот оно как: и в этой квадратной головушке мысли жужжат, оказывается.

Надо бы вымести из Ерофея лирику — ни к чему она теперь, когда жизнь на волоске мотается. Я нагнулся к самому его уху и серьезно проговорил:

— О детишках здоровых печешься? Думаешь, придет к тебе завтра фея, ноги раздвинет и потомством розовощеким обеспечит? У тебя генотип уже так Зоной исковеркан, что через пару поколений крокодилы вылупяться станут вместо правнуков. И не слушай шарлатанов, которые про клеточные сотрясения врут. Дырки в шкуре только формой шрамов различаются.

— Злой ты, — вынес вердикт Ерофеем, и его опять стошнило.

— Скажи спасибо, что не Дрой тебе рекомендации насчет потомства дал, — усмехнулся я, смахивая с рукава блевотину и вкалывая ему успокоительного. — Все, баю-бай.

Ерофей прикрыл глаза, на бледном лбу опять выступил пот.

— Сам решу, беситься мне или нет, когда эта курица на сторону шастает, — проворчал я. — Нашелся, блин, тут... психоаналитик.

Из лаборатории вышел Фоллен — чернее тучи. Его вытянутые черты лица еще сильнее заострились, добавив сходства с хищной птицей. Папироса прилипла к уголку губы, и он даже не заметил, что огонек погас.

— Подь сюда, — позвал меня хозяин бара.

Я поднялся и последовал за ним в конец коридора, оставив Госта приглядывать за Ерофеем. Проходя мимо распахнутой двери, краем глаза заметил неподвижное тело, распластанное на высоком металлическом столе под нависшей хирургической лампой. Будучи обнаженным, черномордый уже совсем слабо походил на человека: бугристая кожа поблескивала в холодном свете, словно антрацитовая слюда, пальцы на свисающей руке заканчивались короткими, но даже на вид острыми когтями. Запрокинутая голова была облеплена датчиками, провода от которых тянулись к осциллографу. Что же за бестию породила Зона на этот раз?

Фоллен завел меня в «карман» коридора, устало присел на обмотанную теплоизоляцией трубу и наконец выплюнул потухшую папиросу.

— Дело табак? — поинтересовался я, наблюдая, как раздуваются его глянцевиные ноздри.

— Утхни. Слушай внимательно, — сказал Фоллен, и от его тона мне стало не по себе. Торгаш был чем-то взволнован до такой степени, что не заметил, как оперся голой ладонью на кусок стекловаты, торчащий из обшивки трубы. — Раз уж ты из меня инфу вытащил, вот тебе еще набор разносолов на зиму. Эти уроды не так просто за Периметром расхаживают и в кисель не превращаются. Клеточная структура их организма остается стабильна из-за аномального поля. Жри, не обляпайся.

— Не понял. Откуда оно берется вне Зоны?

Фоллен высунул башку в проход, убедился, что никто к нам не идет, и снял с пояса термоконтейнер.

— Здесь штуковина, которая генерирует аномальную энергию, позволяющую мутантам выходить за пределы Периметра. Мой истеричный ученый достал ее из потрохов черномордого. Похоже, тот проглотил артефакт, когда Вовка Бритый его прессовать начал.

— Артефакт? — невольно переходя на шепот, уточнил я.

— Понятия не имею. Называй как вздумается. Но одно ясно: эта уникальная шняга действительно образует локальную аномальную зону и не дает тварям развалиться на части. Вроде энергетического кокона.

— Мама-перемама, — не удержался я от комментария.

— Вот именно, Минор: мама-перемама. С помощью такой штуки нетрудно вывести за пределы Зоны любого мутанта.

— Или сами уйдут.

— Соображалки не хватит. Хотя... контролеры или бюреры, пожалуй, могут додуматься.

— Запросто.

Мы помолчали. Я видел, что Фоллена надвое раздирают жадность и страх. Он прекрасно понимал, что в данный момент распускать информацию противопоказано, и поэтому потенциальным добытчиком мог стать лишь старина Минор.

— Не зря военные так тебя прижали, — начал я. — Хабар — уникальней некуда.

— Ладно, — махнул рукой хозяин «№92», — нечего изображать из себя девственниц на выгуле. Я знаю, что тебе по силам раздобыть подобные хреновники. Ты знаешь, что выгодно загнать их получится лишь с моими связями.

— Как бы твои связи не накрылись жестяным ведром через пару минут. — Я прислушался к глухим ударам, доносящимся с другого конца подвала. — Слышишь?

— Дипломатия — моя сильная сторона, — хищно улыбнулся Фоллен. — Нужно было выиграть время.

— Прикрывшись сталкерами, которым пообещал лишнюю пайку на месяц-другой? — вернул я улыбку. Он стал серьезным.

— Люди сами назначают себе цену. Лично я готов был дать больше.

— Зона тебе судья. С нее станется и пулю послать в качестве подарка за щедрость.

— Как-нибудь в другой раз.

— Но согласись: прижали тебя знатно.

— Не в первой, договорюсь как-нибудь с мундирами.

— Буду истово молиться. Кадило есть, чтоб дымовую завесу устроить?

— Не богохульничай, нехристь поганая. Так ты возьмешься за дело?

Я тоже убрал с рожки ухмылку. Поинтересовался:

— Условия?

— При удачном раскладе — обычные комиссионные.

— Дельце с высоким фактором риска, к тому же — сулит большие барыши. Так что комиссия моя увеличится на тридцать пунктов.

— Офонарел, чешка? На десять могу поднять, не больше.

— Двадцать, иначе далее попу с трубы не приподниму.

— Грабитель.

— Плюс вся инфа, которой располагаешь. Кстати, ты подумал, как я выберусь отсюда, когда ты начнешь свою сильную дипломатическую сторону применять к взбешенным воякам?

Фоллен снова растянул губы в улыбке. На этот раз она получилась даже не каверзной, а издевательской. Это мне очень не понравилось. И, как выяснилось спустя минуту, не зря.

Поделившись скудными данными насчет локации, в которой впервые обнаружились черноморды, Фоллен приоткрыл контейнер и показал сам предмет вожеления. Артефакт ли это был, рожденный Зоной, или устройство, изобретенное человеком, но такого я раньше не видал, это точно. Размером с мелкий мандарин, грязно-серого цвета, склизкий, с пучком каких-то вислых жгутиков — в общем, убогая форма абсолютно не соответствовала волшебному содержанию. Убедившись, что я запечатлел в памяти предмет, Фоллен захлопнул крышку и повесил контейнер на пояс. Затем вытащил из кармана распечатанную на принтере схему местного мусоропровода и всучил ее мне. Заранее ведь все продумал, скотина этакая.

— Ты уж не серчай, Минор, — пожал плечами хозяин «№92», подводя меня к шахте утилизатора, — но все остальные пути наверх в данный момент перекрыты. А шлем и броньку тебе придется оставить — в них не пролезешь. Разве что респиратор смягчит непередаваемые обонятельные ощущения. Вот, держи.

Комнатенка представляла собой узкий бетонный пузырь, под потолком которого были натянуты проволоки с нанизанными грибами, иссушенными до неузнаваемости сорта. В углу стояли несколько мешков с углем, опечатанная канистра с горючкой, баллон с жидкостью для дезактивации и багор из противопожарного арсенала. За стенкой урчал дизель-генератор. Душистый аромат гнилья и гари так шибал в нос, что дышать приходилось через раз. Странное, на первый взгляд, сооружение выполняло аж две функции: служило мусоросборником и печью. В теории задумка была шикарной: чтобы свести к минимуму потерю полезной говномассы, следовало переработать ее в тепловую энергию. На практике система потрясала масштабом идиотизма. Из основного зала в мусоропровод сбрасывались отходы, к ним добавлялась отсеянная крупным фильтром взвесь из канализации, плюсовался фонащий шлак из блока очистки воздуха — ассорти попадало в этот каменный мешок и раз в неделю сжигалось. Венцом маразма было полное отсутствие вентиляции, кроме естественной тяги из дымохода. И это в здании, которое изначально планировалось под общеобразовательную школу. Заставить бы инженера, спроектировавшего сие чудо, тут с полгодика вахту отстоять.

— Знаешь что, — решил я, отодвигая заслонку и заглядывая в темный зловонный лаз, — наверняка кто-то еще из почтенных сталкеров жаждет свинтить из крысоловки, в которой они оказались из-за твоей предприимчивости. Я только предложу, а ребята пусть решают, лады? Сам понимаешь: некрасиво линять в одну харю.

Фоллен пожал плечами: мол, пожалуйста.

После получения краткой вводной около половины запертых в подвале сталкеров предпочли вонючий мусоропровод неизбежной встрече с высаживающими дверь солдатами. Несмотря на то, что Фоллен возвестил о намерении капитулировать, многие бродяги стали резво сбрасывать громоздкую защиту и натягивать респираторы. Угрозы хозяина аннулировать договоренность насчет халявной жратвы также не возымели действия: по всей видимости, не один я имел старые счета с военной прокуратурой.

— Гольшом? Туда?! — протестующе взревел Дрой, увидев, как в говнопечку забирается молодой парень из клана Лося. — Лезь ты сам в эту жопу, Минор! Там вон счетчик Гейгера соловьем заливается. А ну-ка верните броник, пойду на редутах сдохну!

Гост презрительно сморщил нос, но не стал препираться, понимая, что времени в обрез. Он строго посмотрел на Дроя, пышущего праведным гневом, и указал тому на лаз.

— Не, вы что, реально собрались линять через эту клоаку? — Дрой в поисках поддержки перевел взгляд на Зеленого. Понизил голос и полувопросительно проговорил: — Мы же уважаемые ветераны, в конце концов...

— Меня это печалит, брат, — сказал Зеленый, сбрасывая обвесы с комбеза, — но если ты хочешь остаться этим самым ветераном, а не угодить воякам на опыты, то придется лезть в радиоактивные какашки.

Дрой трагически помолчал, сжав губы в звездочку. Затем отшвырнул шлем, приподнял респиратор и громко заявил:

— Запомните: я был против столь позорной тактики отступления.

После этого он направился к утилизатору, оттеснил Лёвку и с пыhtением стал забираться внутрь.

Не успел упитанный зад Дроя исчезнуть в печи, как в другом конце подвала грохнулась об пол снесенная с петель дверь, и Фоллен принялся орать во всю глотку, что сдается.

— Не стреляйте! Здесь раненые! Мы сложили оружие!

— Вперед! Прикрой, Славик!

— Вправо двинь!

— Оп-оп... Сюда, Мих, сюда!

— Руки за голову, мразь продажная...

Я решил не выслушивать весь набор солдатских ремарок в адрес бунтаря-торговца. Быстро обмотал ремень автомата вокруг предплечья и включил налобник. Луч фонаря высветил кучу склизкого даже на вид сора, над которой зияло черное от сажи отверстие дымохода. Оттуда сыпалась зола, и доносилось приглушенное бормотание Дроя. Из глубины

мусоропровода тянул теплый сквознячок, и пыльные нити застрявшей в стыке тряпки шевелились, как щупальца неведомого монстра. В уголке серенький крысенок бесстрашно грыз косточку, придерживая ее лапками и кося бусинкой глаза на свет.

Кошмарная вонь проникала даже через фильтр респиратора и заставляла дышать часто и неглубоко. Счетчик радиации, встроенный в ПДА, медленно, но уверенно начинал паниковать. Давненько я не забирался в такую задницу.

За мной в утробу мусоросборника проник Лёвка. Он ловко устроил свой «Гром» под мышкой, молча подождал, пока я подтянусь на перемычке и втиснусь в кишку дымохода, затем вскарабкался следом. Мне стало неуютно в узком закопченном лазе, когда бывший отмычка оказался позади. Словно в спину уперся не луч его крошечного фонарика, а тяжелый осязаемый взгляд. Приступ клаустрофобии? Да не должно бы: и не в таких теснотах случалось бывать.

Я остановился, глядя на расцарапанный ногтями обгоревший кирпич. Сквозь причудливый узор трещинок вдруг проступил угловатый профиль существа с черной, как уголь, кожей. Твою ж мать, глюков только не хватало. Я поморгал, отгоняя наваждение, сосредоточился и продолжил ползти по трубе — благо она шла под углом, а не отвесно.

Через несколько метров я уперся в ботинки застрявшего Дроя. Его ноги дергались вперед-назад в поисках упора, а невидимая отсюда башка изрыгала потоки брани. Я окрикнул сталкера, заставив умолкнуть, вытянул вперед автомат и подставил ствол под рифленую подошву. Дрой почувствовал опору и оттолкнулся, сыпав мне в глаза пылью. Пришла моя очередь извергать проклятия, но основная проблема была решена: ворчащий затор рассосался. Я поморгал и подтянулся на локтях. Лаз резко уходил вправо и вверх. По моим прикидкам, до наружной трубы оставалось метров пять, но последний отрезок обещал быть самым трудным. Главное, чтобы воякам не пришлось в голову выставить караульного возле говно-выхлопа, иначе казус выйдет невероятный.

Почувствовав, как Лёвка дернул за штанину, я остановился.

— Разговор есть, Минор, — донесся его приглушенный бас.

— Козырное ты место для беседы выбрал, — похвалил я, намереваясь продолжить подъем.

— Ты же собираешься искать логово угольников.

Фраза заставила меня замереть. Во-первых, этот проныра был в курсе моих планов. Во-вторых, он дал очень точное определение тем, кого я привык называть «черномордыми». Угольники, надо же. Постановка ударения на первый слог придавала слову необычное и яркое звучание. Лучшего названия этим бестиям и не дашь.

— Опять подслушивал чужие базары? — поинтересовался я.

— Вы с Фолленом слишком громко обсуждали заказ.

— Всё-таки уши тебе мешают.

Лёвка помолчал, поворочался где-то внизу. Совсем тихо сказал:

— Я могу помочь.

— Сомневаюсь.

— Предлагаю сделку. Я показываю путь к месту, где обитают угольники. Ты берешь меня с собой в рейд и обязуешься довести до логова.

Я задумался. Еще вчера вечером, после оборванного разговора в раздевалке, стало ясно: бывший отмычка знает про новых обитателей Зоны больше остальных бродяг. Но теперь он прямо предлагал сотрудничество. Его информация против моей протекции.

— Откуда тебе известно про... угольников и их логово?

— Разве я обязан делиться инфой, которой торгую?

А парень — не промах. Интересно, мне показалось или в его низком голосе проскользнула насмешка?

— Не обязан.

— Фоллен дал тебе ложные координаты локации, — сообщил Лёвка. — И на этот раз не из корыстных соображений. Просто он сам толком не ведает о том, что происходит.

— А ты ведаешь?

— Я могу тебя гарантированно вывести к их логову. Но вдвоем туда не пробраться. Понадобится помощь опытных сталкеров.

— Тогда придется брать в долю лишние кошельки.

— Решай сам. Я предупредил: вдвоем не пройдем.

— А я еще не дал согласия.

Лёвка не ответил. И в этом безмолвии мне вновь почудилась насмешка. Он словно бы без слов дал понять: ты согласился, дружок, ибо некуда тебе деваться — информация дороже денег и важнее понтов.

Так, стоп. Кажется, старина Минор становится мнительным.

— Пусть будет так, — решил я. — Ты ведешь меня к логову, я позволяю тебе быть рядом.

— И мы обязуемся помогать друг другу при необходимости.

— Какого банана я должен тебе помогать?

— Не только ты мне, но и я тебе. Это мое условие.

— Романтики в формулировках захотелось? — Я бы пожал плечами, но особенно узкий в этом месте лаз не позволил совершить простого движения. — Ну ладно.

— Договорились. А теперь, будь добр, поторопись — кажется, кто-то шибко умный собирает подпалить мусор.

Мне и самому начало казаться, что сзади потянуло теплым воздухом, но я не придавал этому значения. А вот теперь, после слов Лёвки, перед глазами выстроилась очень неприглядная картина, главным персонажем которой являлся зажатый в дымоходе Минор. Сразу вспомнилась печь для закаливания кирпича, в которой я полгода назад чуть было не пал жертвой блуждающей «жарки». К счастью, тогда вместо меня в хрустящий бифштекс превратился бандит Бес, но в памяти горчинка от пережитого засела прочно.

— Демоны Зоны! — выдохнул я, принимаясь быстро ползти вперед.

Сомнений в поджоге больше не было — где-то внизу весело запылала куча радиоактивного дерьма, грозя спалить нас, как тараканов в керосинке. Вонь многократно усилилась, став умопомрачительной. Трубу начало заволакивать едким дымом.

Но главное: с каждой секундой становилось все жарче и жарче.

Глава четвертая. Приграничье

Есть мнение, что в экстремальной ситуации в организме вскрываются скрытые резервы, и мы махом становимся сильнее, быстрее, выносливее. А если верить байкам, коих неимоверное число травится вечерами у костров под стаканчик-другой сорокаградусной, один желторотик еще в стародавние времена первых рейдов умудрился несколько километров грузенный щебнем вагон за собой по рельсам проволоочь, когда его дружки к сцепу приковали да так на растерзание мутантам и оставили. Понятное дело, подобные рассказы — брехня, но определенный запас прочности, несомненно, в человеческих потрохах имеется, и, по задумке, в минуту опасности должна срабатывать некая пружинка. То ли я уже перестал быть человеком, то ли не полностью бодун прошел, то ли еще какая беда стряслась, долго гадать можно — только ни хрена у меня ничего не сработало. А очень, надо заметить, хотелось, ибо ситуация становилась критической.

Когда до выхлопного отверстия оставалась пара метров, мне пришлось извиваться ужом, пытаясь хоть как-то ускорить движение. Труба в этом месте шла почти вертикально, и держаться между узких стенок становилось все труднее. Сорвись я сейчас, и нас с Лёвкой и всеми, кто ползет за ним, можно хоронить.

Упершись локтями в кирпичи и сдирая в кровь колени, я изо всех сил рвался вверх, прочь от дыма и жары. Мышцы едва не лопались от напряжения, связки натянулись, как веревки, сиплое дыхание отдавалось в ушах, мешая сосредоточиться. Но все равно я полз слишком медленно, чтобы успеть выбраться и помочь остальным. А глупый организм все не

спускал пресловутые пружинки-резервы: или чего-то ждал, или не осталось их вовсе. Неужто старею?

— Минор, бодрей двигай! Задохнемся... — Лёвка закашлялся. — Пацанов внизу через минуту зажарит.

— Лезу, — прохрипел я. Задрал голову и, шурясь от дыма, проорал: — Дрой, вытяни!

Вместо ответа в морду прилетело с полкило сажи и земли. Налобник свернуло набок, респиратор повис на резинке, и я еле успел захлопнуть хлебoreзку, чтобы не наглотаться грязи. Свирепо фыркнув, выжался на полную катушку. Правый локоть сорвался вниз, сердце пропустило удар. Плечо больно проехало по стенке, заставив сжать зубы. Зато еще сантиметров на двадцать поднялся. Чуток осталось. Терпеть.

Когда я уже начал задыхаться от едкого дыма, то сверху наконец послышалось неразборчивое бормотание, и щеки коснулось что-то холодное. Я приоткрыл глаз: ремень. Ох, Дрой-Дрой, тоже мне умник нашелся.

— Чем хвататься прикажешь? — выцедил я. — Зубами?

— Меньше текста, — скомандовал он. — Изворачивайся живо, а то остальных потеряем.

Чуть не воя от боли в плече и коленях, я поднял левый локоть и резким движением вскинул руку. Уцепился за ремень, сдирая ногти и чувствуя, как начинаю медленно съезжать вниз.

— Тащи!

Рывок. Еще один.

В запястье что-то мерзко хрустит, дышать нечем, автомат тянет вниз, словно весит не четыре кило, а все двадцать...

Дрой, рыча от напряжения, выволок меня из трубы, прислонил спиной к кирпичной кладке и вернулся обратно к отверстию в трубе.

Переведя дух и дождавшись, пока перед глазами перестанут мельтешить веселые искорки, я снял разбитый налобник, размотал ремень, оставивший на предплечье красные полосы, взял «калаш» наизготовку и огляделся.

Два исцарапанных с ног до головы сталкера затаились возле токарного станка, который давным-давно проржавел насквозь. Они, держа штык-ножи обратным хватом, пасли узкий проход между боковой стеной строения и рядом гаражей. Сквозь стебли прошлогоднего бурьяна была видна серая полоса асфальта.

Еще один чумазый бродяга копошился на противоположной стороне заднего двора, готовый прикрыть тыл. Он обустроивал огневую позицию, используя в качестве опоры для длинного ствола винтовки ось перевернутой тачки. Вот ведь акробат! Да и как только ухитрился через дымоход модифицированную снайперку протащить?

Нам повезло: инженеры спецназа не знали об этом выходе. А если и знали, то не сочли нужным перекрыть его перед началом штурма, полагая, что сталкерам хватит ума не пользоваться каменной кишкой, фонащей и благоухающей, что твоя свалка. И хрен угадали. Ума хватило с запасом, изворотливости — тоже. Но главное, вояки, которые внизу подпалили мусор с целью выкурить беглецов, не могли связаться с теми, кто остался на поверхности, а то бы нас давно приняли под белы ручки — полуголых и почти безоружных. Спасибо толстым перекрытиям подвалов Фоллена, что намертво экранируют радиосигнал, и самому хозяину бара, который скорее всего сейчас заговаривает зубы и умасливает разгневанных штурмовиков.

— Очухался?

— Угу.

— Мой ремень слишком короткий... Снимай-ка портупею, — велел Дрой, отворачиваясь от дыма, валящего из скособоченной трубы. Его сивые брови были опалены, глаза слезились. — Кхе-мх... Да скорей же шевели мослами! Пацаны передохнут, пока ты тут тупишь!

— Ты-тут-ту, — передразнил я, вставая.

Дрой гневно посмотрел на меня, не въехав в шутку, и раскрыл было рот, чтобы обматерить за нерасторопность, но я не дал ему такого шанса: клацнул пряжкой и выдернул ремень, подхватив ножны и чехол с ПДА. Мы быстро соорудили сцепку и бросили конец вниз.

— Лёвка, дерни, когда будешь готов! — гаркнул я в копящее марево.

Через секунду ремень дрогнул. Мы уперлись каблуками в землю, ухватились покрепче и стали тянуть на «раз-два».

Дым мешал сосредоточиться, ботинки проскальзывали на мокром дерне, Лёвка выкрикивал неразборчивые фразы из жерла, и казалось, что его тело с каждой секундой становится все тяжелее. Ремни натянулись, острые сколы кирпичей увечили их грубую кожу, сцепка дзенькала о стенку. Дело двигалось с трудом.

Наконец нам удалось приподнять Лёвку настолько, что он ухватился за край трубы и, не обращая внимания на сочащуюся из-под перчаток кровь, принялся выбираться. Мы подхватили его под мышки и выволокли на воздух.

— С-с-к-корей... ос-с-стальных... — выкашлял он, отползая в сторону и протягивая свой ремень.

Следующим оказался Гост. Сталкер вскарабкался довольно бодро и освободил лаз.

А вот последним полз наш долговязый зануда, и ему досталось по полной. Когда мы общими усилиями вытащили Зеленого из раскаленной клоаки, цвет его лица строго соответствовал прозвищу. Края штанин превратились в тлеющую бахрому, пристрелянную снайперку сталкер обронил, кожа на лодыжках покраснела, хотя волдырей заметно не было.

Мы положили Зеленого на доски и брызнули в лицо из фляжки. Его выгнуло дугой, обильно стошнило на собственные колени, но взгляд после этого слегка прояснился.

— Радиация? — озабоченно спросил парень из клана Лося.

— Не, — Зеленый сплюнул тягучую слюну, — всего-навсего жженое дерьмо.

Я пощелкал перед ним пальцами, привлекая внимание. Зеленый посмотрел на меня вполне осознанно.

— За тобой кто-то лез? — спросил я.

— Не успели. — Он резко мотнул головой и вновь чуть не сблевал. — Вот же ж напасть... Остальных, видно, скрутили, а мусор сразу подпалили.

— Тогда больше мы сделать ничего не можем, — подвел я черту. — Валим отсюда, пока солдафоны не прочухали, что банда сталкеров виртуозно линяет у них из-под носа.

— Минор дело говорит, — кивнул Гост. — Мужики, сворачиваемся и уходим дворами. Путь через пустошь-ферму должен быть свободен, выйдем на тропу чуть западнее Кордона.

Прикрывающие сталкеры попятились, не переставая, однако, пасти проходы. Гнаться за нами, кажется, никто не собирался, но, сами понимаете, в Зоне лишний раз перестраховаться не помешает. До последнего я ждал, что вот-вот из-за угла прилетит граната или появится штурмовой отряд и вломит нам по самые ноздри.

Как ни странно, уйти удалось без проблем. Жаль, Ерофею потроха попортили. Эвон как его приложило, аж на философию о чистоте генотипа и здоровье потомства прошибло. Ну да ничего: выкарабкается, не маленький уже.

Осторожно поддерживая шатающегося Зеленого, мы покинули опасный район, петляя между каркасно-насыпными развалинами и высохшими кленовыми рошицами. В гуще кривых ветвей торчали бетонные вешки от телеграфных столбов, похожие на огромные костяшки домино. Возле ржавого железнодорожного полотна, огибающего пустошь-ферму с юга, валялось несколько куч деревянного крошева, которое когда-то было шпалами — в воздухе до сих пор чувствовался запах креозота. Рельсы в этом месте изгибались и перекручивались, словно корни. Возле сломанной стрелки недвусмысленно белел крупный осколок черепа. Интересно, чем это их так перекусало? Похоже на проделки мощной «гравикаракатицы». Да только не могло здесь возникнуть никаких аномалий: далековато от Кордона. Может, фугас сработал или ракетой с «вертушки» накрыло каких-нибудь не особо удачливых ходоков? Может.

В Зоне все может быть. Гадать — только время попусту тратить. Пустошь-ферма не зря получила свое название. Посреди большого пустыря, на котором давно не росли ни трава, ни кустарник, стоял дом. Двухэтажный, основательно сложенный из крупного белого кирпича, с мансардой под двускатной крышей, щербатым крыльцом и угловой верандой. Возле дома ютились сарай, стойло, колодец, чуть поодаль темнела срубовая баня, а проломленные в нескольких местах ограждения выдавали границы бывших загонов для скота. Ферма вроде бы как ферма — таких десятки и в самой Зоне, и вокруг Периметра, — да была у нее одна особенность. Любая живность, которая имела неосторожность тут обосноваться, хирела и погибала в течение двух-трех дней от странной болезни: тело покрывалось язвами, шерсть выпадала клочками, поднималась температура, начиналась лихорадка, и в конце концов тварь божью выворачивало чуть ли не наизнанку. Великое множество окрестных псов, кошек, сусликов и птиц сдохло в страшной агонии. И не было феномену разумного объяснения. Радиационный фон мерили — обычный для здешних мест. Аномалий никто не замечал. Химический анализ почвы и воздуха не выдавал серьезных отклонений от нормы. Будто проклял кто место, и каждая животинка, решившая устроить здесь нору или гнездо, платила жизнью. Мерли все, кроме людей. На человека энергетика не оказывала столь губительного влияния, как на животных, — разве что башка начинала трещать после часа-другого пребывания на ферме-пустоши. Но настолько сильная и тяжелая пульсировала вокруг заброшенного дома аура, что немногие рисковали задерживаться в его мертвых покоях. Никто не пил воду из колодца, не брал инструментов из сараев, не таскал утварь из кухни и бани. Говаривали, что еще во время трагедии 86-го года хозяин запаниковал, услышав о взрыве реактора, и положил из ружья всю семью. А затем ушел помогать спасателям и канул в энергоблоке. Мистика и домыслы, понятное дело, но сталкеры в большинстве своем народ суеверный, поэтому с опаской относятся к легендам Чернобыля.

Через ферму-пустошь решили идти только мы с Дроем, Зеленым и Гостом да Лёвка, который после состоявшегося в трубе разговора держался возле меня как приклеенный. Остальные отделились и взяли западнее, в надежде отсидеться под железнодорожным мостом и подтянуться к Кордону, когда военные утихомирятся.

— Стрёмно, — признался Зеленый, когда мы миновали колодец с опущенной цепью и поравнялись с домом. — Всегда стороной это место обходил. — Он поежился. — Словно смотрит кто-то из окон. С укоризной.

— Круто ты надышался, — не оборачиваясь, обронил Дрой. — Еще откуда на тебя смотрят?

— Не ерничай. Прояви сострадание и перестань мотылять из стороны в сторону — и так тошнит.

Некоторое время мы шли молча. Вдруг Гост остановился как вкопанный, и остальные тут же застыли. Я сглотнул, внимательно вгляделся в просвет между двумя сараями, возле которых замер сталкер, но угрозы не заметил.

— Чего вылупились? — усмехнулся Гост. — У меня здесь схрон. Или вы собираетесь через Периметр лезть в портках да без инструментов?

— В следующий раз так не делай, — буркнул Дрой, расслабляясь. — А то застыл, будто столбняк прошиб.

— Занятное местечко ты выбрал, чтоб нычку соорудить, — одобрительно кивнул я. — Что ж, води к не сметным богатствам, раз уж признался. У меня как раз есть тема для разговора — скоротаем время, пока переодеваться будем.

Гост обошел дальний сарай и позвал нас.

— Аккуратней, родной, не заляпайся, — предупредил он, когда я с удивлением воззрился на разорванное в клочья тело, валяющееся в дверях. — Вот что бывает, когда лезешь за чужим хабаром.

— Немолодой вроде, а растяжку не заметил, — констатировал подошедший Лёвка. — Эк его размазало.

— Лоха видно по помету. — Дрой шмыгнул носом, шумно высморкался в грязь и пошел в сторону, чтобы помочиться. — Под ноги смотреть надо.

— Всё глумитесь, — вздохнул Зеленый, нагибаясь и осторожно переворачивая жетон на остатках шеи. — Берталёт какой-то... Ну и прозвище.

— Опа-па, да тут еще один, — сообщил Дрой, склоняясь над следующим трупом. — По жетону, некий Торгелс. Ох ты ж, ё-моё...

— Что там? — насторожился Гост. — Ты капкан медвежий ставил?

— Было дело.

— Кажется, балбес споткнулся и умудрился пипиской в него угодить. Кровью истек. — Дрой закончил отливать, застегнул ширинку и торжественно провозгласил:

— Торгелс, отныне нарекаю тебя Безумным Кастратом!

— Фу, как вульгарно, — сказал Зеленый.

— Поделом окуркам лужа, — равнодушно хмыкнул я, принимая из рук Госта гермопакет со снарягой.

— Ты о чем-то побеседовать хотел, — напомнил он.

Я обвел взглядом сталкеров, стараясь понять, правильное ли принял решение. В конце концов, кого еще можно вписать с собой в рейд к логову угольников, как не этих сорвиголов? Будь моя воля, вообще бы никого в долю не брал, но Лёвка обмолвился, что вдвоем не пройдем. Видно, выбора у меня нет. А раз уж придется делиться, так пусть это будут проверенные люди, с которыми не раз вместе пули зубами ловили да из одной консервной банки жрали.

— Есть возможность нехило заработать, — сказал я наконец.

— Узнаю тон, который сулит неприятности, — проворчал Дрой, стягивая с себя грязный тельник. — В последний раз с подачи Минора, если не ошибаюсь, мне «чистонебовцы» вшили в череп жучок и отправили развлекаться на западный Янтарь.

— Еще раз перебьешь, пойдешь гулять, — холодно отреагировал я.

Дрой в ответ наигранно оскалился и сложил опаленные брови домиком. Его чумазая рожа напомнила мне хэллоуинскую тыкву. Не приведи Демоны Зоны такого где-нибудь на Болоте в сумеречное время суток повстречать — дураком останешься.

Я дождался, пока сивый балбес перестанет кривляться, и стал делиться информацией.

— Весь сыр-бор в баре случился из-за того, что военным потребовалось тело, которое Фоллен хотел скрыть в подвале.

— Факт уже всем понятен. Что за дело-то? — поторопил Гост.

— Если вкратце, Фоллен вытащил из брюха подопытного штуковину, которая, по его словам, создает небольшое аномальное поле, дающее этим тварям энергию для жизни вне Зоны.

Дрой присвистнул. А Лёвка вдруг поправил:

— Они не твари. Точнее... не совсем твари.

— Новый артефакт? — уточнил Зеленый, не обратив на его ремарку внимания.

— Скорее всего. Что бы эта штукovina собой ни представляла — она уникальна. И если мы первыми доберемся до логова угольников, наберем таких и сдадим на реализацию Фоллену, то сможем взять банк.

— Угольников? — сразу уцепился за новое слово Гост.

Я искоса глянул на Лёвку. Тот осматривал болторез, выуженный из ящичка с инструментами, делая вид, будто разговор его не касается. А ведь только что встревал. Всё-таки странный тип, нужно с ним ухо остро держать.

— Дело в том, — тщательно подбирая слова, начал я, — что наш бывший отмычка кое-что знает об этих существах и пока не спешит делиться. Но! — Я поднял палец, предупреждая реплику Дроя. — Он готов довести нас до места.

— С чего бы вдруг такая щедрость? — подозрительно прищурился Гост.

— Взамен я ему обещал... — Лёвка с силой сжал мне руку, заставив умолкнуть, и отрицательно покачал головой. Я выдернул локоть и пожал плечами. — В общем, это наши личные договоренности.

Со стороны колодца донесся лязг цепи. Мы встрепенулись, а Дрой мгновенно вскинул «Потрошитель» и выглянул из-за угла. Но тут же просигналил условным знаком: отбой тревоги.

Раздалось хлопанье крыльев, и над фермой-пустошью стал набирать высоту матерый черный ворон. Видно, почувствовал пернатый гиблое место и решил не рисковать.

— Даже если все так, как ты говоришь, Минор, — сказал Зеленый после паузы. — Военные вот-вот всю Зону на уши поднимут. Ты ж понимаешь, что для них такой расклад — полный крах устоявшейся системы. Вооружившись цацками, мутанты попрут за Периметр и примутся близлежащие города громить. А это уже не мелочи вроде точечной утечки артефактов или коррупционной пирамиды, это расширение Зоны. Всю лавочку либо прикроют, либо с землей сровняют.

— Именно поэтому у нас времени катастрофически мало, — согласился я, вщелкивая в магазин патроны. — Либо пробуем добраться до гнезда и сорвать куш, либо мирно отходим в сторонку и ждем, пока его сорвут другие, а на Зону полетят крылатые ракеты.

— Ты действительно ему доверяешь? — Гост кивнул в сторону Лёвки, набирающего в рюкзак консервы. — Или бесишься оттого, что баба ушла?

Я хотел было вскинуться и парировать колкость, но осекся. А и впрямь, Минор, почему ты так легко поверил сталкеру, о котором толком ничего не знаешь, и готов переться за ним черт-те куда без минимальных гарантий? Мозги эмоциями затопило?

Пришлось вновь прислушаться к внутренним ощущениям. Холодно. Безразлично. Ушла дура Лата и ушла. Плевать вроде бы.

Стало быть, не эмоции движут мной, а нечто иное. Кажется, это предчувствие удачи, которое давненько не прихватывало так остро. С другой стороны, не оставляет тревожное чувство: оно, как червоточина в брюхе, тихонько сочится кислотой, подъедая здоровые ткани. Птичка-интуиция, а, птичка-интуиция, что скажешь?

Притаилась и тихонько воркует себе под клюв. Вот же зараза несговорчивая!

— У меня нет оснований не доверять Лёвке, — наконец произнес я. — Тайну информации никто не отменял — он может держать в секрете то, что посчитает нужным. Поделится — хорошо, нет — его право. К тому же Дрой не даст соврать: Лёвка хороший следопыт и, возможно, сумеет нас вывести к... Где логово угольников?

Неожиданный вопрос произвел нужный эффект. Лёвка открыл рот и ответил прежде, чем успел подумать:

— Заброшенная шахта возле «Юпитера».

— Западная окраина Припяти? — удивился Гост. — Но как туда попасть? Это ж самый центр Зоны. Если «Долг» со «Свободой» не прибьют, так мозги пси-излучением выжжет.

— Поднимемся по реке. Я знаю путь.

Мы как по команде заткнулись и уставились на Лёвку, словно на сумасшедшего. Зона не парк развлечений, а водные пространства здесь вдвое опаснее суши: фауна заводов и рек мало изучена, радиационный фон высокий, транспорта для передвижения нет. Южнее стоят несколько плотин и очистных станций, перекрывающих доступ зараженной воды к жилым районам, но все, что находится севернее фильтрационных сооружений, — убийственно.

И Лёвка обо всем этом прекрасно знает. На заправского шутника он не похож. Тогда что? Блеф, глупость или позерство?

— По какой же такой реке? — вкрадчивым тоном поинтересовался Дрой, когда пауза стала затягиваться. — По Скайке?

— Нет, по Припяти, — сказал Лёвка. — Я уже ходил вверх по течению.

Дрой аж крикнул. А я с сарказмом уточнил:

— На плотике с палаточкой, как Гек Финн?

Лёвка улыбнулся, дав понять, что шутка засчитана. Ответил серьезно:

— Я ходил пешком вдоль берега. Но теперь так нельзя: слишком долго получится. Чтобы попасть к месту вперед военных, надо как можно скорее добраться до юго-восточной оконечности Темной Долины, к Тихой Гавани. Там есть плавсредство, на котором...

— Атомная субмарина? — не утерпел Дрой, с вызовом глянув на бывшего желторотика.

Гост положил руку на плечо веснушчатому сталкеру, предупреждая дальнейшие злорадства. Спросил у Лёвки:

— Ты действительно бывал в Тихой Гавани?

— Да.

— Я тоже бывал.

Лёвка наконец оторвал глаза от своего рюкзака. Внимательно посмотрел на Госта, и я обратил внимание, как в глубине его глаз зажегся интерес.

— Это место не пользуется популярностью у сталкеров, — негромко произнес Лёвка. — Артефактов там практически нет. Легенды всякие нехорошие ходят.

— Я много лет в Зоне, родной. Любопытство заводило меня в разные уголки этого мира. А вот чего ты там делал?

— Оттачивал навыки следопыта.

Сталкеры еще некоторое время поиграли в гляделки, но продолжать пикировку не стали. Однако даже тупому зомбаку было ясно, что и у того, и у другого остались недосказанные слова. Кажется, все вокруг знают больше меня. Это начинает угнетать.

— Ну вот что, — сказал я, подводя черту. — Давайте решать, потому что времени у нас и впрямь мало. Что касается тебя, Лёвка. Наше соглашение в силе, но имей в виду: если мне хотя бы на миг покажется странным твое поведение и я заподозрю, что ты собираешься кинуть или предать старика Минора — пристрелю без колебаний.

Лёвка пожал плечами и вернулся к укладке рюкзака.

— А вы решайте сейчас, — предложил я остальным. — Идем вместе за хабаром или разбегаемся, и вы быстренько забываете обо всем, что услышали?

— Не смогу я забыть, — с показушным сожалением вздохнул Дрой. — Вот знаешь, Минор, как-то въелась уже мне инфа в мозги, прочно засела. Я, конечно, буду из всех сил стараться, но, боюсь, не забыть мне, где клад зарыт.

— Тихая Гавань, — грустно обронил Зеленый. — Знаете, что это значит у моряков? Вечный покой.

— Как поделим добычу в случае успеха? — Гост, как всегда, был прагматичен.

— Половина того, что выторгую у Фоллена, моя, остальное меж собой кромсайте, как вздумается, — предложил я, стягивая черной изолентой два «рожка». — По-моему, честно.

— Пятьдесят процентов на три плохо делится.

— Я тебе калькулятор с крупными клавишами подарю. Уверен, справишься.

— Не доверяю я электронике, родной. В условиях аномальных полей наврет чего доброго... Давай так: твоя доля сорок процентов, и по двадцать — остальным.

— Между прочим, нам с тобой еще надо военного прокурора в округе умаслить, чтобы он про сбитый вертолет забыл, — вздохнул я.

— Угу, вот я и хочу обеспечить мир да порядок к старости. Так что, договорились?

— Ладно, по рукам.

Пока мы с Гостом препирались и обсуждали условия, у меня в голове крутилась мысль насчет мотивации проводника. Ни во время разговора в трубе, ни теперь Лёвка не заикнулся о своей доле. Ему что, до лампы, получит он в конечном итоге деньги или нет? Меня настораживала такая беспечность. Понятия не имею, какого банана ему приспичило попасть в логово угольников, но любой человек, готовый идти на риск бесплатно, неизменно вызывал у меня подозрение. Мутный, очень мутный персонаж этот Лёвка.

Дрой сунул руку в пенопластовую крошку, которой был забит один из ящичков, и просиял.

— Внимание, фокус, — возвестил он, извлекая поллитровую бутылку с выцветшей до неузнаваемости этикеткой.

— Гост, а ты запасливый. Надеюсь, это то, что я думаю, а не какой-нибудь скипидар?

— То, что думаешь, но за качество я не отвечаю.

— Так или иначе, а радионуклиды после экскурсии по говнопечке надо из организма вывести.

Зеленого передернуло, он немедленно отвел взгляд от прозрачной жидкости. Дрой с характерным хрустом свернул крышку и осторожно понюхал содержимое бутылки. Состроил высокопарную мину и поинтересовался:

— О, что это за сорт?

— «Русская», — усмехнулся Гост, регулируя ремешки противогаза. — Из старых складских запасов. Выдержка — никак не меньше тридцати лет.

Дрой провел дозиметром от дна до горлышка бутылки, глянул на показания и отхлебнул. Глаза его моментально увлажнились, ноздри расширились, рот разъехался в блаженной улыбке.

— Чудесный нектар, — восхитился он. — Особенно хороши душистые нотки сивушных масел. Неповторимое послевкусие.

Зеленого, кажется, чуть не вывернуло от подступившей тошноты. Он жутко побледнел, но сдержался. Попросил Дроя:

— Будь добр, убери эту гадость.

— Питие — есть бытие, — назидательно поднял палец тот. — Кто ещё причаститься желает?

Я сурово глянул на него, отобрал тару, закрыл и бросил обратно в ящик, подняв пенопластовое облачко. Легкий ветерок сдул невесомую крупу в сторону, окропив грязную лужу белой россыпью.

— Радионуклиды повальным пьянством не искореняют, — сказал я. — Чтобы не загнуться, надо пить зеленый чаек, кушать чистенькую свеклу, йодированную соль и глюконат кальция.

— Сборище зануд, — нахмурился Дрой.

— Есть подходящий ствол для меня? — спросил Зеленый у хозяина схрона. — Я ж винтовку обронил, пока карабкался.

— Со стволами проблема, — развел руками Гост. — Я когда эту нычку делал, позаботился об амуниции, жрачке и боеприпасах. Хотя постой-ка... — Он исчез в полумраке сарая, повозился в дальнем углу и, сияя, вернулся к нам: — Вот. Для снайпера — самое то.

Зеленый долго смотрел на протянутый арбалет, не притрагиваясь к оружию, будто оно было заколдовано, потом негромко спросил:

— Ты же шутишь, правда?

— Отнюдь. Шикарная охотничья модель. К ней и «оптика» прилагается.

Мы с Дроем еле сдержали приступ хохота, и даже молчаливый Лёвка хрюкнул в кулак.

— А глушитель к ней не прилагается? — презрительно поджав губы, уточнил Зеленый.

— Зачем, родной? — почти искренне удивился Гост. — Это ж арбалет, он и так негромко пуляет. Называется «Барнетт Предатор».

Дрой всё-таки заржал, прикрыв рот, чтобы не палиться на всю округу. Мы с Лёвкой тоже от души похихикали, но особо затягивать веселье не стали — не то место, не то время, не то, в конце концов, настроение.

Зеленый наконец взял арбалет за приклад и принялся осматривать его со всех сторон. Сначала недоверчиво и пренебрежительно, но уже спустя минуту его взгляд изменился, наполнился интересом к новому предмету. Он примерил болт, потрогал композитные плечи, провел пальцем по толстой тетиве. Не заряжая, приложил оружие к плечу и медленно навел его на меня.

И вот после этого глум у меня улетучился, будто не было. Даже без вложенной стрелы направляющая ложбинка выглядела угрожающе: «взгляд» ее гипнотизировал не хуже слепого зрачка автоматного дула.

Я отвел арбалет от себя, машинально передернув плечами.

Оставшись довольным произведенным эффектом, Зеленый бережно погладил ладонью цевье и побряцал ключами для сборки.

— Пристрелять надо, — вынес он вердикт. — А так ничего, удобный — авось и сгодится на первое время, пока ружьишком не обзаведусь. В умелых руках и ложка опасна.

— Пользуй, — сказал Гост, уже без ернической искорки в глазах. — Сильно обжегся?

— Лодыжки зудят, — признался Зеленый. — А что?

— Вот, держи. «Светляк» приложишь для регенерации и «выверт», чтобы радиацию компенсировать. С возвратом.

— Спасибо. Верну.

Дрой оживился, глядя на негрошковые артефакты:

— Еще полезные цапки есть?

— Нет.

— Все ништяки зануде отдал: и лук, и побрякушки, — обиженно заявил Дрой. — В следующий раз не стану тебя из мусоросжигателя вытаскивать.

— Не сердчай, родной. Правда нет больше. — Гост поднялся с топчана и вжикнул молнией на комбесе. — Все обулись-оделись?

Мы по очереди кивнули, поправляя ремни и покрепче затягивая шнурки на берцах.

— До Кордона пойду первым. На тропе возьмусь мины выискивать. Минор, ты замыкай. Будешь рихтовать следы. Не возражаешь?

— Другой бы на моем месте отказался... А чего это ты в авангард рвешься?

— Просто предложил. — Гост обернулся и пристально посмотрел на меня. — Впрочем, можно разыграть.

— Что ты, что ты. Ищи свои мины на здоровье.

— Тронулись.

Пропустив Госта с «Потрошителем» наготове вперед, мы потопали за ним гуськом, стараясь по вбитой в подкорку привычке ступать след в след.

Уже через минуту сарай, колодец и дом со щербатым крыльцом остались позади. Мы вышли на окраину пустошь-фермы. Потянулись длинные изгороди, за которыми стлался полупрозрачный туман приграничья. В сизых низинах чудилось легкое движение, словно неторопливо ворочались там бесформенные твари, не имеющие толком ни плоти, ни души. Но на самом деле это лишь легкий ветерок перемешивал невесомую мглу.

Я шел замыкающим, машинально поглядывая через плечо.

Туман, как гигантское живое существо, обволакивал нас, пропускал сквозь себя и осторожно смыкался за моей спиной.

Тихо. Будто и не проходит армейская зачистка в паре километров отсюда, будто бар «№92» сейчас не разбирают по кирпичикам, а его хозяина не трясут, как куклу.

Поди нашли уже уникальную штуковину, которую Фоллен успел вытащить из брюха угольника. Хотя кто его знает: мог ведь и припрятать быстренько — мало, что ли, темных уголков в подвале?...

Прохладный, почти осязаемый туман подступал к нам вплотную. Касался своими щупальцами открытых участков кожи на запястьях, висках, губах, шее и тихонько отнимал тепло. Туман остужал излишне горячие сердца.

У меня всегда возникали именно такие ассоциации при подходе к Внутреннему Периметру. Нейтральное приграничье будто готовило путника к по-осеннему мертвому дыханию самой Зоны. Якобы еле слышно шептало ему на ушко: ты здесь гость.

Ничего не осталось вокруг от апрельского пейзажа, который ярким росчерком пронесся мимо меня в городе. Облака скрывали солнце, рассеивали свет. В воздухе стоял запах жухлой листвы. Но не тот волнующий аромат, который заставляет трепетать сердца молоденьких студенток в предвкушении загадочного незнакомца в мареве осени, а болезненный, почти безвкусный дух сырости и уныния. Здесь пахло приостановленной жизнью.

Я перехватил автомат, чтобы не целить стволом в спину бредущему впереди Дрою.

Из головы не шли мысли о Лёвке. Занятный всё-таки малый. Сколько он в Зоне? Год, от силы полтора. И уже успел побывать в Тихой Гавани, куда не каждый матерый сталкер нос сунет, подняться по берегу реки до Припяти, разнюхать про угольников, о которых пока

вообще мало кто знает... Не посланный ли он казачок, решивший заманить нас в ловушку? Я улыбнулся своим подозрениям. Ерунда. Кому сдались четверо голодранцев без хабара? Ну нашкодили мы с Гостом, конечно, с этой «вертушкой» на Болоте полгода назад, но даже если бы окружная прокуратура решила-таки закрыть это дело и наказать виновных, то нас гораздо проще было бы взять тепленькими где-нибудь в баре, после попойки, а не разыгрывать столь мудреную многоходовую комбинацию. К тому же солдафонам и без нас теперь дел хватает. Да и сам Лёвка прекрасно сознает, что меня не так-то просто провести: всё-таки хочется верить, что старина Минор еще не совсем дурак. Но некоторые моменты не вяжутся друг с другом, и общая картина никак не складывается. С какого праздника он сам предложил показать путь к месторождению уникальных артефактов? К чему это странное условие, даже требование взаимопомощи? Как можно за год с небольшим изучить Зону на уровне следопыта-профи?

А может быть, наш проводник вовсе не год здесь обретається, а гораздо дольше?

Неожиданная мысль заставила меня на секунду замедлить шаг и отстать. Догнав Дроя, я тронул его за плечо. Он остановился, обернулся. Остальные сталкеры тоже насторожились.

Я махнул рукой: мол, не тормозите, догоним. Тихонько спросил Дроя:

— Ты как с Лёвкой познакомился?

— Ну-у... — Он наморщил лоб, припоминая. — Как обычно вроде бы. Он подкатил вечерком, угостил стаканчиком, рассказал, что умеет, и попросился в отряд. Я взял на правах отмычки.

— Давно?

— С год назад, кажется.

— А что-нибудь о его прошлом известно?

— Вроде из армейки он свинтил из-за дедовщины, — пожал Дрой плечами. — Сам знаешь, не все любят распространяться о минувшем. Ну а этот же — вообще полунемой какой-то.

— Доверяешь ему?

— Я никому не доверяю, даже тебе, Минор. Уж извини.

— Правильно делаешь, — усмехнулся я. — Мне тоже, знаешь ли...

Мою реплику прервал звук, похожий на хлесткий удар по боксерскому мешку. Мы с Дроем вскинули оружие, готовые немедленно открыть огонь, но делать этого не пришлось: оказывается, хлопнула спущенная тетива арбалета, который Зеленый продолжал держать у плеча.

Я посмотрел вдоль его прицельного вектора, и взгляд мой уперся в прищипленного к комлю дерева слепого пса. Короткое оперение болта торчало у него аккуратно из рудиментарной глазницы. Тело все еще конвульсивно подергивалось.

Метров с пятнадцати наш штатный снайпер палил. Внушает.

— Попал, — констатировал Зеленый, упираясь ботинком в скобу и натягивая тетиву.

— Если б их оказалось несколько, а ты один — не успел бы свой стрелоплюв перезарядить, — резонно заметил Дрой.

— Верно. Но ведь в этот раз он оказался один, а нас несколько.

Мы осторожно подошли к убитому мутанту, и я обратил внимание, что уродливые лапы пса наполовину увязли в буром наросте. Издалека казалось, что это часть корня, но вблизи можно было безошибочно определить небольшую, но каверзную аномалию под названием «жадинка», которая скрывала попавшее в нее существо за считанные минуты, а иногда и секунды.

— Мишень-то была неподвижна, — сказал Гост.

— Первый выстрел из малознакомого оружия критике не подлежит, — отрезал Зеленый, с хрустом извлекая болт. — Сам мне выдал этот... лук.

Я поднял с земли палку и сунул ее в студнеобразный бок «жадинки». Аномалия хлюпнула и охотно проглотила сучковатый кончик, отпуская лапы пса. Мертвый мутант перевернулся на спину и съехал по корню вниз.

— Аномалии, — задумчиво проговорил Зеленый, очищая болт от неаппетитных сгустков, — они, как сеть, покрывают всю Зону и окрестности. Кое-где ячейки пошире, кое-где поуже, но в целом распределены равномерно.

— А иногда кто-то забрасывает сеть в море и рыбачит, — неожиданно ответил ему Лёвка. — Улов разный случается.

— Интересная аналогия, — сказал Гост, снова выдвигаясь вперед колонны. — Только поганая. Я теперь себя чувствую глупым карасиком.

— Металлоискатель расчехли и под ноги гляди, карасик, — посоветовал я. — Вон сквозь туман пашня уже виднеется — а в ней, знаешь ли, мины попадаются. Наступишь, и казус случится невероятный.

Глава пятая. Коломин

Возле берлоги Сидоровича мы планировали сделать привал, пополнить запасы и прикупить Зеленому приличный ствол вместо «стрелоплюва», но когда подошли к Кордону, уразумели: планы скорее всего придется корректировать.

Расширяющийся кверху жирно-черный столб был замечен издалека. Чадило знатно, клубами, словно у железнодорожной насыпи горел склад автомобильных покрышек. Едкое марево уже растеклось над всей округой, смешалось с тучами, но в одном из очагов пожар продолжался до сих пор, хотя открытого огня заметно не было. Только черный как смоль дым.

Мы остановились возле заброшенной будки с огрызком шлагбаума, где давным-давно располагался блокпост. Помнится, еще до истории с «бумерангами» я здесь двух резвых снайперов упаковал. Псевдоприматы собирались перекусить одиноким сталкером, бредущим по своим делам, но хрен угадали. Потенциальный рацион оказался ершистым и завалил уродов тяжелыми железяками.

Тогда Внутренний Периметр тянулся севернее, но пару месяцев назад вояки передвинули его на несколько километров вонне, потому как Зона разрослась. Подобная «пульсация» аномальной территории происходила раз в два-три года и уже никого особо не удивляла.

Дрой попросил у Зеленого оптический прицел, присел на ржавый обод тракторного колеса и припал к окуляру, изучая местность.

— Глянь, — сказал он через минуту и протянул мне «оптику». — Не туда, правее. Около тоннеля под мостом — видишь?

Я переместил прибор по указанному вектору и отнял от лица. Поморгал, решив, что зрение меня подводит. Вновь поднес резиновый кругляшок амортизатора к глазу и сдвинул пальцем колесико, подстраивая резкость. Зрелище одновременно пугало и притягивало взгляд. Арка тоннеля, очертания которой были знакомы любому сталкеру, начавшему скитания по Зоне с Кордона, теперь представляла собой бесформенную грудку, в которой бетон перемешался с металлом. Мост рухнул, похоронив под собой дорогу, по которой проезжал официальный транспорт ученых и военная техника. Но коптил вовсе не завал. Дым валил из-за перевернутого «Урала», сплюснутая кабина которого валялась метрах в десяти от кузова. Что случилось с водителем, не составляло труда домыслить.

А возле грузовика стояли угольники. Трое. И когда я понял, что они делают, на меня напала легкая оторопь.

Одно из существ в химзащитном комбезе с откинутым капюшоном держало тело, а двое других сосредоточенно потрошили его. Картина поражала какой-то неестественностью. Почему бы не опустить труп на землю? По спине пробежали мурашки. Такое чувство, будто эта черная бестия не напрягается, держа на вытянутых руках центнер мяса. Сколько же в нем силищи?

Гост хотел взять у меня прицел, но я предупреждающе поднял палец:

— Постой-ка.

Повернув кольцо, я сменил фокусное расстояние, сделав максимальное увеличение. Стараясь не трясти «оптику», медленно навел на жертву. И негромко крикнул от удивления.

— Что там такое? — не вытерпел Зеленый.

— Они... — Я вернул ему прицел. — Они ж своего потрошат.

— Кто кого потрошит? — спросил Гост.

— Угольники. Собрата буквально на части рвут.

После этих слов я закашлялся и исподлобья проследил за реакцией Лёвки. И реакция эта, прямо скажем, мне очень не понравилась. Парень занервничал. Брови дрогнули, взгляд метнулся из стороны в сторону. «Картина дыхания» резко поменялась: между вдохами проскользнула пауза, появился характерный носовой присвист. И несмотря на то, что он моментально взял себя в руки и попытался скрыть беспокойство, я все четко зафиксировал и сделал еще одну зарубку в памяти.

Лёвка по типу характера флегматик, причем — почти без примесей. Потому наблюдать у него подобные признаки сильного волнения было вдвойне непривычно. Наш загадочный проводник реально испугался, когда услышал, как угольники вскрывают себе подобного.

— Испугался, — негромко сказал я, но реплику услышали все.

Лёвка не растерялся. Он прилепил на губы сладкую улыбку и согласился:

— Конечно. Нам ведь в логово к этим каннибалам идти.

— Они не каннибалы. — Моя ответная улыбка получилась и вовсе медовой. — Спорим, эти черти сейчас сожгут тело? Ведь именно их мутагенная trebuxa так коптит, правда?

Сталкеры переводили взгляд с меня на парня и обратно, пытаюсь понять подтекст нашего разговора.

— Может, и сожгут, — пожал плечами Лёвка. — Мне почем знать.

— Все ты знаешь, не юли. Они ведь не просто от скуки его потрошили, а? Они искали проглоченную штуковину, как у того, в баре. Ведь фолленовский специалист по экстремальной хирургии у черного касатика артефакт достал как раз из брюха. Зачем они глотают цапки перед смертью?

Лёвка долго глядел прямо на меня, прежде чем ответить. В его больших темных глазах отражались фиолетовые просветы в тучах, заволокнувших небо. Мне даже на миг показалось, будто в этом зеркальном мире не хватает линии горизонта, но потом я обнаружил: смотрю не под тем углом.

— Я имею право не отвечать на этот вопрос.

— Права тебе перед арестом зачитают. Если прежде не пристрелят.

— Нам придется расторгнуть сделку.

Я молниеносно взвесил все «за» и «против». Шкодник упрям и изворотлив, на давление не реагирует, блеф чувствует твой катала в треньке. Что ж, бросим вкусную косточку для затравки: пусть какое-то время наслаждается превосходством победителя и теряет бдительность.

— Ладно, забей, — подмигнул я. — Глодают, и фиг с ними. Главное, чтоб не подавились, как тот вскрытый неудачник.

Лёвка кивнул и нагнулся, чтобы подтянуть язычок в ботинке. Хрястнуло. В стене позади него образовалась воронка, сама пуля увязла в бетоне.

— Снайпер! — крикнул Зеленый, падая и откатываясь в сторону.

Я распластался на щебенке и быстро пополз к обочине, волоча за ремень автомат. Судя по тому, что пуля не срикошетила, она вошла в западную стенку будки почти перпендикулярно. Значит, стреляли со стороны заброшенной автомобильной эстакады, которая торчала посреди разворотной площадки слева от трассы. Стало быть, уходить надо на восток.

Ага. Прямиком в парящие облачка «кислотного тумана». Отлично.

Вторая пуля угодила в шлагбаум, разнеся оставшуюся его часть в щепу и не причинив вреда ползущему последним Дрою. Веснушчатый сталкер резко поднажал и быстренько скатился по склону в канавку. Благодаря тому, что снайпер, по счастливой случайности, не

снес первым выстрелом Лёвке башку, а вторым — Дрою задницу, мы в полном составе успели укрыться за бруствером. Но радоваться было рано: дорожная насыпь защищала лишь с одной стороны. Фактически наша группа оказалась заперта между приподнятым над равниной шоссе и выжженным кислотной аномалией полем.

Простенькие костюмы могли выдержать минутную пробежку по едкой дряни, а могли не выдержать. Пятьдесят на пятьдесят.

Был еще один вариант: двинуться на север вдоль трассы и выйти точно к заваленному тоннелю, где орудовала троица угольников. Подчеркиваю слово «был». Ибо практически сразу после снайперских плюх в небе раздался характерный свист, и возле рухнувшего моста прогремел взрыв. Затем еще один. С перевернутого грузовика сорвало заднюю ось, и машина окончательно потеряла товарный вид.

— Ого! — воскликнул Дрой. — Минометами район утюжат!

— Значит, через четверть часа пустят тяжелую технику и пехоту, — резонно заметил Зеленый. — И пойдет вся эта ватага вот здесь, аккуратно по шоссе. Грустно.

Гост не стал присоединяться к комментариям — и без лишних реплик все было очевидно. Вместо этого он вывел на экран ПДА карту местности и снял с пояса мешочек с болтами. Я невольно обратил внимание, что на ткани красовался логотип элитного производителя мужских шмоток, и не удержался от подначки:

— Пижон. Болты у тебя тоже от кутюр?

— Шляпки инкрустированы стразами, а резьба именная, — сердито откликнулся он. — Из подкладки старого английского костюма скроил мешок. Что, нельзя?

Я театрально поднял руки и выкатил глаза: мол, ты босс, хуго босс, только не бей. В вышине противно запели еще с полдюжины снарядов. Они пролетели по навесной траектории и цепочкой накрыли целый массив. Кажется, несколько хибар из покинутого лагеря сталкеров-новичков превратились в смесь щебня и щепок. Неужели военные думают таким образом остановить угольников? Ну-ну, наивные. Они не видели, как те по пересеченной местности бегают. Черная троица, поди, уже в тыл артиллеристам сейчас заходит.

Но, как говорится, смех смехом, а башка кверху мехом. Нам-то деваться особо некуда, придется скакать через аномальное поле, рискуя быть прожженными до костей. На Кордон теперь никак нельзя — туда вот-вот полгарнизона сбегится со всеми вытекающими последствиями.

Гост бросил болт в сторону ближайшей кочки и хотел выдвинуться в авангард, но Лёвка его мягко взял за плечо. — Дальше — я.

— Не мал еще вперед батьки лезть?

— В самый раз. Если пойдем к Тихой Гавани по моей тропе, сократим путь.

— А если по моей — возможно, останемся в живых.

— А если кого-то волнует мое мнение, — в тон высказался Дрой, — то я за второй вариант. Малой хороший следопыт, но Гост опытной.

Над нами просвистел еще один снаряд. Вдалеке раскатисто гроыхнуло.

— Давайте голосовать, — быстро предложил Зеленый. — Я тоже за то, чтобы идти по тропе Госта. Мы выиграли.

— То есть мой вариант никого не интересует? — нахмурился я.

— У тебя есть вариант? — удивился Зеленый. — Нет. Но хочу чувствовать себя частью коллектива.

— Давай ты потом займешься чувствованием, — отрезал Дрой. — А то попадет мина в башку, и начнешь чувствовать себя по частям. В серьезном отрыве от коллектива и собственных кишок.

— Ты мерзкий. Ладно, Гост, веди.

Гост потеснил Лёвку, пригнулся и пошел по полю, поглядывая на ПДА.

— Я действительно могу показать короткий путь по окраине Темной Долины, — сказал ему в спину Лёвка.

— Сначала через «кислотный туман» пройдем, а там уж разберемся, — не оборачиваясь, ответил Гост. — Успеешь еще проявить свои недюжинные навыки картографа, если не заливаешь, конечно.

Мы надели маски, проверили уплотнители, подняли воротники и осторожно пошли следом за Гостом.

Топать в хвосте надоело, поэтому я подрядил на это дело Дроя. А он в спешке особо долго и не сопротивлялся — так, поворчал маленько.

Я прекрасно понимаю: если поблизости разорвется снаряд, то накроет всех без разбора. Слепому псу ясно: порядок передвижения в цепочке не играет решительно никакой роли в распределении количества осколков на квадратный метр моего бесценного тела. И всё-таки в плане психологического комфорта ощущать за спиной не пустоту, а надежного человека как-то спокойней. Фикция, ну и на том спасибо.

Когда мы углубились в поросшее старым бурьяном поле и отошли от трассы метров на сто, Гост споткнулся и едва не соскользнул в яму, оставшуюся от давнего разрыва снаряда. Котлован был неглубоким и не представлял бы опасности, если б не плотное облако «кислотного тумана», затопившее его наполовину.

Лёвка поддержал сталкера, не дав съехать в едкую взвесь, и Гост поблагодарил его сдержанным кивком.

Перед нами раскинулся курящийся кислотными испарениями массив. В гуще аномалий было видно, как истлела и скукожилась трава, попавшая в зону действия этой дряни. Между проржавевшими ребрами упавшей опоры ЛЭП торчал голый ствол молодого деревца, которому так и не суждено было окрепнуть — кора слетела, тонкие веточки превратились в тлен, сердцевина омертвела и потемнела. Зона не привечала слабость и наказывала строго.

В кислотных облачках имелись просветы, но в поисках безопасного прохода петлять по ним можно было бесконечно: ведь этот лабиринт постоянно менял очертания. Оставалось надеяться на то, что мы сумеем найти более-менее разреженные места в мутной массе и ткань комбезов выдержит.

Главное, попутно не вляпаться в какую-нибудь вторичную аномалию. Увы, такое уже случалось. Сам видел, как сталкеры — опытные ходоки, не первогодки — миновали скопления «кислотного тумана» практически без повреждений, а под занавес, когда, казалось бы, все напасти оставались позади, угождали в притаившуюся меж сгустками «электру» или в «трамплин». Пиф-паф, дыщ-дыщ — и фарш.

Детекторы в таком месиве зашкаливали и становились бесполезным набором микросхем, поэтому полагаться нужно было на опыт, интуицию и всем известные механические средства системы «болт обыкновенный». Увы, ничего надежней для обнаружения аномалий пока не изобрели.

Гост запустил железку по пологой дуге, дождался, пока она благополучно пролетит сквозь марево и стукнется о землю, после чего резво побежал вперед. Мы рванули следом. Всё. Теперь думаем четко, действуем быстро.

Кислотные испарения сглотнули нас, как приманку. Серо-зеленая муть ударила в лицо, заставив невольно зажмуриться на миг, несмотря на то, что стекло надежно защищало глаза. Голые участки скул и шеи неприятно обожгло. Я прижал подбородок к груди, внимательно глядя под ноги, чтобы не запнуться о кочку в самый неподходящий момент.

— Ой, твою ж душу! — зашипел Зеленый через фильтры маски. Он сбился на шаг и рывком подтянул портупею. — У меня, кажись, комбез в паху сифонит.

— Втяни яйца, — посоветовал Дрой из арьергарда.

— Некуда, панцирь в баре забыл. Мне становится некомфортно...

— Потом расскажешь, плоть тебя дерит! Шевели веслами!

Зеленый ускорился, и мы вновь припустили трусцой по равнине. Гост периодически снижал темп, вглядываясь в коварную муть, швырял очередной болт и лишь после этого продолжал движение.

Минометный обстрел прекратился: скорее всего военные пустили пехоту и технику.

По левую руку, за редколесьем, угадывались очертания насыпи, впереди виднелся горб холма, который железнодорожное полотно огибало с северной стороны. Обычно по этому пути ходили бродяги в рейды к Темной Долине, но в последнее время бандиты вконец озверели: выдавили форпосты «Свободы» глубже в лес, окопались возле старого элеватора и нагло отстреливали проходящих путников, если те не желали платить.

Через несколько минут блуждания в мерзком мареве Зеленый принялся скакать, словно сайгак, не в состоянии терпеть боль. Его комбинезон пропускал то ли в молнии, то ли по шву и, видимо, доставлял долговязому зануде серьезные неудобства. Сначала он крепился и только шумно пыхтел, но затем тормоза слетели. Зеленый возвестил на всю округу, что проклянет наши семьи до какого-то там колена, если агрессивная внешняя среда разест его мини-сталкер. Затем он стал выкрикивать неприличные лозунги о враждебных химических процессах. Особенно поэтично звучали непечатные эпитеты к терминам вроде «коагуляция аэрозолей».

О звуковой маскировке можно было смело забыть: вопли проплавленного в паху Зеленого, наверное, до Киева долетели. Его лопатки ходуном ходили под курткой, а заброшенный за спину арбалет мотался прямо перед моей рожей, и пару раз я едва успел увернуться от пролетевшего по дуге приклада.

Как только мы выскочили из «кислотного тумана» на заросшую травой тропинку и Зеленый перестал голосить, я моментально осознал, насколько прекрасна тишина. Знаете, братцы, я много громкой фигни на своем веку слышивал — и взрывы разные, и вой турбин, и хрип издыхающего пси-дога, и оглушительный треск молнии, бьющей в соседний столб, — но сей короткий концерт оставил сильные впечатления.

— Мощно ты задвинул, — выразил общее мнение Дрой, помогая Зеленому достать из аптечки герметик и обработать комбез. — Интересно, все мутанты Зоны уже готовятся отужинать нами или до подземелий песнь скорби все же не долетела?

— Если хочешь понять остроту ощущений, сунь...

— Стоп, дальше я сам додумаю.

— Додумай.

Мы остановились перевести дух возле разбитой подстанции, внутренности которой давным-давно выгорели, о чем свидетельствовал треугольник копоти над входом. На стене красовалась выцарапанная острым предметом фраза: «Приходи без судьбы».

Концептуально. Надо будет на досуге тоже чего-нибудь этакое накалякать для потомков. Я стянул шлем и почесал лысину через плотную ткань капюшона. Да уж, в этом смысле бабушка надвое сказала. Если угольники продолжают свои опустошительные походы во внешний мир, власти разбомбят тут все к чертям собачьим, и потомки останутся без пищи для ума. Так что я, пожалуй, поберегу силы и повременю с наскальной живописью.

Вдалеке послышался рокот мотора, напомнив нам, что на юге вовсе не спокойно и военные могут начать прочесывать местность с минуты на минуту.

— Какой тропой ты предлагаешь идти в Гавань? — спросил Гост Лёвку. — Через крайний могильник?

— Нет, — покачал тот головой. — Слишком длинный крюк.

— Но пробираться мимо элеватора — самоубийство. Там нынче целый рассадник бандюганов. Днем все полотно простреливается, а ночью либо на мину наступишь, либо мутант в кусты утащит. — Гост машинально потрогал шрам на шее, который ему оставила на память болотная тварь. — Не пойдет.

— Есть третья тропа.

— Ты же не собираешься вести нас по улице Миражей?

Лёвка не ответил. Лишь пожал плечами и поежился от налетевшего ветерка.

— Если это то, о чем я подумал, мне проще сотню бандюганов забороть, — нахмурился Дрой.

— Малой, а в своем ли ты уме? — осторожно поинтересовался я. — Без разбору легендам верить — себя не уважать, но статистика наука точная. Насколько мне известно, еще никому не удавалось пройти по улице Миражей от начала до конца и остаться в живых.

— У тебя ошибочные сведения. — Лёвка посмотрел мне в глаза. — Мне удалось.

— Доказательств в данном случае требовать глупо, — усмехнулся Гост. — Поэтому я просто не поверю в этот бред.

Шум двигателей стал отчетливей. Какая-то машина приближалась к нам со стороны Кордона.

— У меня есть доказательство. — Лёвка повернулся и, ловко засучив рукав, продемонстрировал Госту правую руку.

— И? — не понял тот, уставившись на гладкую кожу.

— Следи внимательно за суставом, — сказал наш проводник и стал потихоньку сгибать руку в локте. Мы смотрели как заговоренные. Умом я понимал, что парень городит чушь и тянет время вместо того, чтобы скорее двинуться по просеке и добраться до окраины Темной Долины через пустыри крайнего могильника, но что-то на уровне инстинктов заставляло не отводить взгляда от его тела в ожидании чуда.

Чуда не произошло, но то, что я увидал, заставило на секунду оцепенеть. Знаете, бывает так, когда все вроде бы знакомо — очертания, движения, — а при этом легкая нестыковка в анатомических линиях пугает похуже открытого перелома.

Локоть Лёвки немного сместился, и рука согнулась под необычным углом. Неправильно. Он побледнел, засипел от боли и рывком вернул конечность в исходное положение.

— Ёпт, — обронил Дрой.

Зеленый автоматически отступил на шаг и навел на Лёвку арбалет. Я прислушался к птичке-интуиции, которая, казалось, тоже пришла в замешательство и не решилась выразить мнение. А вот Гост, умничка, не поддался эмоциям.

— Выбит сустав, бывает, — сдержанно отметил он. — В чем фишка?

— Я сам его вывернул, под воздействием суицидальной аномалии. Можешь верить, можешь нет, но я прошел через улицу Миражей и остался жив. Только руку повредил.

Гул двигателя теперь настолько отчетливо разносился над равниной, что я без труда определил движок.

— БМП. Валить надо отсюда.

— Мы готовы поверить ему и рискнуть пойти через улицу? — быстро спросил Гост у всех членов команды. — Или огибаем холм через могильник?

— Сколько времени можно выгадать, если... довериться малому? — уточнил Зеленый.

— Десять, может быть, двенадцать часов, — прикинув в уме, ответил Гост и развел руками: — Но никаких гарантий.

— Полсуток — это немало. — Дрой задумался. — А через элеватор точно не проще? Я понимаю, что меряться пиписками с полусотней вооруженных бандюганов, когда на хвосте вояки, — не лучшая затея. Но ведь можно попробовать им заплатить.

— У тебя есть бабло? — оживился я.

— При себе нет, но...

— Чего тогда воду мутишь, тело. Живо голосуем и выдвигаемся. Я не доверяю Лёвке, но ему бессмысленно врать нам на этом этапе. Устраивать ловушки на улице Миражей — дебильно. А на самоубийцу он не похож. Я готов попробовать выиграть время. За.

— Не считаю риск оправданным, — высказался Зеленый. — Против.

— Я за прогулку по улице Миражей, — неожиданно сказал Дрой и натянул маску, не желая, видимо, аргументировать свой выбор. Все повернулись к Госту.

— Веди, родной, — решил он. — Но если облажаешься, я тебе остальные суставы выверну.

— Все это закончится печально, вот увидите, — проворчал Зеленый.

— Держи яйца бодрячком, — напутствовал Дрой. — Не отдавай их больше на растерзание агрессивной среде.

Лёвка быстро обогнул сгоревшую подстанцию и зашагал по высокой траве, поглядывая на экран ПДА. Мой детектор аномалий пока молчал, но местность здесь лукавая: правильно юный проводник делает, что держит ухо востро. Мы двинулись за ним. Ступая след в след, я

машинально оглядывался по сторонам, оценивая каждую кочку и тень от кустарника взором опытного ходока, а про себя думал: почему он перчатки не снял? Ведь неудобно было засучивать рукав и показывать свой вихлявый чудо-локоть. Ерунда, конечно, и надуманные подозрения, но Зона учит нас подмечать каждую деталь, иначе потеряешь бдительность, и — пиф-паф! — твои мозги уже ненавязчиво украшают окрестности, а хребет висит гирляндой на сучьях.

Изменилась тональность звука, дрожащего где-то за спиной, — водила перевел двигатель на холостой ход. БМП, по всей видимости, остановился возле подстанции, а пехотинцы начали шерстить округу. И у меня тут же мелькнула очередная волнительная мыслишка: уж больно целенаправленно вояки идут, а не слил ли им кто-то из нашей группы маршрут? Я мотнул головой, отгоняя навязчивую паранойю. Скоро с такими темпами роста подозрительности начну на самого себя косо глядеть.

— Не принято торопить ведущего, но неплохо бы поднажать, — сказал Гост. — Военные ищейки, кажется, взяли след. И вырубите наладонники! Палитесь ведь, как дети.

Я погасил ПДА, кивком признав правоту сталкера. Остальные молча последовали моему примеру. Лёвка оставил включенным только маленький автономный детектор и прибавил ходу.

Вскоре идти стало легче: мы миновали вершину холма и теперь топали под горку, петляя между болотистыми рытвинами и торчащими огрызками древесных стволов. Когда-то здесь росла березовая роща, но то ли аномалии так постарались, то ли шедшие в гон мутанты неслабо зацепили этот склон, но от исконно славянских деревьев остались лишь пестрые кочерыжки.

Лёвка сделал знак рукой, но я уже и сам заметил фосфоресцирующий сюрприз. Между двумя пнями чуть в стороне от нашего пути воздух слегка колебался, время от времени в нем вспыхивали голубые искорки.

Я аккуратно приподнял краешек маски. Втянул воздух. Сквозь запах сырости и гнили в ноздри скользнул знакомый аромат озона и приторный душок горелого мяса.

Разлапистая «электра» обосновалась на склоне всерьез и надолго. Давненько я таких раскоряк не видел. Аномалия, судя по едва заметному дрожанию воздуха, разбросала «щупальца» метров на десять. Возле дальней границы валялся обугленный до костей труп кабана. Тупой боров, видимо, не успел остановиться и влетел в убийственное поле на полном скаку — за основательно пропеченной тушей мутанта тянулась взрыхленная полоса.

— Мента с рулеткой не хватает, — подмигнул мне Дрой, указывая в сторону стихийного ДТП. — Тормозной путь бы замерил, и — бах! — штраф покойничку за нарушение скоростного режима.

— Белый господин изволит шутить?

— Жрать уже охота. Вот и пробивает на ремарки.

— На привал даже не рассчитывай.

— А если я себе башку камушком разобью на улице Миражей?

— Сдохнешь голодным. Сам проголосовал за то, чтобы срезать путь.

— Иногда алчность во мне соперничает с чревоугодием.

— Заметь: оба этих греха смертны.

Некоторое время мы шли молча. Наконец Дрой многозначительно хмыкнул, придя про себя к какому-то выводу.

— Ну? — поинтересовался я. — Чего надумал?

Он пожал покатыми плечами и выдал:

— Все мы грешны и смертны.

— Утверждение сомнительной философской ценности, — тут же прокомментировал Зеленый. — К тому же оно банально.

— Зато — правда, — насупился Дрой. — А если не можешь придумать умнее, не фиг других учить. Поохоться вон лучше на дичь из волшебного стрелоплюва...

— Может, завалите уже хлебoreзки свои, — зло шикнул Гост, вставая позади Лёвки и глядя через его плечо. — Что там?

Парень предупреждающе поднял руку. Он долго всматривался в сумеречную мглу уходящего за поворот овражка, прежде чем обронить:

— Показалось.

— По моим прикидкам, до объекта, через который нам предстояло пройти, оставалось еще с полкилометра. У подножия холма мы взобрались на заросший осокой склон распадка, чтобы обогнуть большую лужу, затянутую ряской.

Места здесь были малохоженные и пользовались дурной славой как у вольных бродяг, так и у группировок. Даже отмороженные на всю башню бандиты и ренегаты не совали сюда свои поганые рыльца. Байки про заблудших осужденных вкупе с официальной статистикой суицидов для этого сектора отпугивали почище минных полей или гарнизонных блокпостов.

Мы выбрались из пролески и приблизились к жилому кварталу, который весьма непривычно смотрелся на фоне роц, лугов и прочих творений природы. Казалось, он по какому-то недоразумению вдруг отпочковался от ближайшего ПГТ и приютился на выселках, связанный с цивилизацией асфальтовой кишкой шоссе.

Задом к нам на постаменте красовался загаженный до неузнаваемости Ильич.

Матерый ворон повернул голову, гаркнул, но и не подумал улетать с удобной бронзовой кепки. Вождь мирового пролетариата безмолвно терпел пернатого паразита, гнездившегося на зажатом в руке головном уборе. За памятником светлел замусоренный плац, а по обе стороны возвышались бараки. Хлипкий забор из строительных плит с обрывками «колючки» по верхней кромке да неказистый КПП. Меж треснувшими тротуарами — газончики с контурами давно погибших клумб. Никаких пулеметных вышек, никаких стальных «ежей». Колония-поселение не нуждалась в строгой охране.

Улица Миражей. Не зря, ох не зря к этому объекту приклеилось такое, на первый взгляд, романтическое название.

Уже после аварии 1986-го на Чернобыльской АЭС, когда район стал не то чтобы запретным, но не рекомендуемым для посещения, местные власти решили перенести сюда кое-какие объекты пенитенциарной системы, которые не нуждались в особо строгом контроле: цехковки металла, свиноферму и пару колоний-поселений — благо, осужденных по легким статьям хватало. Здесь располагалась одна из таких зон для женщин, где даже работала небольшая швейная мастерская. Шили себе провинившиеся тетки простынки под присмотром начальницы да дюжины вертухаев и никого не трогали. Но в ночь накануне рокового выброса 2006 года случилась беда.

Одному из вольнонаемных охламонов, дежуривших в столовой, показалось, будто организованный косяк девок решил посягнуть на кухонные запасы, и он вызвал охрану с КПП. Трое бравых солдатиков, прибывших на выручку, оказались в сильном подпитии и стали чинить беспредел: прицепили «браслетами» к варочным котлам нескольких обалдевших от такого расклада девок и решили позабавиться с ними по-взрослому. Осужденные, понятное дело, подняли вой на всю округу, но бухие солдатикки окончательно разошлись: принялись избивать и насиловать прикованных пленниц. Они считали, что сила и оружие на их стороне, а начальница, отбывшая в служебную командировку, не прознает об инциденте. А инцидент меж тем случился знатный. Когда одна из прикованных девок от полученных побоев сыграла в «жмурика», а у трех других на теле места живого не осталось, ситуация стала выходить из-под контроля. Кончилась рабочая смена, и второй женский отряд в полном составе нагрянул в столовую. От зрелища бойни прекрасный пол пришел в неистовство. Солдафоны струхнули и открыли огонь на поражение, но не успели опомниться, как оказались скручены по рукам и ногам. По сигналу тревоги не спеша выдвинулась группа спецназа из центрального управления охраны, полагая, что их вообще зря оторвали от вечерней партии в домино. Солдатиков-беспредельщиков девки затащили в швейную мастерскую и в буквальном смысле слова прострочили по всем швам. Наживую. Маньяк из «Молчания ягнят» позавидовал бы четкости стежка на стыках кожных лоскутов. Вольнонаемный поварешка, по вине которого начался сыр-бор, попытался сдриснуть из лагеря, но осатаневшие девки изловили его и линчевали в разделочной. Спецназовцы прибыли под занавес кровавого спектакля и обнаружили прямо на въезде пригвожденного к

шлагбауму полуживого водилу, а в разгромленной караулке останки начальника охраны. Сами девки уже поняли, что наворотили дел на полноценный «строгач», заперлись в бараке и сдуру пальнули из трофейных стволов по офигевшим от подобной прыти спецназовцам... Когда бунт был подавлен, оказалось, что из осужденных не выжил никто. Ни одного раненого, сплошные трупы. Женщины заживо сгорели во вспыхнувшем от плотного обстрела бараке. Полыхало так, что пришлось поднимать два пожарных расчета. Ну а прибывшим из медуправления врачам и бригаде «неотложки» оставалось только выругаться и констатировать факт смерти двадцати восьми осужденных с тремя детьми и семи сотрудников уголовно-исполнительной системы при исполнении ими служебных обязанностей. Эксперты из Главка разводили руками: случай, мол, неординарный, нужно вдумчиво разбираться. Начальнице, попавшей под горячую руку, впаили выговор, а дело передали в прокуратуру, где оно моментально заросло макулатуркой и получило известный статус «висяк».

Если быть до конца честным, эксперты лукавили. Происшествие вовсе не относилось к разряду уникальных — таких на просторах развалившегося СССР по десятку в год случается: запаниковавший остолоп, пьяная охрана, массовое буйство, кучка трупов. За исключением одного нюанса.

На следующее утро случился выброс, породивший Зону, и вот этого как раз спрогнозировать не мог никто.

События завертились с умопомрачительной скоростью, люди надолго забыли о жуткой бойне.

Армейские кордоны, правительственные комиссии, вездесущие умники из ООН и натовские шпики — все, как положено...

Но время текло. Тридцатикилометровая территория отчуждения постепенно превращалась в полузакрытый объект, появились первые сталкеры, началась охота за хабаром. И вот, когда дело дошло до попытки создать общую карту местности с нанесением аномальных полей, топографы обратили внимание на одно из белых пятен в юго-восточной части Зоны. Подняли логи, и оказалось, что научная экспедиция из этого района не вернулась, а военные патрули старательно обходят местечко стороной. Прояснить ситуацию решил ходок по кличке Шуруп. Говорят, он был известным раздолбаем, постоянного дохода не имел, изрядно заливался спиртным на досуге. В общем, когда терпила добрался до заброшенного квартала, связь оборвалась, а через полчаса на общий сталкерский сервер пришло сообщение: «Миражи!». Больше Шурупа никто и никогда не видел. Поползли слухи, будто он стал одним из Призраков Зоны, но впоследствии они не подтвердились.

Слово за слово, с шутками прибаутками легенда о поселении, состоявшем из единственной улицы, обрастала слоистыми подробностями.

Ученые обратили внимание на то, что даже вездесущие мутанты сторонятся гиблого места — в радиусе километра не наблюдалось никакой живности, кроме воронья. Пернатые быстро сообразили: здесь практически нет межвидовой конкуренции, а значит, вить гнезда безопасно и выгодно. То ли на них не действовала аура смерти, источаемая выгоревшим бараком, то ли не было на самом деле никакой ауры в те времена, а Шуруп наакался до белой горячки да сверзился в ближайший подвал. И висят-качаются до сих пор его кости на арматурном штыре. В Зоне часто случается, что легенды возникают на непроверенных фактах, но суеверия тут имеют иную силу, нежели в обычном мире, и люди предпочитают обходить за версту окутанные нехорошими поверьями районы.

Но без брюшного спазма, как водится, и муха не пукает. Когда через несколько лет после судьбоносного выброса сталкеры избороздили всю Зону вдоль и поперек, обнаружилось, что на территории погорелой колонии появились необычные аномалии. Первыми заразу обнаружили «долговцы», совершая штатный обход владений возле крайнего форпоста. Один шибко внимательный сталкер обратил внимание на странное расположение отметин от лап псевдогиганта: словно чудовище не просто двигалось с вершины холма, а целеустремленно шло по идеально прямой линии. Командир патруля принял решение выяснить, что же привлекло внимание мутанта. «Долговцы» пошли по следу и вскоре

увидели бредущего псевдогиганта. Тот не замечал ничего вокруг, топал напролом через кустарник, таращился в одну точку словно загипнотизированный. Когда сталкеры зашли мутанту в тыл и собрались дать залп из РПГ, то оставшийся поодаль командир заподозрил неладное. Его подопечные вдруг застыли на местах, будто углядели нечто настолько шокирующее, что повергло их в ступор. Командир не мог видеть притаившуюся за памятником Ильичу ловушку. Он окрикнул подчиненных раз, другой, но те уже топали вслед за гигантской тварью, окончательно попав в зону действия одной из самых коварных и малоизученных аномалий Зоны. Командир, прежде чем броситься наутек, успел заснять на камеру ПДА фрагмент происшедшего дальше, и эта запись стала визитной карточкой улицы Миражей на долгие годы.

Псевдогигант, бредущий первым, внезапно остановился и огласил округу страшным ревом отчаяния. Он вознес передние конечности и обрушил их себе на голову. Страшный удар расплющил бы любого человека в блин, но псевдогигант — существо со шкурой-броней, и проломить его череп не так-то просто.

Тем ужаснее выглядело со стороны самоубийство, которое совершил мутант. Исполнив неуклюже вскарабкался на памятник и принялся пожирать руку вождя. Но даже его могучие челюсти не могли справиться с зажатой в пальцах бронзовой кепкой. Пообломав зубы до десен, он с ревом продолжил грызть конечность Ильича. Через какое-то время взрыкивание прекратилось: чудище само себе порвало голосовые связки. Оно сумело добраться разбитыми в кашу губищами аж до плеча статуи, прежде чем издохло от разрыва внутренних органов. Истлевшая и дико смердящая туша гиганта еще несколько месяцев висела на равнодушном вожде, прежде чем кто-то из ушлых сталкеров не снял ее с помощью длинных багров и рычагов. Сидорович с Фолленом долго торговались за добычу, в конце концов, победил хозяин «№92» и моментально перепродал трофей куда-то за Периметр. Теперь огромный скелет наверняка украшает подвал какого-нибудь богатенького коллекционера причуд Зоны.

Патрульные «долговцы» после самоубийства мутанта вышли из ступора и сурово оборвали собственные жизни. Изгалялись кто во что горазд. Один ничтоже сумняшеся снял шлем и с разбегу врезался башкой в постамент. Сломал шею. Второй прошагал до раздолбанной будки КПП и осколками стекла вскрыл обе яремные вены. Третий же поступил еще мудреней: взобрался по телеграфному столбу на самый верх и умудрился повеситься на обрывке провода.

Командир вернулся к форпосту «Долга» полуседой, бормочущий о проявлении кары за дела негодные и пожаловавших в невидимой оболочке Демонах Зоны. В кулаке он сжимал ПДА, все еще работавший в режиме видеозаписи. Так Зона узнала о «миражах».

Под гипнотическим воздействием их пси-поля люди и мутанты совершали жуткие самоубийства, и лишь воронье не чуралось нагло зыркать на загадочные аномалии — этих пернатых падальщиков зараза не брала.

Впоследствии «миражи» стали появляться на Болоте, а через какое-то время на южной его границе образовался настоящий заслон. Там до сих пор висит сплошная цепочка из этой дряни, преграждая путь охотникам срезать десяток-другой километров.

Одиночные блуждающие «миражи» встречаются редко, но полгода назад нам с Гостом довелось наблюдать, что такая гадость может сотворить с взглянувшей на нее болотной тварью. До сих пор помню мерзкий хруст насаживаемого на вентиль черепа и брызнувшие мозги. Не лучшее, с позиции эстетики, зрелище.

— Надеюсь, ты знаешь, что «миражи» завораживают даже через сомкнутые веки? — поежившись, уточнил Зеленый.

— Разумеется, — кивнул Лёвка. — Иначе любой дурак мог бы пройти это скопление аномалий с закрытыми глазами, швыряя болты да ориентируясь на писк детектора.

Он разложил саперку, подошел к тыльной стороне постамента, отмерил несколько шагов в сторону и стал быстро окапывать прямоугольник, осторожно приподнимая дерн и подковыривая сегмент бордюра. Четкие действия и холодный взгляд парня внушали уверенность. Спустя минуту он подозвал нас и попросил помочь.

В схроне под целым ворохом пакли и гнилых тряпок обнаружили несколько довольно больших плоских предметов, обернутых в промасленную бумагу и перевязанных бечевкой.

— Осторожно, хрупкие, — предупредил Лёвка, когда мы приняли свертки.

— И тяжелые, — хмыкнул Дрой. — Что здесь?

— Разворачивайте скорее. Солдаты близко.

Я обернулся. Со стороны распадка и впрямь донеслось шлепанье шагов. Под чьими-то каблуками захрустели ветки, хрипло гавкнула собака. Преследователи не особо заботились о маскировке, предпочитая высокую скорость скрытности передвижения.

— Это... — Гост отбросил бумагу и озадаченно посмотрел на прямоугольный предмет высотой почти в человеческий рост. — Это зеркала?

— Да.

— Ты хочешь сказать, что по улице Миражей можно пройти, прикрываясь... зеркалами?

— Можно, если знать — как именно.

— И ты знаешь?

— Угу.

Я закинул «калаш» за спину, аккуратно взял за края интерьерное зеркало с полустертым штампом ОТК-84 на амальгаме и почувствовал, как птичка-интуиция зашевелилась в затылке. Ну спасибо, конечно, милая, что б я без тебя, блин, делал. Будто сам не знаю, что с одной стороны приперли вояки со злобными псами, с другой маячит рассадник смертельных аномалий, а в руках чудо-зеркало.

Хотя стоп. Я закрыл глаза, прислушался к ощущениям. Мой тайный внутренний попутчик вовсе не паниковал. Птичка-интуиция будто бы нетерпеливо переминалась с лапки на лапку на вымышленной жердочке в ожидании, когда хозяин перестанет тупить.

— Ты, братец, либо сумасшедший, — сказал я, открывая глаза, — либо очень умный сукин сын, который ведаёт о вещах, незнакомых даже сталкерам-ветеранам.

— Вы готовы? — осведомился Лёвка, оставив мою реплику без внимания.

— Говори живее, что делать, — поторопил Гост.

— Следите внимательно. — Бывший отмычка приподнял зеркало перед собой на манер щита так, что верхняя кромка оказалась сантиметров на пятнадцать выше глаз. — Берите так же. Нам нужно пройти через площадь: возле торца одного из барачков есть слепая зона — там перегруппируемся. А пока идем шаг в шаг за мной и держим обратные стороны зеркал как можно ближе к лицу. Смотреть только на носки собственных ботинок.

— Не лучше встать в круг? — предложил Дрой.

— Нет, так по нам легче будет попасть. Сунуться за постамент солдаты не рискнут, а вот из-за кустов пострелять могут.

— О, ты умеешь поднять моральный дух отряда в трудную минуту.

— Чуть какая-то... — помотал головой Зеленый. — Не верю, что обыкновенные зеркала экранируют пси-поле «миражей».

— Решение большинства задач очевидно, если знать, под каким углом смотреть, — проговорил Лёвка. — Научного объяснения предоставить не могу, но я уже так делал.

Я почувствовал холодок в груди. Вспомнился миг, когда мы с Латой стояли у темных граней кристалла под Саркофагом, гадая, как применить сплавившиеся в причудливую конструкцию «бумеранги». Лёвка прав: некоторые загадки Зоны решаются просто. Отбрасываешь лишние варианты, и остается один. Правильный.

Отрывистый лай повторился уже ближе. Нужно торопиться. Наш проводник дал последнее указание:

— Если кто-нибудь из вас всё-таки попадет под гипнодействие «миража», ни в коем случае не отворачивайтесь, не жмурьтесь, не пробуйте закрыть глаза руками — бесполезно. Постарайтесь задержать дыхание. Кажется, недостаток кислорода замедляет реакцию воздействия этой пакости на сознание.

— То есть сдохнуть от нехватки воздуха? — усмехнулся Дрой. — Впрочем, чем не вариант. Пошли бодрей — терпеть не могу долго ждать.

Мы подняли зеркала и приготовились следовать за Лёвкой. Я почувствовал, как адреналин горячит кровь и в висках ритмично ухает сердечный бит. Постамент возвышался перед нами, словно скала, а за ним была смерть. Решиться выйти из-за спасительной фигуры Ильича оказалось не так просто: страх перед психотронными аномалиями сковывал внутренности морозом и заставлял выжидать секунду за секундой. Заставлял задаваться вопросом: вдруг мы в последний раз видим это, пусть свинцовое от низких туч, но все же небо?

Я опустил глаза и уперся взглядом в остатки штампа на серой амальгаме. Обратные стороны зеркал — непривлекательны. Шершавая серость, царапины, грязь...

— Коломин!

Крик заставил вздрогнуть, опустить зеркало и резко обернуться.

Остальные сделали то же самое. Гост, Дрой. Зеленый, Лёвка. Мы впятером синхронно крутанулись на каблуках, чтобы заметить, как из распада показался военный в форме спецподразделения «Пыль» — мне доводилось видеть такую на гарнизонных шишках, с которыми пару раз имел дело Фоллен. Ребята из «Пыли» курировали основные оборонные направления, связанные с Зоной, и слыли неплохими бойцами. Под их прикрытием полгода назад работали «чистонебовцы», когда занимались проектом «Бумеранг».

Офицер, окрикнувший кого-то по фамилии Коломин, был облачен в цифровой камуфляж. Специальная ткань меняла тон и яркость в зависимости от окружающей среды, чем увеличивала визуальную маскировку носителя и сильно затрудняла жизнь вражеским снайперам. Правой рукой «пылевик» поддерживал за длинный ствол навороченную гаусс-винтовку, висевшую на специальном плечевом ремне, в левой сжимал петлю поводка. Матерый доберман скалился и фыркал. Нас разделяло метров пятьдесят.

— Нарядный, — не удержался от комментария Дрой. — А кто такой Коломин?

Я глядел сквозь стекла маски на своих компаньонов.

Трое проверенных сталкеров и один молодой следопыт, знающий гораздо больше положенного. И все они обернулись на оклик. Только как теперь угадаешь, чью фамилию назвал военный из спецподразделения «Пыль»? С ходу, ясное дело, все подозрения падали на Лёвку, но Зона давно научила меня не доверять эмоциям. Зачастую истина выглядит совсем не так, как мы ее представляем.

— Коломин, не дури, — повторил офицер и стал готовить винтовку к выстрелу, не спуская, однако, пса. — Мы знаем про неудачную операцию. Всё знаем.

— К кому конкретно из нас обращаются, предлагаю разобраться позже, — нервно перехватывая зеркало, сказал Зеленый. — Мне, знаете ли, очень не по душе длинноствольная ебамба, которую заряжает этот хмырь. Если уж решили, так пойдемте через душегубку.

— Лихо ты поменял мнение, родной, — прищурился Гост.

— Я жить хочу, — резонно парировал Зеленый. — Возможно, я скажу банальность, но даже фаталистам нравится жизнь.

— Едва ли минуту назад ты видел впереди верную смерть. — Гост продолжал стоять на месте.

— Если существует хоть какая-то вероятность выжить, доверившись малому, я готов рискнуть. — Зеленый решительно перехватил зеркало. — Потому что шансов увернуться от гаусс-снаряда — еще меньше. А доберман и во-он те хлопцы в камуфляжах, которые показались из пролеска, сводят к нулю остатки оптимизма. Я не Коломин, которого они ищут, так что скорее всего меня просто убьют...

— Хорош базарить! — бесцеремонно оборвал сталкера Лёвка, закрываясь отражающим щитом и выходя из-за постамента. — За мной. И осторожненько, без лишних телосодроганий. Буквально на цырлах.

Сердечное эхо затрепыхалось в висках сильнее. Я глубоко вдохнул через плотные фильтры, поднял перед собой зеркало и, осознав в последний момент, как дебильно выгляжу со стороны, шагнул на улицу Миражей.

Глава шестая. Улица Миражей

Слепой страх — опасное ощущение. Нужно иметь крепкие нервы, чтобы справляться с ним. Когда видишь врага — можешь хотя бы приблизительно оценить его силу, прикинуть собственные возможности, просчитать тактику боя или отступления. Неведение такой привилегии лишает.

Ты остаешься один на один не с противником, а со страхом...

Мы топали следом за Лёвкой, заслонившись высокими зеркалами.

Наверное, приблизительно так в стародавние времена чувствовали себя спартанцы, прикрываясь от стрел щитами. Сопишь себе в рукоятку, разглядываешь неровности оковки или знакомую до боли щепку, лихорадочно молишься всевидящим богам или вспоминаешь любовные приключения — в зависимости от характера. Нынешняя картина отличалась лишь в деталях.

Я сопел в фильтры маски, разглядывал дурацкий штамп на амальгаме и вспоминал, как выглядит фэнтезийная деваха с обложки глянцевого журнала, вместо того, чтобы сожалеть об уходе Латы или, на худой конец, молиться. Что поделать, такова моя натура: если не могу контролировать положение, начинаю пестовать своих мозговых слизней.

Нужные мысли меж тем плавно проплывали на фоне силуэта фэнтезийной девы. В одном я был уверен на сто процентов: Коломин — не моя фамилия. Значит, остается всего-навсего четыре варианта. Не так уж много, разберемся. Обернулись на голос все — но в этом-то как раз ничего удивительного нет: обычная реакция на неожиданный раздражитель. Дрой вполне искренне удивился, Зеленый занервничал, Гост стал катить на него бочку, а Лёвка... приспособился к ситуации, что ли. Он вообще ловко управляет с чувствами, этот паренек. Темная, ох темная лошадка. Но мы-то каковы! Поманили пальчиком, пообещав скоротать путь, а господа старперы и рады гуськом по улице Миражей припустить. Хорошо хоть, офицер «пылевилов» ограничился единственным выстрелом из гаусс-винтовки. Снаряд с зубодробительным гудением просвистел в метре от нас, заставив втянуть головы в плечи, и хлопнул в землю далеко впереди. Высунуться из-за постаментов к скоплению аномалий военные не решились, а с линии огня мы уже ушли. Да и какой резон палить по самоубийцам? В этом вопросе я логику командира как раз понимал.

— А ведь работает, — осторожно, словно боясь спугнуть удачу, прошептал Дрой. — Слышь, Минор, лысая твоя башка, работает метод нашего юного следопыта! Кто бы мог подумать — обычные зеркала.

— Рано радуешься, — завел свою пессимистичную пластинку Зеленый. — Мы еще и ста метров не прошли.

— Не забывай, что прошлые экспериментаторы сразу себе черепа вскрывали, — напомнил Гост. — Не люблю такие вещи говорить, но: мы рулим.

— Это у тебя первичная эйфория, — мрачно проворчал Зеленый из-за своего зеркала. — Скоро пройдет. И начнется депрессняк.

— Оло-ло, — хыхыкнул Дрой. — Втяни яйца, зануда.

— И арбалет не потеряй, — не удержался Гост.

Зеленый печально вздохнул и заметил:

— А ведь за кем-то из нас по пятам идут бойцы подразделения «Пыль». И вряд ли они хотят просто проверить документы.

Эта фраза на корню убила едва зародившееся позитивное настроение. Сталкеры замолчали, следя за мельтешащими над асфальтом носками собственных ботинок.

Мерный стук каблуков на несколько секунд растворился в уханье крыльев ворона. Птица, судя по звуку, обогнула сгоревший барак и села на столб или дерево позади него. Снова глухой стук шагов.

Прилетевшее с порывом ветра шипение помех и обрывки распоряжений, отдаваемых по радиации кем-то из военных. Опять ритмичная поступь...

По моим прикидкам, мы прошли метров двести — практически до конца площади.

— Ты говорил, что за дальним бараком есть слепая зона, — напомнил я Лёвке. — Далеко еще?

— Почти на месте, — отозвался он. — Забираем немного правее.

Я сделал шаг в сторону, запнулся носком берца о трещину в асфальте и чуть было не выпустил из рук зеркало. Сделав пару быстрых шагов, восстановил равновесие и выдохнул. Пальцы автоматически сжались, и в перчатки врезалась полированная грань стекла, которая отделяла меня от верной гибели.

— Не расшибся? — справился Гост.

— В норме. Если б я расшибся и взглянул на один из «миражей», то под воздействием аномалии непременно совершил бы какую-нибудь несовместимую с жизнью глупость. Вены бы, к примеру, осколочком вскрыл.

— А я б не утерпел и выглянул из-за своей отражалки, чтоб такое зрелище не пропустить, — сказал Дрой. — И тоже бы себя уколошил.

— Грустно все это, — резюмировал Зеленый.

— Пришли. — Лёвка притормозил и попросил: — Минор, обогни угол и подойди сюда. Я сейчас попробую опустить зеркало, осмотреться — последи за мной краем глаза. Если заметишь, что клюнул на аномалию — заставь выпустить воздух из легких.

— Как?

— Двинь в грудь со всей дури.

— А можно я? — тут же попросил Дрой. — Давно хотел тебе врезать за то призрачное появление в шахте под Янтарем.

Лёвка проигнорировал его слова. Выглянул из-за края зеркала и быстро метнул взгляд из стороны в сторону. Поморгал.

— Не цепляет? — тихонько осведомился я, отодвигаясь от угла здания.

— Чисто, — выдохнул Лёвка. — Можно осмотреться.

Я прислонил зеркало к облупившейся штукатурке, размял затекшие пальцы.

Рядом торчал загаженный подоконник, выше слепым квадратиком таращилось на нас чердачное окно, а посередине торцевой стены барака виднелась заросшая «ржавыми волосами» дверь запасного выхода. Давний пожар не тронул это строение, зато ему здорово досталось от бездушного времени, борзых ворон и кислотных дождей: дверные и оконные петли превратились в бурую труху, рамы сгнили до сучков, битые стекла мутной россыпью смешались на земле с крупными осколками шифера.

Центральная площадь колонии осталась позади. И основная масса «миражей», хотелось надеяться, тоже. Дальше тянулась прямая аллея, по обе стороны которой валялись варочные котлы, каркасы стульев, дырявые ведра. Вот она, улица Миражей. Пустынная и унылая. С первого взгляда и не подумаешь, что многие сталкеры пережили на ней последние моменты бытия. Но даже с нашего безопасного ракурса можно было разглядеть обглоданный человеческий череп возле подстанции и висящий на фарфоровом изоляторе скелет в лохмотьях камуфлированного комбеза.

Дрой уловил направление моего взгляда и прокомментировал:

— Сходу и не определишь: одному хозяину запчасти принадлежали или разным.

— Ты жрать хотел, — напомнил я.

— И продолжаю хотеть.

— Тогда не бубни. — Я указал Лёвке на мощную «электру», три «птичьи карусели» и целый сонм «трамплинов». Поинтересовался: — И как этот рассадник проходить? По детектору — не прокатит: слишком плотно сидят аномалии. И обойти нельзя — в жижу болотную угодим, засосет. А по сторонам глядеть не получится — «миражи» затянут.

Лёвка взял меня за подбородок и плавно поднял голову вверх. В другой момент я бы обязательно расценил жест как фамильярный и двинул ему в рыло, но не теперь. За кромкой крыши барака виднелась опора, левее еще одна, а на них крепилась толстая труба, по которой раньше гнали то ли газ, то ли воду, я в таких тонкостях не разбираюсь. Но магистраль уходила вдоль колонии именно в том направлении, которое нам требовалось.

— Соображаешь, родной, — сдержанно похвалил Гост, стряхивая с перчатки жухлую листву. — Здесь и впрямь можно вскарабкаться на трубу. Интересно, на ней «миражи» тоже могут нас достать?

— В некоторых местах, — кивнул Лёвка. — Поэтому зеркала придется брать с собой, хотя и неудобно будет.

— Одно радует: твари поганые не мешают, — заметил Дрой.

Лёвка уклончиво угукнул. Я внимательно посмотрел на бывшего отмычку. Он пошмыгал носом, сомневаясь, но потом все же сказал:

— Наверху птицы.

— Падальщики. Особого вреда не причинят, — отмахнулся Дрой. — Двигаем?

— Да-да, — пробасил Лёвка. — И все же будьте осторожны. Я подскажу, как действовать при случае.

— При каком таком случае? — уточнил я.

— Да мало ли какие бывают случаи.

Я пристально поглядел ему в затылок, словно этот сверлящий взор мог помочь проникнуть в мысли и душу человека, чтобы вычленишь оттуда самое сокровенное, тайну, которую этот парень несет в себе и не спешит делиться.

Лёвка поправил рюкзак и поднял свой зеркальный щит, готовясь идти к опоре. Обронил:

— Если вдруг воронье... станет агрессивным, бить надо жоака стаи.

— У него шевроны специальные, да? — усмехнулся Дрой.

— Нет. — Лёвка не поддержал шутку. — Но ты сразу поймешь, что он главный.

До стойки мы добрались без происшествий: обогнули развалины хозяйственного флигеля, возле которых счетчик Гейгера застрекотал выше обычного, перелезли через недостроенный забор и оказались возле бетонного фундамента с влитыми железными фермами опоры. Она оказалась масштабнее, чем выглядела издали, — метра два в диагональном сечении. Навесной лестницы не обнаружилось, но, судя по расположению распорок и промежуточных балок, забраться наверх можно было без особого труда. Вот только как затащить, не разбив, зеркала? Гост сообразил первым.

— Кому-то придется взобраться, а потом поднять стекляшки на веревке.

— Помнится, Минор, ты неплохо лазаешь по всякого рода вышкам, — подмигнул Дрой. Я повернулся к Лёвке.

— Не попаду в радиус действия «миражей»?

— Я ходил здесь несколько раз, в этом месте прямого визуального контакта нет.

— Но выбросы могли сдвинуть аномалии.

— «Миражи» не подвластны выбросам. А сами по себе двигаются лишь блуждающие. Странно, что не знаешь.

— Где же ты руку вывихнул?

— Дальше. Там будет сложный участок.

Я передал свое зеркало Зеленому и на глазок оценил сложность подъема. Высота меня не пугала. Беспокоил слепой страх перед неведомым пси-полем, заставляющим убивать себя. Может ли такой страх обернуться ужасом и заставить запаниковать старину Минора?

Я закрыл глаза. Вслушался в ритмичную пульсацию сердца.

Не в этот раз. Раз уж мы забрались в самый центр гиблого места, надо отсюда выбираться. А то глупо получится.

Под языком скопилась слюна, и мне пришлось приподнять дыхательную маску, чтобы сплюнуть. В нос шибанул приторный трупный аромат — совсем рядом кто-то помер и порядком разложился. Позитивненько. Что ж, приступим.

Подтянув ремень автомата, я запрыгнул на бетонную тумбу и обошел конструкцию, примериваясь, откуда лучше начать. Возле одной из поперечин остановился, смоделировал в уме схему подъема и остался доволен. Пожалуй, здесь.

— Учитесь, каскадеры, — сказал я и поставил ногу на металлическую перекладину.

— Хребет мне на темечко не просып, — бодро пожелал в спину Дрой.

— Не отсвечивай, терпила.

Первые метра три я полз уверенно, без заминок. Пространственный рисунок балок был удобным. Мозг работал четко, руки сами находили нужную зацепку, а под ботинками словно по волшебству появлялась твердая опора. Но я не терял бдительности, помня, что кажущаяся простота в Зоне убивает быстро и эффективно. Зазевался, скользнул протектор по ржавой грани — хлобьсь! — и твой бесценный организм остывает у ног товарищей со сломанной шеей. Незримые Демоны Зоны любят искушать иллюзиями как олухов-желторотиков, так и опытных бродяг.

Не зря я просчитывал каждое движение и проверял каблуком на прочность железаки, прежде чем переносить на них вес тела.

Нога опустилась на что-то хрустнувшее. Сначала я решил, что провисает перекладина, но когда глянул, вздрогнул и едва не выплюнул в фильтры остатки ужина. Из треснувшего сварочного шва торчала человеческая рука, которую снизу видно не было. Закостеневшие пальцы сжимали металлический уголок мертвой хваткой, на месте ногтей остались лишь запекшиеся кровоподтеки, остатки наручных часов врезались в жилы запястья, а локтевой сустав был небрежно перебит чем-то острым. Плоть под отрепьями рукава серела трупными пятнами, кое-где виднелись запекшиеся рваные ранки — вороны клевали ништяки до тех пор, пока мясо не пропиталось ядом и не стало окончательно ядовитым.

Вот чем так воняет. Немудрено: эта клешня здесь дней пять уже вялится. Хорошо, что мух нет, а то бы опарышами, поди, кишела. С детства терпеть не могу подобную живность — может, я, конечно, чересчур брезгливый, но по мне, так лучше уж с псевдогигантом поручкаться, чем полупрозрачные личинки на ладонке подержать. Бе.

Я еще раз покосился на зверски оторванную конечность. И тут в голову стукнулась действительно пугающая мысль: где все остальное?

— Чего застрял? — донесся приглушенный маской баритон Госта.

— Не скажу. — Я сглотнул. — Полезешь — сюрприз будет.

Когда я наконец добрался до трубы, сталкеры уже перевязали зеркала веревкой крест-накрест и пристегнули карабином к тросику. Один его конец я заблаговременно прицепил к портупее, а второй оставил болтаться внизу. По сигналу я стал тянуть, но стекло тут же зацепилось за поперечную балку. Трос дрогнул в руках, от рывка старая рана отозвалась тупой болью. Хрупкий груз чуть не разбился. Я ослабил тросик и растер плечо. Значительные, но плавные усилия во время карабканья на опору не сказались на ране, а от несильного, зато резкого движения — стрельнуло. Надо быть внимательнее.

Аккуратно, чтобы не расколотить наши драгоценные щиты, я поднял всю связку и положил рядом с собой.

Следом полез Дрой. Добравшись до висящей конечности, он чуть не слетел обратно от неожиданности, выматерился во всю глотку и проклял меня за то, что не предупредил. За ним поднялись Лёвка и Зеленый, а когда пришла очередь Госта, то сюрприза, ясное дело, уже не получилось. Сталкер лишь окинул взглядом пресловутую руку, брезгливо поморщился и ловко взобрался к нам.

Но через миг с ним произошло что-то странное. Глаза Госта внезапно расширились, он упал на живот, свесился вниз и уставился на конечность новым, безумным взглядом.

— Ты чего? — перепугался я.

Он еще некоторое время разглядывал изувеченную кисть руки, не отвечая, затем резко сказал:

— За ноги держите.

Мы крепко ухватили его за лодыжки, ничего не понимая. Гост сполз еще ниже и долго возился с останками, прежде чем просипел: «Тяните...».

Я подхватил его за портупеею и выволок на трубу. Поднявшись, Гост повернулся к нам и показал раздолбанные часы странной формы с пятнами запекшейся крови.

— Помародерствовать на досуге решил? — спросил Дрой, глядя на сломанный механизм. — Только на кой хрен тебе сдался этот хлам?

— Хлам? — проворковал Гост таким елейным тоном, что у меня под ложечкой засосало. — Этот хлам, родной, в сотню раз ценней твоего годового хабара. Точнее... был ценней, пока пребывал в работающем состоянии. Впрочем, даже в таком виде его можно удачно загнать. Тут в одной только застежке восемнадцать карат розового золота. Это ж «De Witt»! Такая модель нереальную кучу бабла стоит! — Он нахмурился и снова поправился: — Стоила.

Вот теперь мы уже совсем иначе смотрели на находку и ее счастливого обладателя. Пришлось признать: умение разбираться в предметах роскоши только что реально помогло пижону поймать козырный кусок цветмета.

— WX-1, — трагически покачал головой Гост, с вселенским отчаянием глядя на детали. — Коллекционная модель 2008 года, вертикальный парящий турбийон, баланс из глюсикура, сапфировое стекло. Всю жизнь о таких мечтал. — Сталкер обернулся к оторванной руке и с ненавистью произнес, будто ее хозяин все еще мог его слышать: — Урод! Такую вещь испоганил!

— Постой-ка, — остановил я его праведный гнев. — Эта штука ведь прочная была?

— Еще какая. Прессом давить... — Гост осекся и покрутил сломанную побрякушку в пальцах. Кивнул мне: — Я понял ход твоей мысли. Такие часики не просто сломать.

— Может, пуля попала? — предположил Зеленый.

— Нет, — пуще прежнего насутился Гост. — Тут повреждения другого характера. Их словно... сдавили. Но усилие должно было быть титаническим.

— Мы теряем время, — напомнил Лёвка.

— Да-да, нужно двигаться, — отстраненно произнес Гост. — Но с этого момента меня категорически занимают два вопроса: какого банана такие фешенебельные котлы делают в нашей глуши и что их сломало?

Он убрал трофей в контейнер, и мы наконец огляделись. Труба лежала на высоте второго-третьего этажа. Отсюда была виден кусочек площади, угол постамента и нечеткие очертания распадка, скрытого дымкой. Центральную часть территории колонии, на которой сгрудилась основная масса аномалий, заслоняла крыша барака. А дальний конец улицы Миражей терялся среди зарослей карагача. Возле подстанции деревья теснили друг друга, и, несмотря на облетевшую листву, необычная густота ветвей создавала ощущение плотной завесы.

— Гнезда там, что ли? — пробормотал Зеленый.

— Да, — сказал Лёвка, подтянув перчатки. — Придется разбиться по парам. Один будет прикрывать зеркалом, второй отстреливаться от воронья. Оно здесь в разы агрессивнее, чем в остальной Зоне, поверьте.

— Пять на два не делится, — напомнил Гост. — По крайней мере без остатка.

— Остатком буду я.

— Это почему?

— Стрелять по пернатым эффективней всего из дробовиков, а они есть только у тебя и Дроя, — объяснил Лёвка. — Прикрывать вас проще всего Минору с Зеленым. Вы часто вместе ходили в рейды, хорошо чувствуете друг друга. Вероятность ошибки с моей стороны — выше среднего.

— Умный какой, — фыркнул Дрой. — Не знал бы тебя как дельного бойца, решил бы, что гузно бережешь.

— К тому же я, по долгу младшего, несу рюкзак с припасами. Лишняя помеха.

— Много фраз, мало дела, — сказал Гост. — Минор, ты со мной или с Зеленым в паре?

— С тобой.

— Лады. Хватай зеркало, вставай боком. Пойдем приставными шагами. Зеленый, тебе прикрывать Дроя.

Зеленый кивнул.

— Чувствую себя идиотом, — проворчал Дрой, перехватывая «Потрошитель». Он отодвинул плечом тесно прижавшегося Зеленого: — Да не жмись ты, как телка к бычку.

— Я могу вообще не прислоняться, — пожал плечами тот.

— Живо под «мираж» попадешь.

Дрой фыркнул, но, взвесив «за» и «против», отбросил понты и миролюбиво похлопал его по плечу:

— Прислоняйся, но свои мужские чувствилища не распускай, а то в морду дам.

— Параноик, — беззлобно покачал головой Зеленый и поднял зеркало. — Гост, ваша пара первой пойдет?

— С чего бы? — удивился Гост.

— Не знаю. Просто спросил.

— Разыграем.

— Давай.

— Минор, болт.

Я быстро заложил руки за спину, стиснул железяку в левой ладони и уставился на Зеленого невинным взглядом.

— Плохой обычай. — Он легонько хлопнул меня по левому плечу. — Из-за болтов люди гибнут.

Я медленно протянул руку вперед и резко разжал кулак.

— Бу.

Зеленый вздрогнул, но тут же расслабился. Еще бы! Он угадал, значит, нам с Гостом — в авангард.

Я примерился и запустил болтом в гущу карагачевых веток. Он пролетел сквозь нее с легким шелестом и трижды ударился о рубероид на крыше подстанции. Стало тихо.

— Никакого бешеного воронья, — с подозрением взглянув на Лёвку, сказал я. — Зазря муть нагоняешь?

— Пусть мы лучше заранее испугаемся, чем поздно спохватимся, — серьезно ответил он.

И вновь мне пришлось про себя признать правоту молодого проводника. Он простыми словами излагал не по возрасту и не по статусу мудрые вещи.

«Расколю тебя, гадкий кутенок, — хладнокровно подумал я и отвернулся, чтобы занять позицию. — Но сначала выберемся из душегубки».

Я притерся боком к Госту и выставил стеклянный щит, а он взял наизготовку дробовик. Двинулись.

Вы пробовали ходить по скользкой трубе в десятке метров от земли, прикрывая товарища и себя, любимого, панорамным зеркалом от пси-поля опасной аномалии, которая гарантированно толкает на самоубийство, если попадете в зону ее действия? Нет? Обязательно попробуйте — получите массу острых впечатлений и станете проще относиться к мелким бытовым неурядицам.

Мы медленно перемещались по покато́й верхотуре. Гост то и дело сдвигал зеркало чуть в сторону, чтобы прицельно выстрелить в случае нападения. Я старался глядеть под ноги: попадались швы, о которые можно было споткнуться. Один неверный шаг в нашем положении мог стоить не только переломанных костей, но и жизни. А трагическая кончина в мой распорядок дня никоим образом не входила.

За нами, соблюдая дистанцию, семенили Зеленый с Дроем. Они долго шикали друг на друга, пихались, спорили о границах интимной зоны взрослого мужика и в конце концов чуть было не сверзились к чертовой матери. Зеленый едва не выронил зеркало, а Дрой сильно изменился в лице, балансируя на одной ноге над пустотой. Лишь чудом сталкеры удержали равновесие и сумели вернуться в исходное положение. Повезло дуракам. Зато после этого они притихли и начали двигаться слаженно.

Лёвка замыкал процессию. Бывший отмычка бесшумно, по-кошачьи ступал с каблука на носок и старался не упускать из виду обе наши пары.

— Притормози-ка, — сказал Гост перед П-образным изгибом.

Я моментально замер как вкопанный. Держать зеркало на вкось вытянутых руках было неудобно, но я натужился и постарался не думать об уставших мышцах.

Наши взгляды приковало темное пространство в центре подковообразной извилины, которая ломала прямой участок трубы. Там угадывались очертания то ли тряпья, то ли веточек. Лохмотья чуть заметно шевелились — и сложно было определить наверняка: ветерок ли их колышет, или нечто иное.

Гост придвинул кольцо внешнего фильтра к самому моему уху и шепнул:

— Тревожит меня загогулина.

— Сам чую. Что предлагаешь?

Он покосился на экранчик детектора, укрепленного на предплечье.

— Электроника не паникует. Сканер бы включить, да палиться лишний раз не хочется. Лучше болт кину.

— Чего тормозим? — негромко спросил Дрой, подступая сзади.

— Нычку проверить надо, — отозвался я. — Не шуми.

Гост перехватил «Потрошитель» в левую руку, достал болт и запустил его по навесной траектории в центр подозрительной извилины. Раздался глухой удар, шорох и басовитый клекот.

Я напрягся и вывернул шею до упора, стараясь не упустить из вида шевеление в тени изгиба. Гост вскинул дробовик, прицелился.

— Бейте вожака, — напомнил Лёвка из хвоста колонны.

— Спасибо за совет, — огрызнулся Гост.

— Я предупреждал о возможном нападении, — спокойно ответил проводник. — Значит, не повезло: гнездо до сих пор не разорено.

— Красавцы, — промолвил я, косясь на выползающих из тряпья птиц. — Кажется, я склонен пересмотреть место воронья в пищевой цепочке.

Раньше мутаций у пернатых замечено не было. Они населяли почти все районы, чураясь разве что пустошь-фермы да запредельно фоныщих территорий. На пси-активность им было плевать. Мутагенные изменения не тронули крылатых бестий, поэтому все обитатели Зоны привыкли к ним и воспринимали неторопливое кружение в небе как один из атрибутов гиблой земли.

Падальщики — санитары природы: они полезны там, где пахнет смертью.

Но пара особей, которые вылезли из потревоженного гнезда и встопорщили смоляные перышки, отличались от обычных воронов-самцов. В первую очередь габаритами: размах крыльев, судя по размеру туловища и длине маховых перьев, достигал метров двух. Изогнутые когти на узловатых лапах и клюв одним видом могли повергнуть в ужас неопытного бродягу. Окончательно укрепляли образ крылатых убийц большие, черные, как космическая бездна, глаза, в глубине которых чудилась искорка разума. Рассудок подсказывал, что мозгов у этих переростков не больше, чем у подзаборного воробья, но слепой инстинкт беззвучно вопил: опасность!

Птицы выбрались на трубу, шумно встряхнулись, сбрасывая мусор, и замерли. Вылупились на нас немигающим, словно бы оценивающим взглядом. Несколько долгих секунд мы стояли друг напротив друга, не решаясь сделать лишнего движения. Зеркало уже основательно отягощало мышцы, медленно, но уверенно руки начинали дрожать от перенапряжения.

За тонким налетом амальгамы и хрупким стеклом — смертельные чары аномалии. На расстоянии одного, максимум двух прыжков — невиданные птички размером со щенков ротвейлера и с категорическим отсутствием доброты во взгляде. Казалось бы, что может быть хуже?...

Я сместился немного в сторону, чтобы дать Госту пространство для маневра, и залип, как парализованный, не желая верить своим глазам. Хуже, говорите?

О, еще как может. В разы хуже! Как сказал бы Дрой: от такого зрелища меня в щи развозит.

Позади расступившейся парочки сначала показались передние лапки. Скрюченные, кожистые, с острыми коготками. Если бы остальная часть монстра оказалась соразмерна этим миниатюрным лапкам — едва ли мутант стал бы серьезной преградой. Но масштаб гада

был иным. Когда вслед за коготками показалась башка, из сравнений на ум пришло единственное: тираннозавр.

— Вот теперь я понимаю, что малой имел в виду, — сглотнув, проговорил Гост. — Вожака и впрямь сложно не узнать.

— Мама-перемама, — слетело у меня с губ. — Жаль, что у тебя в схроне не было запасных труселей — они бы сейчасгодились.

Оглушительный вопль вылетел из клюва, напоминавшего усыпанный шипами ковшик экскаватора. Я аж присел от неожиданности. Никогда не думал, что карканье может быть настолько сильным слуховым раздражителем. Уши заложило, и голова пошла кругом, как после легкой контузии. Я поморгал, чтобы не терять сосредоточенности.

Свита воронов-переростков взмыла в воздух. Чудовище опустило лобастую башку вниз, уперлось клювом в трубу, проминая металл, словно фольгу, и полностью выбралось из гнезда.

— Кажется, я догадываюсь, кто часики поклевал, — прокомментировал Гост. — Скотина этакая.

Колотить мой лысый череп! Да этот крылатый зверюга размером со взрослую химеру, не меньше! Задние лапы разительно отличались от мелких рудиментарных «ручонок»: это были полноценные толчковые конечности с развитыми мышцами и прочными канатами сухожилий. Туловище вожака покрывало короткое оперение, которое издалека можно было принять за черную шерсть, а в холке топорщился гребень то ли из роговых наростов, то ли из перьев покрепче. Глаза оловянными бляшками светились на мощном черепе, и, несмотря на цвет, было в них что-то воронье. Наверное, жажда легкой наживы.

Мутант вне классификации, крупный, агрессивный — ну и повезло же нам.

— Коракс! — Крик Лёвки донесся сквозь остаточный гул в ушах. — Стреляйте!

Гост прицелился в уязвимую шею медлительной тварюги, но Дрой его опередил.

— Лови свинца слегонца, долбоносик! — задорно провозгласил он и высадил три заряда дроби подряд, чуть не зацепив нас.

Гост выругался, но огнем поддержал: выстрелил и вгляделся в муть от пороховых газов. Мои уставшие до предела руки тоже зачесались: хотелось бросить надоевшее зеркало, сорвать с плеча автомат и накормить врага свинцовыми пилюлями. Привычка, что поделать.

И тут птичка-интуиция тревожно застучала в затылке. Что-то пошло не так. Монстр не заклекотал, не полетели перья, не брызнула кровь.

Вместо плоти дробь съела воздух и превратила в рваный дуршлаг изгиб трубы. И рисунок боя резко поменялся.

Коракс, как назвал мутанта Лёвка, лишь казался медлительным. Обманчивое впечатление, какое твари умеют произвести на добычу, часто приводит к трагическим последствиям — мы это прекрасно знали и были готовы к контратаке. Но никак не ожидали настолько безумной прыти от крылатого существа.

Уродливый хищник ушел в сторону с линии атаки и упал вниз, пропав из виду на секунду. Пока Гост двигал дробовик вслед за кораксом, тот нырнул под трубу и, шумно взмахивая крыльями, поднялся с другой стороны и без лишних прелюдий начал свой танец смерти. Он обрушился на нас смазанной черной молнией. То ли он был не таким тяжелым, каким казался, то ли мутировавшие перья и мышцы позволяли творить воздушные чудеса, не подвластные обыкновенным птицам, но гад показал класс.

Я еле успел убрать зеркало, сместившись вместе с напарником на метр правее. Коракс пронесся мимо, словно сумасшедший птеродактиль, и ушел на разворот. Дрой дважды выстрелил на упреждение, но вожак изломал траекторию полета так хитро, что дробь опять ушла в пустоту.

Свита коракса меж тем тоже не дремала. Псевдовороны принялись с громким ором нападать сверху, падая на наши головы практически отвесно, из зенита. Суетливая парочка особой опасности не представляла, но отвлекала от главного противника. К тому же на их разудалой клич прибыли еще несколько таких же переростков, и стали подтягиваться

обычные вороны со всей улицы Миражей. Видимо, стая решила всерьез заняться путниками, посмеявшись забраться на их территорию. С их точки зрения, обед сам пришел в гости.

Лёвка поставил свое зеркало в трещину между трубой и опорой, изловчился и срезал автоматной очередью одного из псевдоворонов. Перья полетели в разные стороны, птицу отбросило энергией пуль по пологой дуге и приложило о стенку подстанции. Черные собраты моментально набросились на обидчика и дали нам шанс расправиться с заходящим на очередной удар кораксом.

— Валите с двух стволов! — прорычал Лёвка, отбиваясь от нападающих мутантов. — Так ему сложней увернуться!

— Без сопливых солнце светит, — проворчал Дрой, и они с Гостом синхронно долбанули по вожаку стаи.

Коракса крутануло в воздухе. Над округой разнесся ужасающий вопль. На мгновение мне показалось, что тварь потеряла ориентацию, и я крикнул:

— Добейте!

Гост высадил в беснующуюся сволочь боезапас и принялся вщелкивать патроны в приемник. Дрой поддался искушению и тоже выпустил остатки дробы в перьевое облако.

Поспешность сталкеров и разжиживший кровь адреналин едва не обернулись трагедией для всей группы.

В общем — хрен мы угадали с тактикой.

Коракс был не просто хитер, как большинство высших мутантов, он был умен. Неизвестно, что породило на свет такую бестию, но вожак явно не страдал недостатком мозгов. Мы слишком поздно поняли, что он вовсе не тупой воробей гигантских размеров, а расчетливый и крайне опасный адепт смертоносного водоворота Зоны.

Когда отзвук последнего выстрела стих, коракс мигом выровнял полет, в несколько взмахов оказался слева и упал на нашу связку с моей стороны. Целился он не в плоть. Он бил в зеркало. Этот убийца прекрасно понимал, что гораздо проще разбить щит и дать жертвам благополучно покончить с собой, чем тратить силы и лишний раз подставляться под выстрелы.

В горячке боя мы упустили из виду основную угрозу: «миражи».

А коракс — не позабыл о коварных аномалиях...

Звон бьющегося стекла заставил меня вздрогнуть и машинально зажмуриться. Сердце пропустило удар, по ребрам растекся мороз страха. Жесткие края маховых перьев чиркнули по шее, царапая кожу, толчок в плечо сдвинул в сторону и вынудил сделать роковой шаг в бездну.

Глаза резко открылись.

Время замедлило бег. Зеркало треснуло. Большой кусок подхватил Гост, а меньший осколок так и остался в моей ладони — длинная, острая, блестящая и совершенно никчемная стекляшка. Я падал.

Горизонт накренился — медленно, как доска детских качелей. Заросли карагача опрокинулись и превратились в мешанину серых штрихов, надвинулась ближняя стена подстанции, прогнулись свинцовые линзы облаков.

В сознании намертво запечатлелся вытравленный небрежными мазками пейзаж с застывшими на фоне тумана силуэтами воронов.

Инстинктивно захотелось уплотнить воздух под лишившейся опоры подошвой, но мозг услужливо подсказал: чудес не бывает. Поздно.

Когда я уже летел вниз, свободная рука автоматически вцепилась в ботинок Госта и сдернула ногу с трубы. Сталкер тут же потерял равновесие, и я почувствовал, как тяну его за собой. Хорошо, зеркало не расколотил окончательно. Может, хоть ему повезет не попасть в...

Небо рухнуло. Тучи вдруг разродились сизым снегом, хлопья которого быстро заволокли свет солнечного пятна. Пепельная мгла окутала все вокруг, стирая цвета и растушевывая контуры. Холод сковал мышцы и впустил в голову страшные потоки чужих мыслей...

— Воздух! — заорал Лёвка. — Выдыхай!

Его голос остановился где-то далеко, на грани слышимости. Слова я различил, но их смысл никак не отразился в центрах восприятия. Пустой, хрустально прозрачный звук.

И жуткие несвязные мысли, которые сознание должно скорей вытеснить прочь, но не в силах совладать с чужеродной силой... Вот, значит, какая ты в действительности, улица Миражей. Тихая, сумрачная, отстраненная от внешнего мира аномальным пси-полем и пробирающим до костей морозом.

В кончиках пальцев появилось покалывание, из внешнего фильтра выдавилось облачко пара, медленно раздулось и растворилось.

Над захламленным асфальтом аллеи висели три призрачные сферы, преломляющие неверный свет, но беспрепятственно пропускающие сквозь себя темные хлопья. Их чары успокаивали, давали передышку, освобождали от непонятных мыслей и тревожных переживаний. Страх уступал место другому чувству, малознакомому, напоминающему легкость сна, сумевшую просочиться в явь.

Над поселением разнесся стонущий звук. Сферы стали сближаться.

«Миражи». Загадочные аномалии, встречи с которыми избегают даже самые отважные ходоки. Несущие смерть, как говорят, из самой глубины человеческой сути. Легенды, домыслы, байки... И что получается на самом деле? Ни тебе гравитационных возмущений, ни электрических всплесков, ни термических излишеств. Разве что эта пронзающая стужа да легкие наведенные галлюцинации пепельного снега. Отчего же мы вас так боимся, а, «миражи»?

Призрачные сферы соприкоснулись краями, и во все стороны разошлась едва заметная волна. Как секундный обман зрения. Казалось, что само пространство на мгновение всколыхнулось, словно незримая ткань.

Когда-то я уже наблюдал нечто подобное, но теперь не смог припомнить.

Сферы двигались к центру общего радиуса до тех пор, пока не слились в единое целое.

Шарообразное пятно, вскипающее мелкой рябью, зависло над тротуаром и налилось лиловым свечением.

В ушах раскатился громopodobный удар сердца, и я внезапно осознал, что он первый после моего падения. Надо же.

Я все так же держался за ботинок Госта. Миллиметр за миллиметром мы съезжали с трубы вниз.

Кровь тугим потоком устремилась из сократившейся мышцы и надавила на стенки аорты. Человек в обычных условиях не способен почувствовать такое, но в зоне действия аномалий, видимо, раздвигались сенситивные пороги. Зашелестели перья.

Мельчайший осколок зеркала с хрустом столкнулся с другим осколком.

Ноздри втянули пропущенный через фильтры воздух. В нем, несмотря на очистку, было много вредных примесей.

Полчаса назад упавшая ресница с противным шорохом съехала со щеки.

Магнитные линии земной поверхности вспыхнули невидимыми лучами, и я на короткий миг узрел пронзающие все вокруг поля различной напряженности.

Время не замедлилось, не ускорилося. Оно будто сдвинулось в сторону от основной нити, по которой меня тащило всю жизнь. Здесь процессы и явления происходили немного по-другому, имели иные причины и обрастали измененными последствиями.

Пятно, родившееся из сфер, сжалось в точку, но после этого стало расти в диаметре настолько стремительно, что вмиг поглотило и меня, и всю улицу Миражей. Пейзаж изменился: вокруг больше не было запустения, трещины в асфальте затянулись, словно шрамы, ветви карагача отяжелели от листьев, ветер коснулся моего лица, с которого исчезла маска.

Только холод никуда не делся, продолжая сжимать душу. Из окон барака валил дым. Возле центрального входа лежало истерзанное пулями тело, из-за угла раздавались крики, грохотал станковый пулемет. Воздушный пресс сминал цветы — это ударная волна от разорвавшейся гранаты скользила по клумбам.

Никаких светозвуковых игрушек, которые, по инструкции, должны применяться при подавлении бунтов. Все по-взрослому. Боевая РГД-5. Спецназ всерьез осерчал, обиделся на осужденных за оказанное сопротивление. Головорезам было плевать, что среди мятежников нет ни одного мужика — лишь доведенные до отчаяния женщины и дети.

Холод замораживал кровь, поднимался по капиллярам к более крупным сосудам, сковывал вены, артерии и приближался к сердцу.

Я попробовал подтянуться, но лишь стащил Госта еще ниже. Мне не было видно его лица за зеркалом, в котором отражались языки пламени, рвущиеся из дверного прохода. Часть мозга все еще оставалась работоспособной, и я понимал, что «миражи» сместили мое восприятие окружающего мира, заставляя сочувствовать людям, гибнущим от свинцового ливня, огненного шквала и угарного газа. «Не смотреть!» — приказал я себе.

Закрыть глаза не получилось: веки отказались опускаться. Ледяное веяние уже остановило их.

Лёвка говорил, что воздействие «миражей» можно как-то замедлить. Нужно было срочно что-то сделать, но... Я напрочь забыл, что именно. Досадно.

Военных, бунтовщиков, стрекотни пулемета — больше не было. Пламя слизнуло барак, как при ускоренной перемотке киноплёнки, и от строения остались только стены, покрытые жирным слоем копоти. Пыль и грязь замели следы бойни. Всё?

Сердце во второй раз сократилось, отгоняя от себя подступающий по жилам иней. В ушах загудело. В этом мире осталось нечто совсем другое, никак не связанное с трагедией поселенцев. Я чувствовал, как оно надвигается. Неторопливо скользит по площади от постаментов в мою сторону. Я не видел объект, но ощущал приближение настолько явственно, что мог в каждый момент времени точно указать его местоположение. Вот, чуть поменяло траекторию и миновало плац.

Страх, отступивший с появлением чарующих аномалий, навалился с новой силой. Теперь это была уже не просто боязнь за собственную шкуру, а первобытный ужас, лишаящий остатков разума и заставляющий бежать без оглядки.

Тело не слушалось. Кажется, единственным возможным действием было разжать пальцы и отпустить ногу Госта. Упасть...

Глаза расширились, легкие замерли на вдохе, холод с треском ворвался в аорту, осколок зеркала, который я так и не выпустил, хрустнул в перчатке.

Оно приближалось. Свернуло с аллеи, осторожно пересекло по разбросанным бордюрным камням грязную лужу и остановилось за углом.

Предчувствие стало невыносимым. Ожидание неминуемой катастрофы парализовало организм. Каждая клеточка протестовала против бездействия, но невидимая сила блокировала нервные сигналы. Я раскорячился, словно комар в капле янтаря, которому по некоей невообразимой случайности природа подарила всего две способности: видеть и бояться.

Голосовые связки не откликнулись на просьбу о крике.

Помощи ждать было неоткуда — сталкеры не станут губить себя, пытаются спасти товарища, ставшего обузой. Дружба дружбой, а грядки врозь. К тому же у них хватает проблем и без меня. Коракс вот-вот развернется и собьет Дроя, если Зеленый не выпустит болт из своего арбалета...

Откуда взялись эти бесполезные прогнозы?...

Мороз коснулся сердечной мышцы.

Спазм.

Прерванное сокращение.

И миг прозрения, ради которого стоило сорваться в пропасть грез.

Или не стоило?...

Создание медленно вышло из-за угла.

Серые джинсы, футболка, растянутая олимпийка, бежевые ботиночки, тонкая золотая цепочка на шее. Немного сутулая, но не от природы, а от мальчишеской привычки держать

руки в карманах, с вызывающим, но в глубине умным и добрым взглядом да взлохмаченной русой шапочкой волос.

Светлячок посмотрела на меня исподлобья и закусила губу, будто соображая, с чего начать.

Я нахмурился, отмечая мимоходом, что одета она не по погоде. Да и без защиты по этим местам шляться — небезопасно. Нельзя отпускать девятилетнего ребенка на улицу в таком виде.

Мысли растеклись в кисель.

— Па, — наконец промолвила Светлячок, — я тебе хочу что-то показать.

— Покажи, дочь, — машинально ответил я, пытаюсь привести в порядок логические цепочки, которые рвались на отдельные звенья и клеились как попало.

— Там. — Она вынула из кармана олимпийки руку и ткнула пальчиком мне за спину. — Около будки.

Я понял, что она имеет в виду подстанцию, но объект был вне моего радиуса обзора. Попытка извернуться и увидеть то, на что указывала дочь, успехом не увенчалась. Я все так же мог совершить единственное действие: разжать пальцы и упасть вниз.

— Не вижу, — признался я.

Светлячок нахмурила лобик и снова убрала кулачок в карман. Блеснули слезы обиды.

— Ты никогда не оборачиваешься, — с досадой произнесла она.

— Что там?

— Будка и деревья. А за ветками они стоят.

Холод не отпускал сердце, сосуды покрывались белесой корочкой. Нужно было принимать решение: продолжать висеть, сохраняя надежду на спасение, или отпустить берц Госта, чтобы рухнуть наземь и попытаться помочь дочери. Хотя она не казалась напуганной, что-то подсказывало мне: «они» могут причинить Светлане вред. Нельзя было пускать ее гулять одну.

В прошлые выходные девчонки из параллельного класса расцарапали ей лоб и серьезно подрали шмотки, норовя проучить за говорливость. Светлячок вообще не шибко ладила с контингентом престижной школы, предпочитая гонять в футбол с пацанами из простых семей. Холеные ровесники сторонились острой на язык гордычки, иногда дело доходило до потасовки. У нее с самого детства было что-то мое в характере.

Но теперь в глазах Светлячка не осталось и тени спеси или протеста. Она внимательно следила за теми, кто находился у подстанции.

— Бестолочь, — сорвалось с моих обескровленных губ.

— Я? — удивилась она.

Что же здесь такое творится? Я ведь хотел сказать совсем не то! Пришлось напрячься изо всех сил, сконцентрироваться.

— Бес... Бе... Беги.

— Я не могу, пока не посмотришь. Как ты не понимаешь! Ведь они не отстанут.

Светлячок открыла рот, но так и не нашла нужных слов. Казалось, она обескуражена тем фактом, что я не улавливаю сути простых вещей. Ритм тяжелых шагов разбил монотонную тишину. Они решили больше не ждать. Маслянистая, черная, как угольная пыль, рука едва не ухватила девочку за рукав, когти рассекли воздух.

Истошный визг дочери полоснул по мозгам, как скальпель.

— Беги-и-и! — заорал я, разжимая пальцы и срываясь вниз.

Янтарь застывшего времени треснул и разлетелся в невесомую крошку. События стали разворачиваться быстро, сам я начал двигаться с нормальной скоростью, но с непривычки казалось, будто летаю молнией. Движения получались резкими, дерганными.

Еще в падении я выгнулся и коснулся поверхности, будучи вполборота к неведомому противнику. Скомпенсировав удар согнутыми в коленях ногами, я удержал равновесие и умудрился не завалиться с ходу наземь. Взмах и удар наискось. Фыххщ!

Осколком зеркала, который так и не выпустил из левой руки, я со свистом рассек пустоту. Надвигающаяся фигура успела обернуться бесплотной тенью, прежде чем стекло вспоролو чернильную гладь шеи. Я отпрыгнул от пронесшегося мимо силуэта.

Доставать автомат было некогда, поэтому мне пришлось и дальше использовать лепесток зеркала в качестве оружия — благо, во время первого удара он съел воздух и не переломился.

— Па, смотри на них! — Светлячок заломила ручки. — Смотри! Тогда они становятся настоящими! Ты же сам меня учил! Смотри! Смотри! Смотри!

Я собрал волю в кулак и попробовал зафиксировать в поле зрения скользющую по дуге тень. Тщетно. Размытый овал стремительно сместился влево, нырнул между балками стойки, оставил в сухой траве примятый след и скрылся за грудой мусора.

В легкие ворвался резкий аромат озона, как после разрядки «электры».

За спиной послышался шелест. Реакция у старины Минора все еще была на уровне, поэтому уже через полсекунды я стоял к нападающему лицом, выставив вперед осколок. Но сумрачное пятно успело погасить инерцию, изменить траекторию движения и вновь уйти из сектора обзора.

Поймать взглядом противников я пока не успевал, но перемещения отслеживал четко, представляя, где находятся в каждый момент времени оба атакующих существа.

Мы обменялись еще парой выпадов. Я применил обманный финт, но стеклянный клинок опять не принес никому вреда.

Смушал вроде бы хаотичный стиль ведения боя. То один приблизится, то второй, одновременно не нападают, внятного тактического рисунка, с первого взгляда, вообще нет. Увы — только с первого взгляда.

Мне хватило опыта и расчетливости прикинуть вероятностные векторы дальнейших передвижек, и открывшаяся картина совершенно не порадовала.

Спираль сходилась в одной точке: предполагаемым центром был угол барака, где продолжала стоять Светлячок.

— Беги же! — снова крикнул я, следя за тенями. Почему она не бежит? Что-то держит ее? Что, что, что не так?

— Это будет очень больно, па... — пробормотала она, не двигаясь с места. — Тебе надо было обернуться раньше...

Я хотел было успокоить ее, но понял: дочь права. И жуткое ощущение катастрофы прострелило вдоль позвоночника, парализуя, приковывая ноги к земле, отдаваясь ломотой в суставах и болью в зубах.

Блеклые силуэты метнулись в разные стороны, и пока я разворачивался, один из них успел подобраться к Светлячку сзади. Истошный визг повторно разнесся по округе. Отсек все лишнее.

Я замер и наконец смог сосредоточиться на переливчатом облачке сумрака, нависшем над моей дочерью. Я наконец увидел то, чего подсознательно боялся больше всего на свете. Наверное, стоило дать разуму поверить в это, а не тешить себя иллюзиями и надеяться на благополучный исход.

То, что отразилось искаженными линиями на бритве зеркала, оказалось намного страшнее надуманных монстров.

Рядом с побледневшей девочкой стоял не угольник. Это было бы слишком просто. Настоящий ужас приходит совсем не оттуда, откуда мы ждем. Он оттого и пробирает до костного мозга, что неведом до поры до времени.

Даже самый отчаянный и искушенный воин бессилен, когда перед ним нет противника. Не с кем драться. Вся ярость становится бесполезна. Расчетливость и хладнокровие превращаются в никчемные приатки пустоты, тихо вползающей в тебя через тонкую нить восприятия. Словно яд течет по трубочке к самой душе, неуловимый, как суть ночного кошмара.

Моя дочь таяла. Не тьма, воплощением которой были стремительные тени, убивала ее. Нет. Ее вообще никто не убивал. Светлячка просто никогда не было.

И рука, крепко сжимающая плечо под сморщенной олимпийкой, всего лишь не давала девочке упасть. Рука поддерживала.

Меня просто-напросто бесстрастно ознакомили с не случившимся будущим. Это было не чувство потери — как можно потерять то, чего никогда не существовало? — это было гораздо глубже и неизбежнее. Холод, остановивший сердце, не давал шанса на откат. Путь завершен. Тупое мельтешение задних конечностей по холмам Зоны и рысканье в поисках хабара — это уже не путь. Все давным-давно закончилось. Нельзя спасти сразу всех...

В грудь внезапно ударило что-то тяжелое, вышибив дух. Мир подернулся, перед глазами поплыли ртутно-серые пятна. В горле запершило. Неприятный хруст пробрал до костей, на зубах осталась мельчайшая крошка.

Я изо всех сил оттолкнулся и прыгнул к исчезающему лицу Светлячка. В ее глазах застыло недетское сожаление и легкий укор, говорящий о понимании происходящего. С хрипом я пролетел сквозь пустоту и врезался в стену барака. Та от несильного в общем-то толчка рассыпалась в труху. Тут же просела крыша, разъехался хлипкий фундамент. А затем раздался громкий треск, и тяжелая балка упала мне на грудь торцевой частью.

Зверский удар окончательно лишил меня возможности дышать. На языке почувствовался вкус крови.

— Ствол в зубы суй, чтоб пасть не закрыл... — издалека долетело до сознания. — Осколок! Глянь! Минор, тело ты фонящее, не глотай...

Похоже на болтовню Дроя. Значит, они сумели отбиться от воронья. Это хорошо.

Следующий тычок под дых был уже лишним. Морок отступал, пелена перед глазами рассеивалась, предметы обретали более-менее знакомые очертания, к тканям и органам возвращалась чувствительность.

Шарах! И нервы взорвались веером импульсов, несущих боль.

Потревоженная рана на плече! Потянутая связка в районе запястья! Отбитый бок! Кусок зеркала в глотке... Я резко открыл глаза и сел, рефлекторно пытаюсь вытолкнуть из горла чужеродный предмет. Ствол «Потрошителя», который сталкеры втиснули мне между зубами, отскочил в сторону. Хорошо, что удалось сдержаться и не сглотнуть — иначе тонкая полоска стекла рассекла бы слизистую к чертовой матери.

— Замри. И не вздумай сплевывать или глотать, — прошипел Гост в самое ухо. — У тебя в горле осколок размером с карандаш.

Хотелось немедленно отхаркнуть острую гадость и заорать: «Сам знаю, пижон ты сраный!» — но я стерпел, понимая, что любое неосторожное движение или произнесенное слово могут привести к нелепой и крайне мучительной смерти.

Зрение еще не вернулось в фокус, но контуры трубы и силуэт Зеленого, прикрывающего меня уцелевшим зеркалом, уже четко проступали на фоне серого пейзажа. «Неужто обошлось?».

Радостная мысль обрушилась на меня, будто ведро воды на иссыхающего в пустыне путника. Но следом внутренний взор заполнило свежее воспоминание о дочери, и на душе потемнело.

В деснах затрепетала боль. Ощущение сочащейся плоти вызвало приток адреналина. В глотке неприятно заклокотало. Голова наклонилась, болтающаяся на шее дыхательная маска уперлась углом в подбородок, на фильтр закапала кровь, скользнувшая струйкой из уголка рта.

— Хлеборезку растопырь! — рявкнул Дрой, наклоняясь ко мне.

Я вскинул голову и постарался отвалить нижнюю челюсть на максимально возможное расстояние. Почувствовал, как стекло впивается в небо. От чудовищной вспышки боли перед глазами вновь помутнело.

Дрой стянул перчатку и сунул мне в рот два пальца, остро пахнущие гарью и потом. От тошнотворного позыва у меня глаза на лоб полезли, я автоматически схватился за его локоть, не давая действовать.

— Грабли убери! — прорычал Дрой, пытаюсь ухватить скользкий кончик осколка. — Кому сказал, культя прочь, если жить хочешь!

Жить я хотел. Вне всякого сомнения. Но пальцы продолжали сжимать его руку, несмотря на понимание ситуации. Видимо, какой-то древний инстинкт боязни острия был настолько силен, что нутром игнорировался даже здравый смысл. Бывают случаи, когда потроха не сразу слушаются мозга.

Наконец я заставил себя успокоиться. Медленно разжал пальцы, отпустил локоть Дроя и закрыл глаза. Красная муть тут же поплыла во все стороны, а режущая боль с новой силой ударила по нервам.

— Не шевелись, — сказал Дрой, сосредоточенно сопя рядом. — Почти ухватил.

Когда рвотные спазмы больше невозможно было сдерживать и мысленно я попрощался со скотским миром, так нелепо убивающим своего верного подданного, рывок веснушчатого сталкера прервал мои мучения. В хорошем — слава всем Демонам Зоны! — смысле слова.

Полоска зеркала вышла из моего горла, и боль стихла.

Зато кровотечение усилилось. Рот стал быстро наполняться теплым и соленым. Я сплюнул багряные сгустки венозной крови, и меня таки вырвало аккуратно на берц стоящего рядом Госта.

— Сначала пятку чуть не поломал, теперь на ботинок наблевал, — вздохнул он, брезгливо стряхивая желчь с подошвы. — Чем тебе моя нога так не угодила, родной?

Я хотел съязвить в ответ, но язык ворочался плохо, и получилось лишь невнятное мычание.

— Держи. — Зеленый протер платком «светляк» и протянул его мне. — Клади в рот — остановит кровотечение. У меня ожоги почти зажили, тебе сейчас нужней.

Небольшой ртутно-зеленый шарик был теплым. Я прижал его языком к располосованному нёбу и жестом попросил «выверт», чтобы радиации не нахвататься. Приложил к щеке, облегченно вздохнул. Уже через минуту раны стали затягиваться, хотя до полного заживления было еще далеко.

Лёвка, прикрываясь зеркалом, подошел к нам и пристально осмотрел меня. Удовлетворенно покачал головой.

— Шево башкой мотаешь? — прошепелявил я, поднимаясь. Он показал глазами на свой искалеченный сустав.

— Теперь ты тоже знаком с «миражами».

— Да уж...

Меня передернуло. Образ девочки в серых джинсах стремительно стирался из ложной памяти, но я понимал, что до конца он не исчезнет. В каком-то уголке сердца теперь навсегда останутся укоризна, истлевшая в детских глазах, и ее последние слова: «Это будет очень больно, па... Тебе надо было обернуться раньше...». Бр-р-р.

— Коварные штуковины, — понимающе кивнул Лёвка, внимательно следя за моим лицом. — Что видел?

Я промолчал.

— Сильно ребра болят?

— Терпимо.

Только теперь я обратил внимание на остаточную пульсацию в районе солнечного сплетения.

— Мне пришлось в грудак тебе лупить, чтоб воздух из легких вышибить, — объяснил он. — Иначе бы «мираж» тебя наглушняк извел.

— Дал ты жару, брат, — сердито проговорил Дрой, переламывая пресловутый осколок. — Помнишь хоть что-то?

— Не-а.

— Сорвался ты, но Гост быстро сориентировался и втащил твою тушку обратно. Сначала вроде казалось, будто эта мерзость и не подействовала: ты даже показал Зеленому на пернатого переростка, да так грамотно, словно предугадал следующее движение. Тот вовремя и пальнул из стрелоплюва — больше не из чего было, я ж не успевал перезарядиться. Но через полминуты проняло тебя по полной. Упер осколок в трубу и стал

на него насаживаться — неторопливо так, со знанием дела. Давненько я ничего жутче не видел... Еле успел тебя, дурака, под челюсть схватить. И то вон какой осколочек зажевал.

Дрой подмигнул и широко ослабился. Меня слегка отпустило при виде его дебильной ухмылки. Сердце забилося ровнее. Тиски всепроникающего холода наконец разжались.

— Так ты что же, — обратился я к Зеленому, — умудрился из арбалета вожака подстрелить?

— Ага, — гордо выпятил тот нижнюю губу. — Правда, не насмерть, только крыло продырявил. Но он ретировался, а за ним и прихвостни сдригнули.

— Новый вид меж тем, — хмыкнул Гост. Взглянул на Лёвку. — Встречал раньше этого красавца?

— Коракса? Да, видел, — не стал отрицать проводник. — Как раз когда руку сам себе вывихнул.

— Пойдемте уже отсюда, — сказал Зеленый, напуская на себя привычную меланхолию. — Поганое место.

Мы выстроились цепочкой, прикрываясь уцелевшими зеркалами, и осторожно двинулись дальше по трубе. В самом центре изгиба, который не зря показался нам подозрительным, и впрямь было гнездо. Проходя мимо сложенного из веток «тазика», Дрой не выдержал и пнул его ногой, превратив подобие порядка в хаос.

В чем-то я был с ним солидарен, хотя и не разделял привычку выпускать пар при первом желании. Когда мы минули опасную зону, слезли с трубы и припрятали зеркала в щели между плитами возле одной из опорных стоек, Гост остановился передо мной и посмотрел в упор. В его пронизательном взгляде, в гуляющих на скулах желваках, в знакомом прищуре таился не озвученный вопрос.

— Я видел дочь.

Тихо произнесенные слова прозвучали неоправданно громко в повисшей над поляной тишине. Ветерок снес облачко пара, вылетевшее из фильтра.

Кажется, мне всё-таки удалось его удивить, хотя сталкер наверняка готовился к неожиданному ответу. Что ж, здесь не угадаешь. Как там было написано на стенке? Приходи без судьбы? Очень верно подмечено. Выцарапавший эти слова оказался чертовски прав: нечего в Зону со своими потрошками соваться. Сюда нужно приходить пустым.

— У тебя есть дочь? — спросил Гост, прекрасно понимая, что я не стану распространяться на личную тему. Как-то растерянно спросил, риторически.

Я улыбнулся под маской самыми краешками губ. Медленно опустил веки, так же медленно поднял их. И ответил, хотя никто не требовал.

— Нет, — прошептал я еле слышно. — Это был мираж. У меня никого нет.

Глава седьмая. «Федерация»

Беседа не клеилась. После инцидента на улице Миражей решено было сделать привал, чтобы перекусить, перемотать портки и зализать раны. Мы выбрали удобную для временного лагеря площадку рядом с размытой котловиной. С одной стороны местность великолепно простреливалась на добрый километр, а с другой колыхалась глинистая жижа, по которой атаковать решился бы разве что полный кретин. Нас тоже было видно издалека, но места возле Тихой Гавани были непопулярные, поэтому опасаться стоило лишь шальных мутантов или дерзких ходоков-одиночек, но никак не клановых сталкеров или военных патрулей. Даже если за нами и продолжалась погоня, то ребята из подразделения «Пыль» изрядно отстали, и, совершив лихой рейд через колонию «миражей», мы заимели фору часа в два, не меньше. Теперь взять нас нахрапом не удастся. «Пылевики», конечно, могут воспользоваться вертолетами, но вряд ли рискнут ходить здесь на малых высотах: это крайне опасно и, прямо скажем, накладно — можно тоннами керосин жечь, кружа в поисках крохотной группы сталкеров, знающих толк в маскировке.

А вот обнаружить нас по сигналу с ПДА — это запросто.

Мы уже минут десять без удовольствия лопали консервы и бросали друг на друга подозрительные взгляды исподлобья. Едва кто-то пытался обвинить в сливе информации соседа, как тот мгновенно находил контраргумент, и коситься начинали уже на предъявителя. Понятное дело, что малознакомому Лёвке досталась львиная доля подозрений, но и остальные не отставали. Что уж говорить, коли такие старые корефаны, как Гост и Зеленый, готовы были друг на друга катить бочку и пачками вспоминать прошлые обиды. Тушенка не лезла в глотку.

— Знаете, что меня больше всего напрягло, когда кого-то из вас Коломиным окликнули? — Гост дзенькнул ложкой о банку, манерно оттопырив мизинчик. — То, как Зеленый мнение поменял. До этого он был против прогулки по улице Миражей, а тут вдруг — опа! — и махом подрядился.

— А знаешь, что меня напрягает... родной? — Зеленый явно подначивал Госта, используя его любимое обращение. — То, что ты себя со счетов автоматически сбрасываешь. «Когда кого-то из вас окликнули Коломиным... Тря-ля-ля...». Не слишком ли самоуверенно? Я твоего паспорта не видел, чтоб поверить, будто ты не тот самый Колонии, за которым «пылевики» охотятся.

— Адресом ошибся, — отрезал Гост. — Моя настоящая фамилия породит ненужные слухи.

— Дисней? — гыгыкнул Зеленый.

— Не, Рональд Макдональд, — тут же ощерился Дрой. И подмигнул Госту: — Дядя, поделись консервбургером, а?

Гост оторвался от тушенки и медленно перевел на него взгляд. Холодный, колкий. Улыбка махом съехала с рожи Дроя.

— Что, за живое задел? — участливо поинтересовался он. — Думаешь, если твой схрон пришлось пользоваться, теперь все тебе должны по гроб?

— Кто мне должен, знает сам. В том числе и ты, — ответил Гост. — Или позабыл о дележе февральского хабара из Кислотной Лощины?

— Что причитается, верну, — выщедил Дрой, поджав сухие губы. — А насчет фамилий... Знаешь, компаньон, я готов разменять свою на твою. Озвучим?

Слово «компаньон» прозвучало пренебрежительно и обидно. Гост сглотнул, раздумывая над ответной репликой. Зеленый напрягся, сложил вилку и убрал швейцарский ножик в чехол. Только Лёвка как ни в чем не бывало продолжал уплетать галеты и грызть закаменевший кусочек сыра, словно разговор его вообще не касался.

— Я не обязан называть фамилию, — наконец решил Гост. — Но солдафонам инфу не сливал. Веришь ты или не веришь — мне плевать. Если есть претензии, можно... размяться на лужайке.

— Не вопрос. — Дрой привстал и отложил дробовик. — Я, кажется, сожрал лишнего. Как раз калории скину.

Ой, как все, оказывается, плохо. Я внимательно проследил за сосредоточенным взглядом Госта, уверенными движениями Дроя, хмурым, как грозовая туча, Зеленым и пофигистичной физиономией Лёвки. Команда вот-вот развалится: взаимное доверие напрочь отсутствует. А если эти двое ершистых хищников сейчас друг другу бока намнут — совместный поход можно считать неблагополучно завершенным. В общем, казус мог выйти невероятный.

Что ж, надо попробовать остепенить горячих борцов за справедливость.

— Еще шаг, — предупредил я, — и потопаете обратно. Оба.

— Иди горлышко календулой пополощи, пионервожатый, — огрызнулся Дрой, продолжая буравить Госта взглядом.

— Как знаешь, — пожал я плечами. — Дальше мы с Лёвкой идем вдвоем.

Все повернулись ко мне. Уже лучше. Привлечь внимание участников и заставить их слушать — значит наполовину урегулировать конфликт.

— Совсем головкой повредились? — гаркнул я, морщась от стрельнувшей в глотку боли. — Вам, блин, адреналина не хватает?

— Родной, чего расшумелся... — начал было Гост, но я его грубо оборвал, со всей дури шарахнув прикладом по консервной банке. Так, чтоб погромче вышло, подемонстративней. Я понимал, что в этот момент либо сумею перехватить инициативу, либо наше путешествие и впрямь будет окончено. Расплющенная банка с жестяным грохотом отлетела в котловину и шлепнулась в жижу. Нужно было поставить точку.

— Я Коломин. «Пылевики» за мной идут. Довольны?

На добрую минуту установилась тишина. Дрой простецки отвалил челюсть, Гост недоверчиво приподнял верхнюю губу, Зеленый расширил глаза, Лёвка проглотил последний кусочек сыра и уставился на меня, как на дурака. Казалось, что ошарашены все, но я-то прекрасно знал: один блефует. Теперь все зависело от того, поверят ли трое сталкеров откровенной лжи и не решит ли раскрыть себя настоящий Коломин. Последнее, честно говоря, существенно облегчило бы всем жизнь. Первым обрел дар речи рассудительный Гост.

— Что нужно «пылевикам»?

— Не что, а кто. Коломин.

Я поймал его взгляд и замер. Гост был чрезвычайно чутким на брехню, поэтому врать не имело смысла. Хотелось верить, что я и не соврал. Вот бы самому знать...

Через некоторое время Гост всё-таки моргнул и опустил глаза.

— Знаете, что? — не выдержал Дрой, сложив руки на груди и насупившись. — Я так не привык. Я человек прямой, и от этих вот недомолвок у меня пищеварительная система сбоят. Запутали вконец. Если ты, Минор, и есть Коломин, то запалил ты нас порядочно, и я тебе сейчас в глаз дам.

— Чем тебя запалили? — уточнил я, продолжая избегать в речи прямой лжи. — Тем, что солдатики разок из «гаусса» пульнули? Да ты ежечасно на свой зад больше проблем клеишь.

Дрой хотел что-то возразить, но почесал в затылке и захлопнул пасть. Еще бы! Тут уж я прав на сто процентов, и он это прекрасно сознает.

— Давно так на пустом месте не собачились, а, — покачал головой Зеленый. — Грустно все это.

Гост достал из кармана пачку сигарет и предложил всем угоститься. Я взял длинный коричневый цилиндр, лизнул фильтр, ощущая вкус вишневых косточек, прикурил от предложенной спички и затянулся. Закашлялся от крепкого дыма, защекотавшего свежие ранки в горле. Больше никто пижона не поддержал.

— Ждете, что я проясню ситуацию, — полувопросительно сказал я, выпуская сизую струйку. — Не дождетесь.

— Теперь уж как-то по фиг, — признался Дрой. — Погано, что «пылевики» не отвяжутся, пока не получат то, что им нужно. Может, отдашь им?

Я внутренне взвыл: «Да если б я знал, что этим упырям в погонах надо!» Вслух произнес спокойно:

— Всему свое время.

— Так-то оно так, но ты всех под удар ставишь из-за личной прихоти, — резонно отметил Зеленый. — Не хорошо.

— Без очень уважительной причины я никогда и никого под удар не подставляю, — жестко отрезал я. И не соврал ни на йоту. — Вы меня знаете.

— Это меня и смущает, родной. — Гост бросил окурок на землю, затушил ботинком. Подытожил:

— Пожрали, почти посрались. Всем полегчало. Стало быть, в путь?

Дрой кивнул.

А я так и остался ни с чем. С одной стороны, все указывало на Лёвку, а с другой — мне не давала покоя мысль о странной просьбе паренька сопровождать его и помогать по дороге в логово угольников. Он знал, что военные будут его преследовать, но не бежал от них. Он словно бы упорно шел к поставленной цели, пользуясь для ее достижения всеми разрешенными и запрещенными приемами.

Ему категорически нужно было попасть к шахте в окрестностях завода «Юпитер», где нечто породило жуткие создания. Только вот — зачем? Что он там хотел найти?

Я в который раз украдкой взглянул на Лёвку. На его лице застыло отрешенное выражение. Никаких эмоций, ничего. «Ты все мне расскажешь, братец партизан, — подумал я. — Я знаю, как тебя заставить это сделать. Но это чуть позже. Пока думай, что я отвел от тебя интерес команды. Заблуждаться иногда полезно для будущего взаимопонимания».

До Тихой Гавани оставалось километров пять. Проскользнув по улице Миражей, мы ощутило сократили путь. Теперь не нужно было делать лишний крюк через крайний могильник. Правда, я чуть было душу не отдал взамен срезанного расстояния, но у всего есть цена. Даже у души.

И скажем без обиняков: то, что она до сих пор продолжала обременять мое тело, несказанно радовало.

Часа два мы петляли между аномалиями и болотными топями, которые здесь попадались все чаще. Усталость не критично, но ощутимо давила на форсированный долгим марафоном организм: замедлилась реакция, мышцы все сильнее забивались молочной кислотой, ноги становились тяжелее с каждым шагом, а череп — с каждой следующей мыслью.

Первым шел Лёвка, выбирая маршрут, и претензий к нему ни у кого не было — парень знал свое дело. Дрой даже пару раз многозначительно хмыкал, глядя, как бывший подопечный ловко определяет границы опасных участков.

Лёвке не просто везло, когда он бросал очередной болт и твердо ступал на чистое место. Он интуитивно определял вектор движения по едва заметным деталям окружения, будто бы видел путь в эфемерной материи мира. Прирожденный следопыт, таких опытные ходоки сразу чувствуют. Такие в Зоне — на вес золота.

Когда мы вышли из нагромождения деревьев и бурелома на относительно ровную местность, он остановился, осторожно приподнял уголок дыхательной маски и втянул воздух.

— Проблемы? — спросил я.

Лёвка указал на еле заметный дымок, вьющийся из низины. Ох и глазастый у нас провожатый! Струйка еле-еле различалась на фоне тумана.

Я включил ПДА, дождался, пока загрузится система и сканер откалибрует изображение по трем маячкам. Секунд десять! Отличную, оказывается, игрушку я у Фоллена взял — мой старый наладонник шуршал вдвое дольше. Стало быть, не зря всё-таки я в тренку старому прохиндею слил и за Периметр смотался.

В ящике мигало одно входящее, но я решил прочесть сообщение попозже и переключился на окошко радара. Никаких сигналов из низины не поступало. Ни отраженки, ни позывных чужих ПДА. Я перевел датчик в инфракрасный режим, и на экране поплыли темные сине-зеленые разводы, в которых угадывались контуры местности. Ни ярких оранжевых, ни желтых пятен, свидетельствующих о теплокровных организмах, не появилось. Лишь бордовая клякса не до конца затушенного костра.

— Уроды, — буркнул я. — Кто ж такое палево оставляет.

— Нужно смотреть в оба, — сказал Гост, показывая пальцем в тепловые разводы от разбросанных углей. — Те, кто оставил золу, ушли совсем недавно. Полчаса, максимум час назад. И они торопились.

— Куда отсюда можно двинуть? — спросил Дрой. Кивнул в сторону сизых силуэтов кривых мостков: — Это же и есть Гавань, как я понимаю?

— Да, — подтвердил Лёвка. — Отсюда можно пойти тремя путями: через могильник, к улице Миражей и в Гавань. Мы никого не встретили, поэтому остаются два варианта. И лучше бы эти кто-то потопали к могильнику, иначе возле воды нас ждет засада.

Дрой осклабился:

— Есть и плюсы: хоть по людям постреляем, а то по птичкам — как-то неспортивно.

— Циник, — печально произнес Зеленый и побренчал тетивой арбалета.

Мы направились в сторону мутно-болотной плашки, видневшейся за береговой полосой.

Тихая Гавань была действительно тиха. В этом месте река совершала поворот, образуя широкую заводь, в которой когда-то находился небольшой причал и дом рыбака. Теперь от крепких конструкций осталась бревенчатая труха да ржавый скелет из сваренных труб, горящий над мертвой водой. Течения в самой заводи практически не было, поэтому казалось, будто темная масса застыла под гляцевитой пленкой. Но за мысом картина кардинально менялась. Там течение имелось, и нехилое. В фарватере из-за неровности дна образовывалась турбулентность: самый настоящий омут очаровывал путников своей смертельной красотой. Воронка держалась на одном и том же месте уже не первый год, и некоторые ученые предполагали, что в глубине обжилась какая-то мощная аномалия. Исследовать омут никто не решался, да и смысла в подобном геройстве особого не было. Бурлит и пусть себе бурлит — главное, на прохожих не бросается.

У останков причала торчали мостки, отстроенные несколько лет назад неизвестно кем и без уловимой цели. Ведь рыбы в здешних водах давным-давно не водилось, ну а купаться в ядовитой луже решился бы только умалишенный мутант. Говаривали, правда, будто по ночам от этих мостков исходит призрачное свечение, и, если подойти близко-близко, можно увидеть, как возле них плещутся те, кто их соорудил. Байки, понятное дело, причем довольно нелепые — я бы и в серьезном подпитии в такой бред не поверил. Но главной достопримечательностью Тихой Гавани были вовсе не мостки и не таинственная червоточина омута. Основным объектом споров и домыслов оставался корабль. Накренившийся на правый борт баркас «Федерация» стоял на каменистом мысе, окруженный пугающим ореолом легенд и таким мощным радиационным фоном, что приблизиться к нему не решались даже ученые в продвинутой экипировке. Количество схваченных рентген на единицу времени было столь чудовищно, что надевай хоть броню «Тигр», увешанную «пузырями» да «вывертами», — прошибало влет. Дозиметры зашкаливали. Даже на расстоянии полусотни метров от судна фонило что в твоём реакторе. Откуда взялась «Федерация» здесь, в южном рукаве Припяти, — никто не ведал. Скорее всего корабль принесло из северных водосборников и прибило течением. Складывалось впечатление, будто баркас полон урана или плутония, но несколько искателей, рискнувших шустро пожить грузом, вернулись ни с чем. Трюм был пуст.

А еще говаривали, что «Федерацию» занесло в эти края по Днепру аж из Черного моря. Кажется, лет пять назад один из бывших моряков, заделавшийся сталкером, распустил слухи, будто сама пучина отвергла проклятый промысловый корабль и отправила его в долгое путешествие супротив течения в Тихую Гавань, а команду обрекла на утопление у призрачных рыбацких мостков. Столь суровое наказание «Федерация» заслужила якобы потому, что капитан был настоящим пиратом: кроме ловли рыбы, он выслеживал отбившиеся от регаты яхты, грабил их владельцев и пускал ко дну. Сказка оказалась красивой и пошла в народ, быстро став одной из многих тем для разговоров во время нетрезвых посиделок.

Лично меня больше всего веселило несоответствие пафосного названия и неказистого внешнего вида суденышка, которое хоть и выглядело крепким, но уж никак не тянуло на целое союзное государство.

Возле мостков мы остановились. Потемневшие доски висели над гладью, покрытой радужной пленкой. Вода замерла, как под тончайшим стеклом, боясь, что ее спокойствие вот-вот потревожат.

— Мазут? — удивился Гост

— Солярка, — поправил Лёвка.

Он внимательно оглядел скользкие валуны, пригнувшись, словно пёс, ищущий след. Прошел вдоль берега, остановился возле основания мыса и обернулся.

— Нас едва не опередили.

— Ты говорил о плавсредстве, что волшебным образом доставит нас к Припяти, — напомнил Дрой. — Или мы опоздали на рейсовый кораблик?

Лёвка проигнорировал вопрос — к этой его дурацкой привычке я уже стал привыкать.
— Глядите на следы, — сказал он, указывая на еле заметные отпечатки узких шин.
— Мопеды, что ль? — подходя ближе, спросил Зеленый. Парень покачал головой.
— Велик. Один. Следы ведут в разные стороны. Вот, смотри на рисунок протектора.
Кто-то подбирался к баркасу, но свалил незадолго до нашего прихода.

— И костер бросил впопыхах, — задумчиво произнес Гост, опершись на «Потрошитель», как на посох.

— Да, — кивнул Лёвка. — Видимо, горе-велосипедисту в голову пришел тот же план, что мне, но силенок не хватило в одну харю многотонную махину на воду спустить. Он и свалил несолоно хлебавши.

— Какую махину? — непонимающе уточнил Дрой.

— Вот эту, — сказал Лёвка и мотнул головой в сторону «Федерации». Он посмотрел на Дроя и пожал плечами: — Здесь других нет.

Пауза длилась секунд десять. Все соображали. Мне показалось, что мозг Дроя аж поскрипывает от напряжения, пока там цепляются друг за дружку извилины и логические звенья выстаиваются в правильный узор.

— Не понял, — наконец сдался он.

Видно, узор не сложился.

— Чего ты не понял, — проговорил Зеленый, осторожно косясь на Лёвку, словно на сумасшедшего. — Кажется, нас сватают на борт вот этого радиоактивного корыта.

— Оно не радиоактивно, — возмутился Лёвка.

— И на ходу? — подначил я его.

— Именно. Разве я вам не объяснил?

— Нет, ничего ты нам не объяснил.

— У этого баркаса обычный для здешних объектов радиационный фон.

— А счетчики Гейгера врут?

— Да.

Я умолк и обернулся за поддержкой к сталкерам. Собственные аргументы кончились. Как растолковать парню, что не все приборы ошибаются? Башковитые обитатели станции на Янтаре неоднократно делали замеры возле «Федерации» и пользовались не бирюльками вроде наших ПДА системы «пять в одном», а серьезными научно-измерительными хреновинами.

Гост стащил маску, шумно высморкался в носовой платок и подытожил:

— Похоже, мы зря сюда пёрлись.

— Большинство проблем у олдскульных сталкерюг возникают от косности мышления и стереотипной зависимости, — выдал Лёвка.

— Я тебе сейчас «фанеру» пробью, — пообещал Дрой, наливаясь кровью. — Мигом уразумеешь, как у меня с костностью в кулаках.

— В этом слове нет буквы «т», — поправил его парень. — Не кипятись, я сейчас все объясню доступным даже для тебя языком.

— По рукам. Но если вдруг не пойму — зашибу.

— Одной из характеристик счетчика Гейгера является зависимость его радиационной чувствительности от энергии ионизирующих частиц.

— Зашибу, — напомнил Дрой. — Физику преподавать иди знаешь куда...

— Да погодь ты! — одернул его Зеленый. Уточнил у Лёвки: — Если мне память не изменяет, на профессиональном жаргоне график этой зависимости называют «ходом с жесткостью»?

— Приятно иметь дело с образованной личностью, — кивнул парень.

Глаза Дроя налились кровью, взгляд потемнел. Ох, зря малой на рожон лезет — еще пару подобных ремарок, и останемся без проводника. Причем сам Лёвка попросту игнорирует взбешенного Дроя. Либо он донельзя глуп, либо заряжен на победу гораздо серьезней, чем все мы думаем. И второй вариант выглядит куда достовернее.

— Когда я впервые попал в Тихую Гавань, — продолжил Лёвка, — меня удивил один факт. Почему болты, которые я швырял возле жутко фонащего корабля, после вынесения из зоны активности не излучали? Я свинтил с палубы пару деталей, утащил подальше, проверил: обычный фон. Один очевидный факт противоречил другому не менее очевидному, а в Зоне это означает...

— Присутствие близкой аномалии, — закончил фразу Зеленый.

— Точно так. Тогда-то мне в голову и пришла мысль: а что если радиация наведенная? Вдруг на судне есть какое-то поле или артефакт, создающие иллюзию жесткого фона?

— Надо проверить на мягкое бета-излучение! — воскликнул Зеленый. — Если фонит сильно, все сразу ищут мощные гамма-частицы, а не относительно безобидные бета!

— Именно. Я притащил радиометр, оставил в окошке кварцевую пластинку и замерил. Мягкого фона не было. И тогда стало ясно — корабль не радиоактивен. Радиация наведенная, как галлюцинация. Мы видим ее на приборах, где скомпенсирован ход с жесткостью.

— Все, — решил Дрой. Он ткнул пальцем в грудь поочередно Лёвке и Зеленому. — Если вы быстро не перескажете суть идеи в одном предложении, покалечу обоих.

— Сам корабль — не источник вторичного излучения, — сказал Зеленый. — На нем есть родник аномальной энергии. Эта червоточина и создает иллюзию сильной радиоактивности.

— Уже два предложения, — нахмурился Дрой, но пыл поубавил.

— Кроме болтов и железяк, на чем-нибудь проверял? — спросил Гост у Лёвки.

— На растениях, потом на себе, — ответил тот. — Все чисто. Странно, что никто не догадался раньше.

— Ничего странного, — пробурчал Дрой. — Кому сдалась эта ржавая кочерга.

— Еще раз повторяю: она не ржавая. Баркас на ходу, более того, в баках полно солярки. Видимо, самый простой расклад никому не приходил на ум.

— Если верить следам от покрывшек — кому-то все ж пришел, — нахмурился я, возвращаясь мыслями от занятой теории к практике и быту. — Зато теперь я понимаю, почему ты упорно повторял, что вдвоем мы не справимся.

Все обернулись и уставились на меня. Я пожал плечами, констатируя:

— Попробуй эту дуру в два хребта на воду столкнуть. Кишочки через попку выпадут.

— Выключайте детекторы, чтобы трескотня счетчика на нервы не действовала, и айда те сооружать настил, — сказал Лёвка. — Мостки, пожалуй, сгодятся.

— Даже если предположить, что радиация наведенная и на баркасе можно без вреда для здоровья плавать, — не сдавался Дрой, — откуда в баках горючка? Добрые зомби залили?

— Если крышки плотно подогнаны и накрепко закрыты — солярка в баке может хоть полвека храниться, и ничего с ней не случится, — отмахнулся я. — Меня другое занимает: радужные пятна на воде неспроста.

— Либо незнакомец, приходивший до нас, просто проверял топливо и неосторожно капнул в реку, либо он перед уходом пробил бак, чтобы осложнить нам жизнь, — развел руками Лёвка. — Пойду и проверю, а вы можете начинать отколупывать от мостков доски.

— Не оборзел ли — волынить?

— Не оборзел. Пока вы телитесь, успею обернуться.

Лёвка бросил мне саперку и пошел по каменистой кромке мыса к дремлющей «Федерации». Шагал он уверенно, как человек, который ни на йоту не сомневается в своей правоте. И внадцатый раз я вынужден был признать: самим бы нам потребовалась четверть часа, чтобы взвесить все «за» и «против», прежде чем подойти к объекту. Сила привычки, ничего не попишешь. И пусть. Пусть в нас сидит косность «олдскульных сталкерюг», мешающая подчас принимать ответственные решения, но именно она неоднократно спасала нам жизнь. За то и ценим.

Я закинул «калаш» за спину и крутанул саперку в ладони.

— Жаль, гвоздодера нет.

— Да уж, — покачал головой Гост. — Придется весь трамплин для ныряния разобрать, чтоб хватило досок. Надо побольше под днище этой ебамбе наложить. Да еще и не факт, что сдвинем — тонн пять весит, не меньше.

— Двое на стреме, двое работают, через десять минут меняемся, — предложил я. — Кто со мной в первой смене?

— Давай я, — сказал Дрой, передавая свой дробовик Зеленому. — Так никому и не удалось врезать: нужно же куда-то энергию девать.

Мы подошли к мосткам и оценили поле деятельности. Конструкция лишь издала казалась шаткой, а на самом деле доски были сколочены на совесть, хоть и перекошены. Поначалу я даже засомневался, что нам удастся расшатать гвозди-сотки при помощи лопатки, но Дрой грубо отобрал у меня инструмент, сунул рабочую поверхность в щель и навалился на черенок всем весом, благо прочности армейской саперке было не занимать. Как, впрочем, и ему — дури. Затрещало знатно.

— Ножом помогай, — попросил сталкер.

Я достал из ножен «десантник». Стал вгонять широкое лезвие в стык и с силой проворачивать его. Оп, а теперь — правее. И еще правее. Оп-оп.

Дело живо зашпорилося, и скоро первая доска с грохотом шлепнулась в воду. Мы подтянули ее за край и бросили на берег. Принялись за следующую.

— С самого утра не могу для себя решить, — вдруг поделился Дрой, пыхтя над очередным строптивым гвоздем, — какой из наших рейдов все же самый идиотский: нынешний или тот, когда мы через подземелья на западный Янтарь поперлись?

— Предпочитаю надеяться, что высшая ступенька пьедестала почета до сих пор свободна, — отшутился я. С хрустом провернул нож. — Есть к чему стремиться.

— Я тоже оптимист, но готов поспорить: спуск на воду этого баркаса может подвинуть в рейтинге глупых поступков даже мою дипломатическую беседу с зомбаком, обвязанным динамитом. Помнишь, ты тогда еще на вышку полез?

Я передернул плечами, припоминая неприятный эпизод. Уклончиво ответил:

— Отличный у нас получился дуэт.

— Потянет... Ты же не Коломин, Минор, да?

Вопрос ушиб меня, как обухом, но я постарался не подавать виду и продолжил отколупывать доску.

— С чего ты взял?

— Я не первый год с тобой в одной связке и мало-мальски научился отличать благородные порывы разрядить обстановку от искренних признаний. — Дрой улыбнулся. — Знаешь, сколько за время нашей совместной бытности в Зоне ты сделал искренних признаний?

— Не считал.

— Одно. В тот, кстати, раз, когда сказал, что меня на куски разнесло у вышки, но «бумеранг» как-то по менял судьбу, и мы оказались живехоньки. И вовсе не оттого ты так редко совершал честные признания, что обманывал. Ты просто-напросто не болтал лишнего, как и многие из тех, кто давно топчет эту гиблую землю.

— Что же тебе мешает поверить...

— Я тебя перебыю, не серчай. И скажу так: мне глубоко плевать, какая у тебя фамилия и кто из нас настоящий Коломин, за которым гонятся военные. Ты знаешь цену словам и не стал бы врать зазря. А благородное желание разрядить обстановку похвально, хотя пахнет детсадом. Но, может быть, именно за такой детсад, устроенный вовремя, я тебя и уважаю.

Я промолчал, с удвоенной силой выкрутив «десантник». Дрой всегда казался мне не очень далеким человеком, способным на безрассудства, но не хватающим звезд с неба. И, наверное, я всегда недооценивал этого веснушчатого пухляка.

— Глупо выгляжу? — поинтересовался я наконец. Дрой тут же хамски осклабился и закивал. Большим пальцем он показал себе за спину, где Гост с Зеленым следили за дорогой.

— Пацаны тебе еще выскажут, будь уверен, — хмыкнул он. — Нашелся тут посол доброй воли. Гражданин мира, йопта.

Вскоре мы поменялись ролями. Я привычным движением прижал приклад к плечу и провел стволом туда-сюда, примериваясь. Скорее для проформы, чем по причине реальной угрозы. Вернулся Лёвка и сообщил:

— Бак цел. Что у вас?

— Сам смотри.

— Еще штуки три-четыре отдирайте, и хорош.

Он скинул рюкзак, взял под мышки две доски и поволок их к «Федерации», шумно сопя и крикая. Силен, по худощавому сложению и не скажешь.

Минут через двадцать все было готово для спуска кораблика на воду: самодельный деревянный настил лежал перед носовой частью киля, вдоль правого борта зияла прокопанная канава, несколько досок торчали за кормой, чтобы послужить упорами и рычагами.

Мы присели возле баркаса, чтобы перевести дух перед решающей фазой операции.

Полностью отогнать мысли о том, что радиация ненастоящая, лично у меня так и не получилось. Не давало покоя ощущение мнимого облучения. Казалось, что каждая клетка тела протестует и пытается уклониться от тяжелых частиц, несущихся на огромных скоростях. Но птичка-интуиция не возникала, поэтому я постарался отодвинуть на задний план чувство глобальной подставы.

— Ну что, касатики, поиграем в бурлаков? — весело предложил Дрой, хлопая ладонью по влажному от росы борту.

— Наконец-то силушке твоей применение нашлось, — гыгыкнул Зеленый, заходя с кормы. — Сколько энергии зря пропадало. Раньше нужно было твое тело на верфи отправить, чтоб от лишнего жира избавился.

— Не надо ля-ля, — возмутился Дрой. — Силушка аккумулируется, а не рассеивается. Вот, гляди.

Он уперся каблуками в землю и навалился на самодельный рычаг. Доска прогнулась под недюжинным весом, затрещала, и мне показалось, этот лось даже сумел сдвинуть баркас на пару сантиметров. Но через секунду раздался громкий хлопок. Упертый под днище конец сорвался и выскочил, запустив на манер катапульты шмат грязи аккуратно между Гостом и Лёвкой.

— Отличный выстрел, родной, — прокомментировал Гост, стряхивая темную крупинку со стекла маски. — А теперь вставь доску обратно и перестань греметь, как кровосос на случке.

— Насчет верфи я погорячился, — поддакнул Зеленый. — Его на передовую надо ставить во время гона. Всех мутантов какашками закидает по навесной траектории.

Дрой, хмурясь, вернул рычаг в исходное положение и смиренно занял положенное место возле кормы. Мы встали каждый со своей стороны, приготовились.

— Минор, будешь командовать, — распорядился Гост. — У тебя тон императивный.

— Это комплимент? — уточнил я, удобнее хватаясь за выступ палубы.

— Вроде того. Начинай уже.

— И-и... раз! — выдохнул я, изо всех сил давя на корабль. — И-и-и... р-р-раз! И-и-и... Навались!

Руки надавили на выступ, железный край впился в ладони, сзади закрипели доски. В глазах помутилось от напряжения, из легких воздух со свистом вырвался через трахею, стиснутые зубы и выпускной клапан. Маска мешала свободно дышать.

Я быстрым движением отщёлкнул застёжку, и фильтры отвалились набок.

— И-и-и... еще разок... На-ва-ли-и-ись!

Звуки смешались в монотонный гул. Треск, шорох, сипение, слетевший с чьих-то губ матерок.

Баркас со стоном подался вперед и почти ровно встал на плоскости настила. Теперь направляющие должны были вывести его к воде. Всего-то пяток метров. Ерунда.

— И-и... р-раз! — гаркнул я, чувствуя, как в генной памяти отзывается эхо предков. Наверное, так на галерах командовали комиты, расхаживая по куршее между банками гребцов. Громко, с воодушевлением, добавляя в голос тембр ярости, не терпящей возражений. — Раз, два, три... дави!

Кости трещали, мышцы бугрились, доски гнулись под многотонным баркасом, камни, попадающиеся в почве, крошились и оставляли царапины на днище — «Федерация» медленно, но верно сползала к реке.

Когда до кромки воды осталось совсем немного, судно внезапно стало заваливаться вперед. Киль пропахал борозду в грунте и чуть было не придавил Лёвке ногу — парень еле успел отскочить. Нос баркаса опустился, доски вылетели из-под кормы, поднявшийся винт чиркнул лопастью Дрою по рукаву.

— Булькай, железяка! — крикнул раздухарившийся сталкер и пнул съезжающий по склону корабль. — Не таких хомутали!

Но радоваться было рано. «Федерация», брызнув радужными волнами, сошла с настила и прочно села на каменистом дне возле самого берега. Противный скрежет резанул по барабанным перепонкам, вокруг забурило: махина застопорилась намертво.

— Приплыли, — выдохнул Зеленый и печально опустил плечи. — Так и знал, что затея провалится. Грустно.

— Донт ссать, — успокоил его Дрой. — Сейчас столкнем.

— Нужно приподнять нос, — сказал Лёвка, переводя дух. Подумал и добавил: — И в прямом, и в переносном смыслах.

— Ни у кого нет знакомых псевдогигантов, чтоб потягать пару тонн? — осведомился я. — Вот халтурка нарисовалась.

— Некоторые твои так называемые шутки, Минор, топорны, как... — Зеленый почесал в затылке. — Как топор.

— Какая культурная среда, такие и шутки, — отрезал я. — Надо найти подходящий рычаг. Доска не выдержит.

— Одна — нет, а четыре, может, и выдержат, — сказал Гост. — Чего тупим? Пробуем.

Мы положили вдоль киля пару крепких бревен, чтобы использовать их в качестве упора. Я и Гост встали с одной стороны, Зеленый и Дрой — с другой, а Лёвка зашел сзади, готовясь в случае необходимости толкать.

— Взялись, — скомандовал я. Вставил свою доску под днище, упер в бревно. — Не станем изобретать новых считалок. На «три». Раз, два... три!

Я навалился на жердь. По левую руку Гост, ухая от напряжения, тоже вдавил рычаг. На прибрежных камнях подошвы скользили, поэтому пришлось осторожно перемещать центр тяжести, дабы не сверзиться в холодную водицу... Вжик.

Руки съехали по доске. Перчатки были надежные, ткань выдержала, но манжеты куртки задрались, и несколько крупных заноз едва не пронзили вены на запястье. Я перехватил орудие и снова надавил.

Наконец носовая часть судна приподнялась. Чуток, но этого было достаточно, чтобы столкнуть треклятую посудину с места. Лёвка мгновенно надел с кормы, и «Федерация» пошла вперед, съезжая по валунам.

— Хватайте швартовый! — хрипло крикнул Зеленый.

Я отшвырнул деревяшку и бросился к свисающему с борта канату. Гост тут же сориентировался и принялся вколачивать между камнями кол, чтобы зацепить за него швартовый. Конечно, заранее об этом побеспокоиться никто не догадался. Правильно, нафиг наперед думать — это ж для лохов!

«Федерация» почти полностью сошла на воду и не собиралась останавливаться. По инерции судно все уверенней отплывало прочь, неторопливо раскачиваясь из стороны в сторону и пуская волны.

— Мотай! — крикнул Зеленый Госту, подбегая и набрасывая канат. Обернулся ко мне: — А ты второй кол забей рядом! Восьмерку скрутим!

Подоспели Лёвка с Дроем, и уровень суеты на квадратный метр моментально зашкалил. Пришлось рявкнуть на них, чтоб зубами в канат впились и держали, пока я вколачиваю второй штырь. Через минуту самопальный швартовочный узел был готов, канат натянулся, и баркас, дрогнув, замедлил ход.

— Вот мне интересно, а как мы эту бандуру заводите будем? — спросил Дрой, когда все слегка отдышались. — Даже если двигло в рабочем состоянии, то аккумулятор уж точно сел за много лет. Мощности пэдэшных аккумуляторов, боюсь, не хватит, чтоб стартер пустить.

— В схроне были батарейки к «гауссовке», но вряд ли в рюкзаке нашлось для них место, — разочарованно развел руками Гост.

— Нашлось, — успокоил его Лёвка, откидывая клапан. — Я же знал, куда собираюсь.

— Все-то ты просчитал, родной. Обо всем-то позаботился.

— Это плохо?

В тоне Лёвки прозвучала какая-то детская обида.

— Ладно, забыли.

Парень пожал плечами, достал из рюкзака увесистые батарейки и неловко уронил их наземь, словно кисти рук на какое-то мгновение перестали слушаться хозяина. Нагнулся, поднял.

— Кто-нибудь разбирается в электротехнике хотя бы на уровне «плюс-минус»?

— Я, конечно, смогу проводки привинтить, — отозвался Дрой, — но, глядя на хитрое мурло нашего зануды, сдаётся мне: долговязый что-то скрывает.

Мы обернулись.

— Чего? — насупился Зеленый.

— Колись уж, прохиндей, — сказал я. — Дрой крамолу за версту чувствует.

— На промысле я работал по молодости, ходил пару раз в море, — сдался тот. — Ставим сходни и полезли на борт, мазуты.

— О как, — вскинул брови Гост. — Что ж, по крайней мере у нас есть капитан.

— Капитан Зеленый? — ощерился было Дрой, но поймал мой гневный взгляд и поднял руки ладонями вверх: — Всё. Сдаюсь и молчу.

Заморосил дождь.

На борту баркаса мы, привыкшие к твердой почве, почувствовали себя, как макаки на цирковом канате: вроде держишься всеми клешнями, но штормит и мотает во все стороны. На самом деле никакой качки и в помине не было, просто с непривычки даже легкая «шевелёнка» под ногами сильно напрягала. Первую минуту мне вообще чудилось на берегу какое-то движение, и я давил в себе желание вскинуть ствол, понимая, что это мой вестибулярный аппарат паникует, а не на суше кто-то ворочается меж камней.

Но организм за многие годы привык быстро реагировать на изменения в окружающей среде. Поэтому я довольно бодро приспособился к волнению палубы.

Пока Зеленый возился с двигателем, прилаживая под кожухом контакты, к рубке подошел Дрой и с важным видом заявил:

— Человек привык считать себя венцом эволюции и острием пищевой цепочки, поэтому превратился в прямоходящего опоссума. Повкусней пожрать и по изобретательней совокupиться — вот и все жизненные цели. Чтобы продолжить развитие, всем нам нужно хорошенько встряхнуть мозги, только мы вечно не до конца к этому готовы. Как думаешь, может, Зона появилась как раз с такой целью?

— Фига ж себе ты задвинул, — обалдел я. — У меня мысли раскорячились.

— Сам посуди, — продолжил он, втискивая в кабинку башку и поглаживая опаленную бровь, — сначала язва возникла в отдельно взятом районе. Как шанкр в паху у сифилитика. А теперь зараза созрела и собралась в массы. Неспроста ведь такие штуковины нарисовались, которые вокруг себя аномальное поле могут аккумулировать. Сначала угольники эти пресловутые за Периметр ломанутся, а там, глядишь, каждый встречный и поперечный мутазавр сунет под язык правильную цапку и пойдет по окрестным супермаркетам людишек в тележку собирать. К ужину.

— А в чем заключается встряска мозгов? — стараясь уследить за логической нитью тирады, полюбопытствовал я. Или это такая крутая гастрономическая метафора? Дрой наморщил лоб.

— А что, тоже вариант. Если сразу не локализовать, мозги сифилитика сгниют и вытекут через ноздри. Та еще встряска, э?

— Вот именно. И пока нас всех тут не локализовали крылатыми ракетами, хочется добраться до Клондайка в шахте и насобирать ништяков. Ну, типа, старость обеспечить.

— Ты сбил меня с философской волны, — надулся Дрой. — Теперь снова стану думать о приземленных вещах. Это плохо для духовного совершенствования.

— А еще следует молиться, поститься и биться головой о стену, — вставил подошедший Гост.

— И слушать радио «Радонеж», — подхватил я.

— Кстати, в убогом кубрике, который здесь, видимо, принято называть каютой, есть старенький приемник...

— Эй, богохульники, — позвал из-под кожуха Зеленый, — я сейчас попробую завести, а вы... ну кто-нибудь, кто пошустрее... валите на берег. Если мотор зафурычит, надо будет сорвать канат и обратно по сходням заскочить. Тут передачи сбиты, а рычаг застопорен на среднем ходу — сразу попрем вперед. Со скоростями позже разбираться буду.

— Я пойду, — вызвался Лёвка.

Никто возражать не стал. Под прикрытием Дроя парень легко сбежал по доске, остановился у вбитых кольев и помахал нам: мол, готов. Зеленый велел мне встать у штурвала и держать его прямо, а сам опять скрылся в недрах двигательного отсека.

Я подошел к баранке, оплетенной толстой проволокой, взялся за нее обеими руками и почувствовал себя невероятно глупо. Повертел штурвал туда-сюда, преодолевая легкое сопротивление ржавчины. Коричневая труха посыпалась на пол. В передаточном механизме значился люфт, рулевое колесо болталось на добрые пол-оборота в обе стороны. Техника, фиг ли.

Зеленый начал колдовать со стартером. Пару минут из-под кожуха доносились лишь его невнятное бормотание и металлический шорох, а когда нам стало становиться скучно, раздался треск, в утробе корабля застучало, заухало. Во взгляде Госта проскользнуло приятное удивление, Дрой победно вознес над собой дробовик, Лёвка приготовился скидывать швартовый. Баркас вздрогнул, палуба подребезжала несколько секунд, но мотор почти сразу умолк, не успев перейти в рабочий режим.

Гул стих. Эхо стукнулось о противоположный берег и тоже смолкло. Лишь дождь продолжил еле слышно шелестеть по палубе и пускать мириады колечек на воде. Дрой опустил «Потрошитель» и крикнул Зеленому:

— Только попробуй сейчас выдать одну из своих удручающих реплик. Придушу.

Зеленый высунул голову из облака повалившего дыма и успокоил его:

— Напротив, мой диагноз на редкость оптимистичен: парень был прав, двигло в порядке, а главное, стартер рабочий. Изоляция, правда, старая — подгнила чутка. Перемотаю, и тронемся.

— Мотай-мотай, Врунгель, — кивнул Дрой. — Матросня жаждет выйти в открытое море и упиться рому... Оп-ля! Ща бабахну!

Я обернулся на предупреждение, чтобы увидеть, как сталкер прижал приклад к плечу и пальнул по стае слепых псов, вздумавших подобраться к Гавани со стороны пролеска. Грохот выстрела сотряс Тихую Гавань. Дробь взметнула землю рядом с жоаком, и собаки, повизгивая, припустили обратно.

— Надоело по зверью лупить, — расстроено заявил Дрой и пнул отработанную гильзу за борт. — Жаль, велосипедист сдригнул.

— Эта сентенция тоже относится к теме глобальной встряски мозгов? — улыбнулся я, выглядывая из рубки.

— Ага, — серьезно ответил он.

Зеленый совершил вторую попытку завести двигатель «Федерации». Абсолютно безуспешную. Все ограничилось отрывистым холостым фырканием и новой порцией дыма.

После этой неудачи он возился под кожухом так долго, что нам уже стало казаться, будто мы прокляты, как ставшая легендой команда баркаса.

Гост уселся на корточках возле входа в каюту и принялся ковыряться в ПДА, подчищая ножом клеммы в гнезде для аккумулятора. Дрой предложил Лёвке пойти попрыгать с мостков, так как оба все равно уже вымокли под этим «гадским дождичком». Парень не отреагировал на паясничество.

— Попытка нумбер три, — наконец провозгласил Зеленый, по уши вымазанный в солидоле. — Скрестите пальцы, покемоны.

Гост, выходя из дремотного состояния, выставил два средних пальца и демонстративно их скрестил.

— Очень смешно, — сказал Зеленый.

Гост пожал плечами и признался:

— Когда долго рядом с вами нахожусь, быдлею на глазах.

Третья попытка увенчалась успехом. Поршни гроыхнули, из выхлопной трубы стрельнул черный дым вперемешку с солярочной пылью, и корабль ожил.

По команде Лёвка распустил канат и, волоча его за собой, взбежал по мосткам на борт. Я, чувствуя, как штурвал завибрировал под руками, крепче вцепился в обмотку и выдерживал руль прямо с учетом неудобного люфта до тех пор, пока не подоспел чумазый капитан.

— Левее прими, — приказал Зеленый и стал возиться с заклинившим рычагом регулировки хода. — Держи носом между краем причала и противоположным берегом. Так, судя по всему, выйдем на фарватер.

«Федерация» медленно, но уверенно набирала скорость. Чихала выхлопная труба, скрипели сочленения, бахали механизмы, но чертов баркас плыл! За кормой бурлила вода, киль рассекал дождевую рябь, а значит, винт создавал достаточную тягу для движения.

Если нам и впрямь удастся на этой колымаге подняться вверх по течению до самой Припяти, то я окончательно уверюсь, что идиотам сопутствует удача.

— Корыто плывет, — не до конца веря самому себе, усмехнулся Гост.

— Говорил же: не таких хомутали, — произнес Дрой. В тоне сталкера обозначилось столько гордости, словно он собственноручно толкал баркас вперед, борясь с сопротивлением воды.

Один Лёвка не радовался, хотя, по логике, именно этому парню пристало праздновать победу над обстоятельствами. Он глядел с кормы в пенящуюся струю со смесью задумчивости и беспокойства.

Ну и пусть, а мы возрадуемся. Даже опытным ветеранам не часто доводится совершить речную прогулку по Зоне. Здесь вообще редкий транспорт фурычит, а уж водные пути и подавно нехожены.

Рано, рано мы поддались ликованию.

Беда пришла оттуда, откуда никто ее не ждал. Впрочем, разве бывает иначе? Когда о неприятности известно заранее, ее можно предотвратить. А вот трындец, он на то и трындец, что подкрадывается незаметно и до безобразия не вовремя.

Омут.

То есть о наличии водоворота мы прекрасно помнили, но не придали ему значения. Зеленый переоценил мощность баркаса и не обеспокоился, пока корабль не стало тихонько сносить к булькающей спирали.

— Право руля, — скомандовал он мне, мельком оценив положение, и продолжил выковыривать ржавчину из основания рычага.

Я с усилием налег на баранку, выворачивая ее по часовой стрелке. Казалось, курс изменился. Корабль выровнялся, пошел по дуге, но спустя полминуты «Федерацию» качнуло, и нос уверенно сместился к центру воронки. Нас повело в омут.

— Тягу надо увеличить, — сказал я, снова налегая на штурвал. — Тогда проскочим.

— А я чем занимаюсь? — обозлился Зеленый и постучал прикладом арбалета по рычагу. — Заклинило.

Подошел Гост, взгляделся в крутящуюся пучину.

— А что, если там подводная аномалия? — предложил он. — Скажем «гравикаракатица» или «карусель».

— Знаешь, — поднял Зеленый испачканную физиономию, — обычно я паникую и пророчу всем скорую гибель. Но на этот раз у тебя получилось даже лучше. Когда закончу с рычагом — обязательно поаплодирую.

— Я лишь предположил, — сказал Гост. — Что ты так завелся, родной?

— Я спокоен. Просто, если мы не увеличим тягу в течение минуты, нас затянет в эту дырку и, судя по всему, будет вертеть до тех пор, пока топливо не кончится.

— Уйди, — отодвинул его Дрой. — В ремонте не всегда нужна ювелирная точность.

Зеленый и вякнуть не успел, как он задрал ногу и саданул по рукоятке каблуком. Рычаг с хрустом переломился и вылетел через разбитое ветровое стекло в воду.

— Дурак, — сплюнул Зеленый и бросился к двигателю. Обронил на ходу: — Минор, выворачивай вправо до упора. Попробую увеличить впрыск.

— Полагаю, моя помощь больше не требуется, — виновато пробурчал Дрой, глядя на огрызок сломанной пучки.

— Выйди вон, — холодно сказал я. — И не лапай ничего своими ложноножками.

Дрой, понурившись, вышел под морось.

Баркас несло напрямик к водоворот, который вблизи выглядел совсем по-другому.

Омут явно имел аномальное происхождение. Во-первых, отсюда было заметно, что центральная часть в глубине мерцала. Издалека эта искорки казались пузырями, но теперь были отчетливо видны вспыхивающие и угасающие точки бледно-зеленого цвета. Во-вторых, силу втягивания мы серьезно недооценили. И чем ближе судно подходило к воронке, тем сильнее ощущалось усилие, с которым рули и винт сопротивляются течению. Среднего хода никак не хватало, чтоб увернуться от ловушки или проскочить ее на скорости.

— Ну? — крикнул я, налегая на строптивую баранку изо всех сил. — Долго возишься!

— Сам попробуй к этому агрегату подберись! — проорал в ответ Зеленый. — Сейчас... Лёвка, дай ключ разводной... и пассатижи...

Мотор аритмично заухал, и мне показалось, что он вот-вот заглохнет. До чего ж будет обидно попасться в эту дурацкую круговерт. Столько усилий впустую пропадет.

Ритм двигателя вновь стал ровным, но мощность не увеличилась.

— Бесполезно! — рявкнул Зеленый. — Не могу отрегулировать распределитель! Форсунки...

Продолжения фразы я не расслышал. Шум кружащейся воды становился все сильнее. До омута оставалось уже метров десять, баркас несло на него левым бортом. Пришлось завернуть штурвал влево, чтобы хоть как-то скомпенсировать разворот и не пойти кормой вперед. Мы не успевали.

Я обратил внимание, как Гост вышел на носовую часть и достал мешок с болтами. Он что, собирается границы аномалии определять? Вовремя, ничего не скажешь!... Сталкер прицелился и швырнул железяку в омут. Всмотрелся. Примерился и бросил еще одну. Мерцающая пучина безропотно сглотнула оба болта.

И тут Гост сорвался с места и, осененный догадкой, вбежал ко мне в рубку.

— Дай тяжелое что-нибудь!

— Не понял...

— Нужно что-то тяжелее болта, — озираясь, объяснил он. — Значительно тяжелее.

До меня начало доходить, что задумал этот хитрец.

— Хочешь замкнуть?

— Соображаешь. Если это аномалия, она разрядится. И у нас будет шанс вырваться!

— Кирка! Вон, сверху, на пожарном щите!

— Сойдет!

Гост подхватил увесистый инструмент, вихрем вылетел наружу. Без лишних прелюдий запустил предмет в центр спирали и отпрыгнул от борта.

Последнее действие и спасло ему жизнь...

Подразумевая, что аномалия разрядится, мы не предполагали, насколько чудовищным окажется эффект. Трудно сказать, что за дрянь скрывалась у дна реки, но природа у нее однозначно была смешанная — гравитационно-термическая.

Когда кирка нырнула в бурлящий конус, раздался громкий хлопок, и вертикально вверх выстрелил столб пара, чуть не сварив Госта заживо. Будь пижон на метр ближе — превратился бы в начинку для кулебяки. Узкое молочное-белое щупальце вскипевшей влаги вырвалось из омута и раскрылось венчиком метра в пяти над нами. Горячее облако быстро опустилось, заставив всех зашипеть от жжения на открытых участках кожи.

Но задумка сработала. Я почувствовал, как винтовая тяга берет верх над ослабевшей силой засасывания воронки. Баркас некоторое время помялся на месте, а потом неторопливо двинулся вперед.

Я кое-как выправил курс судорожными подергиваниями штурвала из стороны в сторону и обернулся.

Зеленый обескураженно таращился на нас из-под кожуха. Еще бы: для всех, кроме Госта и меня, этот подводный взрыв был полной неожиданностью. А столб пара высотой в пару этажей способен кого угодно сбить с толку.

— Везучие балбесы, — только и сказал Зеленый.

Когда «Федерация» окончательно вырвалась из плена и степенно вышла на фарватер, оставив за кормой Тихую Гавань, все собрались в рубке. Теперь предстояло по очереди стоять вахты: у штурвала, возле двигателя, на носовых и кормовых дозорах. Зеленый на правах негласного капитана распределил полномочия, сверился с картой и первым заступил на штурвал.

Мне выпало передохнуть, и я уселся на корме рядом с Лёвкой. Стянул ботинки, размотал портянки и со стоном удовольствия вытянул дико уставшие ноги над кильватерной струей. Пошевелил пальцами и в который раз осознал, что истинное жизненное счастье таится вот в таких вот мелочах.

— Чего увял? — поинтересовался я у парня, забывая на время о его недомолвках и всех прочих неприятностях. — Все ведь получилось, как ты хотел.

Лёвка кивнул, продолжая задумчиво глядеть в темные волны, которые наискось расходились от корабля. Я понял, что с этим молчуном особо не наговоришься, но уходить с кормы не спешил — уж больно хорошо прохлада от воды ласкала ступни. Да и дождь вроде бы поутих.

— Велосипедист, — произнес своим низким голосом Лёвка, когда я почти задремал.

— А?

— Помнишь следы от покрышек?

— Ну.

— Там было не два следа. Третий я не сразу заметил.

Я, не догоняя, посмотрел на его сосредоточенное лицо, скрытое под дыхательной маской.

— И?

— Либо визитеров было двое. Либо один, но ездил он по мысу к «Федерации» три раза: туда, обратно и снова туда.

— Хватит грузить мой мозг ненужной инфой. Скажи четко.

Лёвка повернулся. Стекла бликовали, и выражение его глаз разглядеть было невозможно.

— Когда мы отплывали, я увидел велик. Недалеко от берега, под водой. Сначала решил, что показалось, но сопоставив с лишним следом... В общем, кто-то выбросил его, чтобы не палиться.

— И где этот... кто-то, по-твоему? С аквалангом нырнул?

— Возможно, просто ушел пешком — следы от обуви мы внимательно не искали. Но не исключено, что подлец затаился в болоте, как ниндзя. Час дышал через тростинку, а когда мы поплыли, уцепился за киль и теперь болтается под днищем. Ждет удобного случая, чтоб нашипиговать нас сюрикенами.

Лёвка некоторое время продолжал смотреть на меня, потом улыбнулся:

— Я бываю излишне осторожен. Забудь.

Мы замолчали. В самом деле — зачем вымучивать слова, если беседа не клеится.

Глава восьмая. Подмастерья

Вечерняя заря проявилась сквозь облака. Небо стало глянцеви́то-алым, словно приближался выброс, хотя ни грома, ни вспышек не было. Конечно, это не выброс — еще не время. Обычный закат.

Ровное зарево за нагромождением свинцовых туч наполняло сердце неосознанной тревогой, притягивало взгляд, заставляло невольно вслушиваться в звуки Зоны сквозь громоыхание баркаса.

Я приладил на крышу рубки мощный ламповый фонарь, подключил его к генератору и, поворо́чав отражатель, откалибровал фокус, чтобы луч падал на воду метрах в десяти перед носом корабля. О маскировке на этой дребезжащей посудине можно забыть, но хоть в бревно не врежемся и нужный поворот не пропустим. После этого я заступил на вахту, где пришлось следить за температурой двигателя. В случае перегрева следовало докладывать рулевому, чтобы тот снижал обороты — Зеленый таки умудрился починить механизм регулировки хода. Методика контроля была кустарная: периодически я слюнявил палец и прикладывал его к кожуху цилиндров. Занятие сие отдавало идиотизмом, ибо я решительно не понимал, как можно тактильно отличить металл, нагретый до 150 градусов, от, скажем, металла, нагретого до 250. И то, и другое — на ощупь жутко горячо. Но взвинченный после волшебного отплытия Зеленый выразился насчет вахт категорично, и спорить с человеком, хоть каким-то боком разбирающимся в речной технике, не имело смысла. От меня не убудет пальчик послу́нявить раз в пять минут.

Темнело быстро, но самопальный прожектор позволял видеть, что находится прямо по курсу, а дежуривший на кормовой вахте Лёвка высвечивал фонариком тыл.

Когда мимо меня в третий раз прошел Гост, измеряя радиационный фон палубы и поручней, я не выдержал:

— Слоняешься и мотыляешь счетчиком Гейгера на корабле, который фонит, как реактор. Зная при этом, что радиация не настоящая, а наведена какой-то аномальной штуковиной... Совсем заняться нечем? Иди пожрать, что ль, приготовь.

— Объясняю логику. — Гост остановился и машинально отвел руку со счетчиком, чтобы тот не сильно трещал, хотя на фоне шума поршней это стрекотание и так едва прослушивалось. — Я подумал вот что. Раз хреновина создает наведенную радиацию, не будет ли закономерным, что сама она не фонит?

Я поскреб в затылке.

— То есть, если ты обнаружишь на борту вещь или деталь, которая не излучает, она и будет искомым артефактом? А что... умно.

— Пока — лишь гипотеза. Но когда она подтвердится, я обзаведусь еще одной цапкой в придачу к понтовым часикам, которые расклюкал коракс. Сволочь этакая.

— Не веришь, что доберемся до шахты и вернемся с хабаром?

— Страхуюсь.

— Умно, — повторил я, досадуя, что мне первому не пришла в голову столь очевидная мысль насчет вещи, создающей иллюзорный фон. — Теперь даже интересно, что за погрешушка столько лет отпугивала сталкеров от баркаса.

Гост двинулся дальше, ведя вдоль стены каюты счетчиком, встроенным в ПДА. Через метр он остановился. Припал ухом к корпусу наладонника. — Заклепка? — спросил я, слюнявя палец.

— Нет. Здесь фон тоже есть, но ниже, чем в остальных местах.

— Дам подсказку за половину стоимости добычи. Согласен?

Гост оторвался от ПДА и обернулся. Я хитро улыбался ему. Пусть проникнется мыслью, что мозги старины Минора тоже кое-чего стоят.

— Если сработает, треть твоя, — наконец сказал он.

— Ищи внутри каюты. Что стоит около этой стенки?

— Кажется... радиоприемник старый.

— Вот и проверь. Чего встал?

Гост хмыкнул и полез в кабину, подсвечивая себе экранчиком.

— Эй, Минор, — позвал наш долговязый капитан с носа «Федерации». — Как двигло?

Я демонстративно приложил наслюнявленный палец к коуху и тут же отдернул. Зашипело.

— Горячо. Как и пять минут назад.

— Дрой, самый тихий ход! Пусть машинка передохнет, — скомандовал Зеленый. — Рукоять не сломай опять, вандал.

Дрой поворчал, но указание выполнил. Шум мотора стал тише — словно из ушей выбили невидимые пробки. Гост выбрался из каюты и развел руками:

— Ты был прав, родной. Похоже, искомый предмет — это древний радиоприемник.

— Дедукция, пижон, — беззлобно отшутился я. — Кстати, ты будешь забавно смотреться с приемником наперевес.

— Скорее всего не весь прибор аномальный, а какая-то деталь. Начну разбирать — выясню, какая именно.

— Удачи.

Гост скрылся в каюте и почти сразу появился снова, держа в руке ветхий кассетник со встроенным радио. «Озака» гласила наполовину стертая надпись. Возможно, у кого-то постарше гаджет всколыхнул бы перестроечные воспоминания о засилье дешевой китайской техники, но меня хлам-набор оставил равнодушным.

Шнур питания болтался возле ноги Госта, как хвост мертвой змеи. Он как бы служил символом не только этому полупроводниковому гробику, но и всей эпохе перестроечной смуты.

К нам подошел Зеленый, без интереса взглянул на магнитофон.

— Может, у вас и кассеты есть? Давайте дискотеку забацаем, а то, смотрю, делать нечего.

Гост в двух словах объяснил ему суть своего предположения и принялся отколупывать ножом крышку деки. Пластмасса хрустела и крошилась. И вот, когда деталь уже практически вылезла, из динамикой раздался треск.

Я вздрогнул, а Гост от неожиданности выронил кассетник из рук. Магнитофон грохнулся на палубу, и шелест помех немедля стих.

— Ёшкин дрын... — слетело у меня с губ.

— Это ты мягко выразился, — признался Гост. — Я ж дураком чуть не стал.

— Батарейки надо вынимать, — сказал Зеленый. — Давайте ужин соорудим.

— Да, пожарть — это тема, — согласился я.

Гост поднял приемник, взвесил его на руке и снял заднюю крышку. Сглотнул. Медленно развернул магнитофон, показывая нам пустые гнезда.

— Опа-па, — только и сумел сказать Зеленый. — Но как же...

Он осекся. А у меня в груди возникло щемящее чувство давно минувшего. Дежа-вю. Где-то я уже встречал похожий аппарат... Радиола! В подвале Лиманска, когда мы с Латой переживали выброс! Тогда, помнится, прибор тоже поймал какую-то волну, несмотря на то, что на принимающем устройстве физически не могло быть напряжения, а антенна экранировалась толщей земли и бетонными стенами.

И сигнал в том подвале был четкий.

Но ведь теперь-то нет никакого выброса...

Птичка-интуиция проснулась за секунду до того, как началось. Но она повела себя не как обычно: пернатая словно бы затравленно защебетала в самом дальнем уголке сознания.

Она не предупредила, не паниковала, не издевалась.

Моя птичка-интуиция впервые не знала, как отреагировать на то, что случилось секунду спустя...

По мембране динамиков пошла вибрация, магнитофон затрясся в руках Госта, и тот вновь уронил его, автоматически шагнул назад. С запада стрельнул одинокий луч солнца, но после этого небо стремительно приобрело насыщенно-бордовый оттенок, и темных туч на фоне зарева практически не стало заметно.

— Выброс? — несмело промолвил Зеленый. — Это ж... невозможно... так быстро.

— Плевать! — крикнул Дрой от штурвала. — Тут есть трюм?

— В каюте — люк, — не двигаясь с места, промолвил Зеленый. — Но там уместиться от силы два человека.

— Сейчас начнется, — задрал голову вверх, сообщил Гост. В стеклах его маски отражались черно-кровяные разводы небес. — Обидно.

— А где гром-то? — спросил я.

Все обернулись ко мне в порыве такого праведного гнева, словно я дал команду «на старт» концу света, а не задал тупой и донельзя риторический вопрос.

— Вы просто лучитесь позитивом, — огрызнулся я на сталкеров.

Если верить накопленному опыту, вот-вот должна была начаться шумовая феерия и выброс аномальной энергии, который мог стать последним для пятерых болванов, решивших поиграть с Зоной в догонялки. Но события развернулись с точностью до наоборот. На реку упала выжигающая слух тишина.

Оборвался далекий вороний крик. Исчез булькающий звук за кормой. На полутакте замерло глухое хлопанье передаточного механизма. В стылом полумраке, пробитом светом прожектора и тонким лучом Лёвкиного фонарика, не стало слышно даже тарахтения поршней, хотя, судя по выхлопу, двигатель не заглох.

Нам словно бы предложили прислушаться к чему-то. И через мгновение мы поняли — к чему.

Из оживших динамиков валяющегося на палубе магнитофона донесся голос, рвущийся через тьму помех. Кто-то ритмично выплевывал смутно знакомые слова песни под плотный гитарный аккомпанемент. Напрямую из призрачного полотна эфира.

Мы слушали надрывную мелодию, которая не должна была звучать здесь. Шнур питания безвольной змеей лежал на палубе: напряжения в нем быть просто-напросто не могло. Казалось, энергия текла в приемник из самого неба, грозно нависшего над крошечным корабликом с горсткой людей. Из пульсирующего сумрака берегов. Из тусклой глубины речных вод.

Я с трудом пересилил чары зова и оторвал взгляд от размытого пятна магнитофона. Моргнул, с шумом втянул через фильтры воздух, встряхнул головой. Остальные стояли столбами, словно могучий контролер провел нокаутующий пси-удар. Голос, исходящий из динамиков, вводил в транс, делал из нас преданных болванчиков.

Мышцы одеревенели. В голове шумело. Перед глазами плыл багрянец небосвода. Хлопья морока скакали вокруг, завораживая своей безумной пляской. Воздух смешивался с волнами...

Картина чем-то напоминала пепельный мир «миражей», где мне вопреки логике довелось потерять не рожденную дочь. Я хотел заорать, но с губ сорвалось еле слышное:

— Прочь...

Если б я не нашел в себе сил сопротивляться и постоял так еще минуту, рассеялись бы остатки воли, и разум перестал бы бороться с внешней угрозой. А в овощном состоянии с любым из нас казус может случиться невероятный.

Одолев ватную слабость, втекающую в мышцы с каждой репликой поющего, я сделал шаг. Отпустило. Хватка голоса ослабла.

Я разогнулся, окончательно сбрасывая с плеч невидимые оковы, сорвался с места и вслепую саданул ногой по музицирующей дряни. Хрястнуло. Остатки магнитофона полетели за борт, из сознания отступила волна темной желчи.

Гипнотические чары развеялись. Мигом посветлело. Из неба исчез гнетущий багровый оттенок. Вернулись украденные аномалией звуки: затарахтел двигатель, скрипнула попавшая под киль коряга, эхом отразился от леса далекий вой.

Правда, один из звуков исчез: счетчик Гейгера больше не надрывался.

Все стали озираться, мотая головами и приходя в себя. Дрой завертел штурвал, возвращая сместившийся к берегу баркас на прежний курс. Лёвка проводил взглядом тонущие осколки злополучного приемника.

— Уникальный был хабар, — цыкнул зубом Гост. — Хоть и опасный.

— Лихо эта хрень нас заморозила, — согласился Дрой. — Как сирена, блин, мифическая.

— Однозначно пора перекусить. — Зеленый вытащил на палубу рюкзак и достал харчи. — Сначала едят Гост и Минор, потом остальные.

Я подхватил консерву, ложку с кружкой, фляжку, галеты и пошел за Гостом на носовую часть, которая частично освещалась фонарем. Здесь было удобно жрать и параллельно следить за водой. «Федерация» шла на малом ходу, что позволяло ей двигаться против течения со скоростью два-три узла, но все же надо было контролировать реку. Не улыбалось сесть на мель или намотать на винт полтонны водорослей. Да и где гарантия, что на пути не попадутся водные аномалии вроде омута? Правильно, нигде.

— Пнул за борт транслятор говнорока, — констатировал Гост, подсаживаясь рядом на моток каната. — Не любишь музыку?

— Долой засилье западных мотивов, — подтвердил я, откладывая автомат и вскрывая ножом банку с сайрой. — Русче надо быть. Русее... По-русски петь, короче.

— Но как проняло, согласись. — Гост стянул дыхательную маску, растер ладонями красные полосы на скулах. — Интересно, кого капитан Зеленый назначит на собаку?

— На какую собаку? Колдовские чары разум повредили? — спросил я, отгибая вспоротый кругляш жести.

— «Собачья вахта» или просто «собака», — пояснил Гост. — С полуночи до четырех утра. Кажется, на флоте ее обычно стоит второй штурман.

— С собакой?

Сзади гыгыкнул Зеленый.

— Ага, со слепой. В обнимку, — сказал он. — Эту вахту сложнее всего стоять из-за сонливости. Кстати, Минор...

— Стоп-стоп, — тут же перебил я, — На ставку второго штурмана не подписывался.

— Не об этом речь... — Зеленый понизил голос. — Как думаешь, не опасно оставлять Лёвку на часах одного?

Я пожал плечами и сунул кусок рыбы в рот.

— Ешли пацан хотел кому-то из нас навредить, у него было много шансов. Раз не вошпользовался, значит, цели такой нет. Но ухо надо держать воштро. Я с ним поштою, подштрахую.

— Стало быть — «собака» ваша, — решил Зеленый.

Пока я разжевывал кусок, чтобы внятно ответить, он свинтил на корму. Прохиндей.

— Изверг! — крикнул я вслед, когда сумел-таки проглотить рыбу. — Притворялся унылым параноиком, а сам — хитрый жучара.

— Приказы капитана не обсуждаются, — прилетело из полумрака. — Дорубаешь и на боковую. Без четверти двенадцать растолкаю.

Перед тем как отойти ко сну, я сбросил балласт из мочевого пузыря прямо в речку. Веером, с кормы. Зеленый неодобрительно покачал головой, но замечания не сделал. Правильно: перед сном меня понукать опасно — могу и по шее дать.

Дрой уболтал замахнуть с ним по полста крепенькой, которую засранец ухитрился протащить на борт вопреки запрету капитана. Мы по очереди приложились к холодному горлышку фляжки, крякнули и довольно засопели от жжения в пищеводе. Похорошело. Я решил не ютиться в тесной каюте. Расстелил пенку перед рубкой и бросил под голову полено, свернулся калачиком, устроил возле себя «калаш», перевел ПДА в ждущий режим. Не идеал комфорта, конечно, но случилось и хуже. Помнится, однажды пришлось заснуть в канавке под дождем — без химзы и надежды на то, что вообще проснусь: в десятке метров торчал железный купол миротворческого дзота, на который меня выгнала целая шайка кровососов. Оборзевших мутантов пулеметчик расстрелял, а меня в суматохе не заметил. Так и пришлось полночи провести под ливнем, боясь нос высунуть под луч прожектора. Но спать хотелось зверски, поэтому я ухитрился даже в таких условиях задремать. К утру дождался смены караула и свалил, стуча зубами на всю округу. Две недели мучался бронхитом и соплями, отпаивался горячительным в «№92» и, бравирюя, чуть было не усугубил до пневмонии. Ну и пусть, зато живехонек остался.

Рядом уселся Дрой, приложился к пойлу еще разок и смачно захрустел галетой. Видно было, что его вот-вот пропрет на задухивный разговор.

Из темноты донеслось кваканье. И так оно органично вплелось в сонное бормотание двигателя, что в пору было думать, будто на берегу притаилась не безмозглая жаба, а вполне разумная тварь с великолепным музыкальным слухом и чувством ритма. Впрочем, кто ж его знает — может, так оно и есть. В Зоне и не такое случается.

— Сейчас бы яишенки, — вздохнул Дрой. — С лучком, с колбаской, с перчиком душистым.

Ну, что я говорил? Началось.

Самой правильной стратегией теперь было не поддерживать беседу, и мне пришлось демонстративно перевернуться на другой бок. От неловкого движения заныла старая рана в плече, но я поправил руку, и сразу отпустило.

— Не дрейфь, про встряску человеческих мозгов больше гундосить не стану, — успокоил Дрой. — Мне совет нужен.

— Будь здоров, не кашляй.

— Минор, я серьезно...

— Спокойной ночи.

— Ты бизнесом занимался до того, как в Зону уйти, я знаю. Можешь порекомендовать... ну-у, с какими партнерами, типа, лучше замутить?

Я медленно перевернулся обратно, поглядел на его веснушчатую рожу. Вроде не смеется. Он что, серьезно? Этому наглому фонящему телу не дают покоя сомнительные лавры Фоллена и Сидоровича?

Губы мои невольно разъехались в улыбке. Дрой махом набычился.

— Еще раз так ощерись — в рыло дам. — Он отвернул крышку, но, подумав, завернул обратно и сунул фляжку в чехол. — Так можно с тобой поговорить или нет?

Я потянулся, сел на пенке. Решил про себя: пять минут и только потому, что смешно.

— У титана мысли появился бизнес-план? Ладно. Выкладывай коротко.

— Понятия не имею, какие именно дела ты ворочал, но знаю, что в России...

— И?

— Можешь дать координаты людей в Москве, которых могли бы заинтересовать аномальные цацки? — напрямки рубанул он. — У тебя ведь наверняка остались связи.

— Не понял. А зачем тебе прямой канал, сбыта? Через торговцев — в разы проще. И причем здесь вообще Москва? Туда везти через таможню... Даже не знаю... — Я внимательно поглядел на Дроя. — У тебя настолько кругом хабар?

— Порядочно всякого накопил, — уклончиво ответил тот. — Только я не собираюсь никаких каналов налаживать, ни прямых, ни кривых. Я сам поеду.

Некоторое время я молчал, не зная, как реагировать на реплику. Совсем этого дурня на старости лет умом повело, что ли? Ну и ну.

— У тебя в трубе вместе с бровями мозги сгорели?

— Нет. Я собираюсь вывезти барахло и... — Дрой осекся. Он с силой провел ладонями по лицу, словно хотел стянуть накопленную за годы пленку усталости и сетку морщинок. Потом прямо посмотрел на меня и выпалил: — Не хочу сюда возвращаться. Всё.

За бортом плескалась река, в пролеске на правом берегу потрескивал сук под чьими-то лапами или ботинками, сзади ворковал мотор, и о чем-то тихонько разговаривали Зеленый с Гостом.

Сгорбившись, сидел на носу Лёвка. На его спине подрагивала тень. Я машинально провел взглядом до источника света, но не заметил ничего, что могло бы перекрывать луч. Наверное, на стекло фонаря какая-то гадость налипла.

Внутри меня клекотал язычок из невнятной обиды и растерянности. Стало противно, зябко. Когда уходят лучшие, значит, что-то меняется в худшую сторону.

— Осточертела гиблая земля? — Я хмыкнул. Усмешка прозвучала зло. — Решил Зону обмануть? Не выйдет. Даже если найдешь сотню деловых контактов и тысячу надежных партнеров, прогоришь. Поздно очухался. Ты давно болен, и не дело не в радах с рентгенами. Дело в привычках: все те, что приобретены здесь, там — вредные. Я намеренно провел за Периметром полдня, и меня стало ломать от ясного солнышка и пухлых мальчиков в маршрутках. Лысину напекло и скрутило всего. А ты-то куда собрался? По воронам и собакам ему скучно стрелять, видите ли. По людям — интересней. Бизнесмен нашелся... Убийца ты. И не жалец за этим, — я махнул рукой в темноту, — забором.

— Воздуха чистого испугался? — парировал Дрой. — А я не боюсь.

— Этот чистый воздух для нас ядовит.

— Очкуешь.

— И мы для него — яд.

— Поди, думаешь, что больно мудр? Бит и обстрелян? — Дрой всё-таки открыл фляжку и протянул мне. Горлышко вновь подарило губам прохладу, а содержимое — тепло.

— Ты, брат, давным-давно возмужал, но еще не повзрослел.

Я аж поперхнулся. Спиртное попало не в то горло и пошло носом. Капнуло на пенку. Буэ.

— Добьешь ведь сегодня философией, — прокашлявшись, фыркнул я. — Не думай, что я сомневаюсь в уровне твоего ай-кью, но, честное слово, от Госта или Зеленого подобные рассуждения выслушивать как-то привычней.

— Ну, поможешь наладить связи в Москве?

— Прошло много времени, не уверен, что все остались при делах. Дам тебе координаты нескольких вменяемых людей, но без гарантий, сам понимаешь.

— Понимаю и в долгу не останусь. А за баб драться принято.

Я напрягся. Занятно. Ловкая смена темы или всё-таки пьяный базар?

— Ты о чем?

— Мне показалось, что Лата для тебя не простая барная давалка.

— Что-то не пойму, к чему клонишь...

— Когда у моего дружбана девку уведут, я начинаю нервничать. — Дрой подумал и уточнил: — Если не сам увожу, конечно.

Я почувствовал, как с донышка души поднимается неприятный осадок. Черство произнес:

— Ты прав, она не простая барная давалка. Она с гонором.

— Во-во. Как раз то, что доктор прописал.

— Разговор окончен.

— Хотя б на сообщение ответь. Бабе в крайнем случае можно по щам врезать... Но изводить — как-то негоже.

— На какое сообщение?

— Разве на почту ничего не приходило? Странно. Мне она написала, что ты не отвечаешь.

Я озадаченно шмыгнул носом и взглянул на экран наладонника. В ждущем режиме там высвечивалось лишь время. 21:55. Пришлось активировать систему и открывать почтовый

клиент. И впрямь одно новое. Блин! Я ж его заметил еще в Гавани, решил прочесть позже и благополучно забыл.

— Пстой, — насторожился я, открывая сообщение, — она что, из-за Периметра шлет?

— Лата никуда не ушла, я думал, ты в курсе.

— Та-а-ак...

— Оба-на. — Дрой скорчил гадскую физиу. — Кажись, лишка сболтнул. Ну, вы там сами поворкуйте, голубки. Баю-бай.

Он проворно ретировался на корму, оставив меня наедине с ПДА. На дисплее уже пестрел текст. Я медленно опустил глаза.

«Привет, Минор. Я подумала над твоими словами насчет бесконечной человеческой глупости, которая одинакова по обе стороны Периметра... Согласна. Хотя сам ты наверняка уже про них забыл. Кстати, а ты правда решил, что я из Зоны уйду, замуж в Киеве выйду и начну детей, как из пулемета, рожать? Самому не смешно?:)».

Прежде чем я сумел до конца осознать значение прочитанных слов, пальцы уже на автомате набрали ответ и нажали «ввод». Красноречивая фраза ушла в свободный полет, чтоб адресат получил ее и возрадовался счастью своему. «Клитор на уши натяну».

Таков был приговор, выбитый моими пальцами. Суровый и беспощадный. Подумай я над ответом хоть на секунду дольше, он был бы другим, но мозг решил иначе. Взял, поганец этакий, и гаденько плюнул в эфир.

— Ой, — пробормотал я с наигранным сожалением. — Сорвалось.

Погасив экран ПДА, я устроился на пенке и поджал колени к груди: теплее не стало, зато появилась иллюзия защищенности. На самом деле в таком положении человек, наоборот, становится крайне уязвим и неловок, и я прекрасно об этом знаю. Но всем нам иногда нужны иллюзии — так легче верить: впереди обязательно брезжит новый день, который принесет что-то хорошее, сделает жизнь легче. Самообман, понятное дело. Да уж больно приятный.

Ну вот, предался жалости к себе и хватит. Я с хрустом потянулся и вытянул ноги, поправляя чурку под затылком. Фонарь в этой точке не слепил, и было видно темное, в чернильных разводах небо. А в разрывах между облаками мерцали далекие белые светлячки. Красиво, черт возьми. Давненько я не видел звезд.

Ждал ли я ответного сообщения? Не знаю. Пожалуй, ее реакция была бы интересной. Наверняка нахамит в ответ, так уж устроена эта женщина. Как там Дрой сказал? «То, что доктор прописал?». Может, он и прав. Я в судьбу не особо верю, но по опыту знаю: жизнь людей не сводит без особых на то причин — глобальных или крошечных. В причудливых связях, которыми все мы окутаны, есть смысл. Просто нам очень редко удастся его угадать. Я лежал и слушал Зону.

Привычка, приобретенная в первый год пребывания здесь, осталась навсегда. Засела в подкорке или в корке — где там обычно застревают приобретенные навыки и повторяющиеся мелочи?... Перед тем, как заснуть, я слушал окружающий мир. Звуки часто давали мне пищу для будущего сна, наполняли незримый внутренний резервуар содержанием.

Вот сквозь урчание мотора слышны чавкающие шаги. Слева. Чэнк-чэнк. Пауза. И быстро: чэнк-чэнк-чэнк. Снова пауза... Скорее всего болотная тварь или кровосос вдоль берега шастает: похоже на их стиль перемещения. Смещаются в сторону, замирают и потом резко ускоряются. Бояться, думаю, нечего. Судя по редкому чэнканью, это не стая, а в одиночку даже агрессивный мутант вряд ли решит атаковать баркас.

Вот где-то по ходу движения — едва уловимые басовитые вздохи. Ритмичные. Оумх. Оумх. Оумх. Словно дышит гигантское чудовище, притаившееся возле реки в ожидании неосторожной жертвы. Тихонько, чтобы не выдать себя раньше нужного момента... На самом же деле это ветер гуляет в какой-то объемной полости: может, мост впереди, а может, в остоле прибрежного здания или кронах деревьев возникает эффект эха.

— Рулевой, держи глаз остро, — сказал я сквозь дрему.

Никто не ответил. Ладно, не маленькие, справятся. Да и некому в таких местах засады ставить.

А вот и впрямь интересный звук. Необычный для Зоны. Справа доносится еле слышное жужжание пилы — не бензиновой, ручной. Вжух-вжух, вжух-вжух. Короткая заминка. Вжух-вжух-вжух-вжух. Одноручная, по дереву... Трудно представить, что на ночь глядя кто-то решил на окраине Темной Долины баньку истопить, а для костра здесь не место, да и пилой вмняемые ходки обычно не пользуются. Больше топориком. Видимо, звук идет из-за Периметра — здесь до восточного рубежа не так далеко...

Я почти провалился в сон.

Звезды помутнели где-то в недостижимой вышине.

Пила продолжала ласкать слух, перекрывая остальные звуки и плавно сводя их в фоновый шум.

И прилетели ко мне вместе с нежным «вжух-вжух» обломки памяти. Теплые и тоскливые. Они всегда такие — эти битые куски...

Я вспоминал деда.

Невысокий, крепкий, с пахнущими древесиной руками и внимательно прищуренными глазами, сосредоточенный на чем-то своем — его образ из глубокого детства навсегда остался со мной. Жаль, что я в последнее время так редко вспоминал его.

Дед не любил нежностей, но мне этого и не требовалось. Зато он всегда придумывал занимательные походы и приключения. Однажды договорился со знакомым машинистом, и мы в кабине электрички прокатились до пригорода и обратно. Могло ли существовать большее счастье для семилетнего пацана? Он частенько поминал черта, но не грешил.

А еще дед магнитил живность. Были собаки и коты, которые никого не подпускали к себе, кроме него. Помнится, мне было обидно, что я так и не смог погладить Жулика — бело-черного беспородного пса в деревне. К деду этот хвост сам шел. Шесть лет я старался подманить собаку — бесполезно.

Дед жил просто, но оставлял за собой такой след, который еще долго будет отдаваться в сердцах знавших его людей. Таких, как он, мало. Вокруг миллиарды подмастерьев и единицы мастеров. Дед был мастер.

Он окончил строительный техникум и три года отслужил в Литве, в десантуре. Я его по малолетству с благоговением спрашивал: «Де, ты с парашютом прыгал?». А он ворчливо отвечал: «Девятнадцать раз». Дед частенько ворчал, но если уж смеялся, то от души — всех вокруг заражал. Этому искреннему смеху я тоже тайком завидовал.

После армии он работал в Куйбышеве, в термичке на девятом подшипниковом заводе. Потом ушел с вредного производства, отягощенный трудовыми медалями да орденами. Стал слесарничать и столярничать. В плотницком деле его ум, смекалка и руки нашли такое применение, которого только можно желать в этой жизни. Табуретки, которые он стругал, я уверен, стоят до сих пор. Не пошатнутся, не скрипнут. Полки, которые дед вытачивал, лакировал, подгонял и привинчивал, будут еще век держать на себе любую ношу и не прогнутся. Крепкими деревянными ложками кто-то и по сей день черпает суп.

Он чинил механические часы, шил немудреные предметы одежды, сапожничал, мастерил инструменты, возился с мотоциклом. И любое дело покорялось его волшебным прикосновениям. Дед обладал уникальным даром созидания. Это редчайший удел мастеров.

Я же навсегда остался при нем подмастерьем. У меня легко получалось обтесать заготовку под ножку, без проблем удавалось склеить поперечины, покрыть лаком крышку... А вот взять и сделать табуретку я не мог.

Здесь и проходит грань между подмастерьями и мастерами. Между миллиардами и единицами. И не надо заливать, что многие, мол, сумеют сколотить обыкновенную табуретку... Сколотить — да. Сделать — нет. Между этими понятиями пропасть.

Мы живем в эпоху подмастерьев. Умеем совершать разные манипуляции — умственные и физические, — подчас даже филигранно, с хирургической точностью. Создавать мы не умеем. А те, кому дано, либо не понимают своего таланта и делают шедевры за бесценок, как дед, либо понимают, шагают вверх, зарабатывают баснословные

деньги и... превращаются в подмастерьев. Звук пилы оборвался на полутакте. Я наконец уснул...

Ближе к полуночи Зеленый растолкал меня и поставил за штурвал на смену злущему от чудовищной усталости и легкого похмелья Дрою. Спросонья я не сразу почувствовал рулевое колесо, люфт сделал свое дело, и «Федерация» чуть было не поймала килем целый каскад коряг. Луч прожектора ушел в сторону, в пучке света показались сплетенные в узел ветки упавшего дерева — будто «каруселью» их обработало. Я быстро завертел баранку в противоположную сторону. Баркас выровнял ход. Впереди вновь заскользила ровная водная гладь.

— Смотри, куда прешь, — лаконично прокомментировал Зеленый. — Унылая из вас команда, честное слово.

Он подозвал ежащегося от ночной прохлады Лёвку и велел ему идти дежурить на нос.

— Корму не прикрытой оставим? — спросил парень.

— Я там лягу. Вполглаза буду за тылом следить. — Зеленый подхватил рюкзак, арбалет и потопал из рубки. Бросил через плечо: — Минор, на развилках забирай левой. Ход не меняй. Перед рассветом будем проплывать Припять. Когда увидишь — меня буди.

Я угукнул вслед. Голова была тяжелая, пары часов сна явно не хватало, чтобы снять дневное утомление. Во рту чувствовался металлический привкус — дрых без маски, наглотался дерьма всякого. Да и фильтры пора менять. Только где из взять, фильтры запасные? Чешем незнамо куда, как стая слепых псов, почуявших запах свежатины. Тошно.

Левка собрался идти на носовую часть судна, но я позвал:

— Постой-ка.

Он обернулся не сразу. Постоял в дверном проходе, передернул плечами, поправил перчатки.

— Что?

— Разговор есть.

— Слушаю.

— Сваргань для начала чайку, чтоб бодрости добавить.

— Извини, не могу. Я электрочайник потерял, примус забыл, а кипяtilьник сломал.

Я помолчал, поболтал вхолостую баранкой, но все же снизошел до короткой усмешки.

— Шутка засчитана.

— Хорошо. Пойду дежурить.

— Стоп, умник. А теперь налей в кружки чистой водички, поставь их на кожух двигателя, а когда водичка закипит — всыпь в нее заварку.

Он не удивился моей сообразительности. Ответил просто и без выпендрёжа:

— Понял.

Я оторвал взгляд от блуждающего по воде пятна прожектора и посмотрел на парня. Он стоял и исподлобья глядел на меня, словно ждал чего-то. Лицо утопало в густой тени, бликовали стекла маски. Мне до лампы, что за мыслишки шуршат в этой темной головушке, но насчет угольников правду я узнаю.

— Главное, — медленно, выверяя каждое слово, произнес я, внимательно следя за его руками, — когда поставишь кружки на кожух, придерживай их. Двигатель трясется, вода расплескаться может попусту. Перчатки у тебя крепкие, никаких прихваток не надо.

Лёвка не пошевелился, не вздрогнул. Он только невольно сунул руки в карманы комбеза, будто хотел спрятать то, что в них держал.

Только вот я прекрасно видел: ладони у него были пусты.

Парень машинально спрятал сами руки. Испуг? Вряд ли. Тут что-то еще... Это скорее — дискомфорт. Такая реакция бывает, когда в присутствии больного человека внезапно упоминаешь о проблемной части тела. Или нечаянно касаешься уродства, которого он стесняется. Я понял, что меня так напрягало весь прошедший день. Лёвка ни разу не снял свои прочные перчатки. Выбираясь из говнопечки Фоллена, он сильно содрал ладони — по предплечью кровь текла, — но парень даже не посмотрел на ссадины. Ни сразу, ни позже. Дальше — больше. Когда Лёвка показывал свой вывихнутый локоть, ему, помнится,

пришлось засучить рукав. Это довольно точная манипуляция, и совершать ее в перчатке — крайне неудобно. Не снял. Затем еще были моменты. Перезаряжал оружие, вскрывал консервы, ел...

— Пойду попробую, — наконец сказал Лёвка своим басовитым голосом.

— Удачи, — пожелал я. — Не обожги руки.

Он не отреагировал. Развернулся и вышел на палубу. Через засаленное стекло я видел, как изо рта у парня вырываются язычки пара.

Становилось холодно. Апрель в Зоне особо приятной погодой не радует, особенно по ночам. Хорошо еще, что дождь уgomонился.

Я вернулся к штурвалу. Особой хитрости управление этой посудины не требовало, но концентрацию внимания терять не следовало. Хватило омута в Гавани, чтобы понять: гидроаномалии не менее коварны, чем сухопутные. К тому же не стоило сбрасывать со счетов речную фауну. Если ее пока не видно, вовсе не значит, что ее нет. Открытые водные пространства внутри Периметра слабо изучены.

В луче переднего фонаря блеснули серебристые нити. Я напрягся. Радиальные переплетения подрагивали над рекой, расходясь от центра, который, судя по всему, находился на гнилом пне, торчащем из воды. Создавалось ощущение, что корабль приближался к тончайшей паутине. И я бы принял это предположение за истину, если бы не пара фактов.

А. Обычную паутину незаметно при ярком лобовом свете. Значит, эта светится сама по себе. Бэ. Река здесь слишком широка, чтобы ветви деревьев могли нависать над ней. Поэтому — сверху этой шняге просто-напросто не за что цепляться. Значит, она вовсе не цепляется.

Оплыть сие образование стороной не представлялось возможным — злосчастная паутина растянулась над всей правой половиной реки, где проходил условный фарватер. Тормозить и свистать всех наверх было поздно. Оставалось одно: на страх и риск пройти сквозь фосфоресцирующую дрянь и надеяться, что она не разрежет посудину на куски, не скрутит в штопор, не взорвет топливо, не отправит всех нас в перпендикулярное измерение.

— Малой, ты здесь? — крикнул я наружу.

Рож Лёвки моментально появилась в дверном проходе. Тьфу, блин! Специально караулил, что ль?

— Кто где спит?

— Гост в каюте, Дрой с Зеленым на корме, — быстро выпалил он.

— Тех, кто на корме, живо накрой брезентом... Кусок я видел возле кубрика. И сам рожу под капюшон спрячь!

— А что? — встрепнулся он. — Я ж только чай поставил...

— Смотри!

Я резким движением повернул его башку в сторону аномалии, к которой приближался корабль. Теперь не заметить радужную феерию было сложно. До паутины оставалось метров десять, ее светло-голубое отражение кривлялось в потревоженной реке. Лёвка без лишних эпитетов бросился на корму.

Чем ближе мы подплывали к «неводу» — так я про себя окрестил эту штуковину, — тем меньше этот «невод» мне нравился. Возле пня, где находился центр, колыхался вороний скелет, белые косточки которого я сначала принял за узел паутины. А когда «Федерация» подошла вплотную, я заметил в толще воды трепыхнувшуюся рыбу. Крупную: вроде леща или сома. Не знал, что в ядовитой Припяти такие водятся.

— Маловата для нас сеточка, — храбрясь, пробормотал я. Нос баркаса прорвал мерцающую завесу.

Я ждал электрического разряда, скрежета, вспышки, взрыва, шипения, на худой конец. Привыкший к каверзным ловушкам Зоны мозг ожидал всего что угодно, кроме того, что произошло в следующий миг.

Нити «невода» мягко расступились, пропуская корабль. Широкие сегменты сдвинулись, длинные сжались, и «Федерация» неторопливо прошла через сотворенную дыру,

как через отверстие диафрагмы. Я готов был поручиться: аномалия сама пропустила нас, а не судно пробило в ней брешь. Логично: большая железная рыба оказалась не по силам скромному бездушному браконьеру — так зачем драть сеть, когда можно просто убрать ее с пути.

Но самое интересное произошло, когда середина корабля проходила через светящуюся арку. Свод из тончайшей материи вдруг загорелся, как новогодняя гирлянда, и осыпался вниз бледными желтовато-красными искрами. По палубе, крыше, бортикам и швартовым брызнули мириады мигающих капель, заставив сердце сжаться от смеси ужаса и восторга, и быстро исчезли. День вновь сменился ночью. Сзади осталось неяркое серебристое свечение сходящихся нитей.

«Невод» вновь был заброшен в реку, за добычей помельче.

Все началось и кончилось так внезапно, что я не успел толком понять: причинила ли аномалия вред кому-то из команды или нет. Через минуту в рубку зашел Лёвка и сообщил:

— Норма. Правда, Дрой решил, что фейерверк творится во сне, и собрался нырнуть за рыбой. Быстро опомнился, и все обошлось. Пойду за чаем следить — почти вскипел.

Я кивнул. Парень исчез в темноте.

Любой опытный сталкер знает: Зона крайне редко бывает красивой без последствий. Случается и здесь наблюдать живописные природные явления, но вблизи они, как правило, либо убивают, либо калечат, а решишь издали поглазеть, и какая-нибудь прожорливая тварюга тобой позавтракает. Но иногда словно бы приоткрывается на мгновение занавес, за которым идет спектакль для богатых взрослых — прекрасный и безопасный. И мы, детвора бездомная, отваливаем челюсти при виде красоты, за которую не надо платить жизнью или здоровьем. А потом занавес падает обратно...

ПДА зажужжал в нагрудном кармане, отвлекая от праздных мыслей. Я потянулся до хруста в спине, переступил с ноги на ногу, чуть не свалив стоящий в углу «калаш», и пожалел, что рулевому не положен стул — вахта длинная, ноги не титановые. Достал наладонник и обнаружил ответ от Латы.

Открывая сообщение, я прищурил один глаз и отнес руку с ПДА подальше, будто на экран вместе с текстом мог выскочить выводок химер.

«Гниль ты чернобыльская. Самец купированный. Знаешь, что я тебе на уши натяну, тело фонящее...».

Дальше я читать не стал.

Что ж, не выводок химер, конечно, но тоже неплохо. Так тебе, грубиян этакий, получай по сусалам.

Ответить, что ли? Надо же себя чем-то занять, в конце концов. Да и поговорим по душам, а то вон как баба посреди ночи надрывается в одну моську.

Я стал набирать фразу, наполняя ее холодным сарказмом и колкими подначками, но на половине остановился. Сенсорный экран отчужденно ждал, что будет дальше. Я задумался, глубоко вздохнул. Осторожно прикоснулся к пиктограмме с обратной стрелочкой, и курсор побежал влево, стирая буквы.

Захотелось сказать что-то совсем другое. Без фальши, без вечной издевки, без пьяных соплей. Что-то не такое, как раньше.

Снаружи громыхнуло. Видимо, Лёвка всё-таки уронил жестяную кружку.

Я посмотрел в мутную пелену, высвечиваемую прямо по курсу прожектором. Вода впереди была темная и спокойная. Тронутая лишь неизменным течением. Она мерно скользила под киль, как будущее.

И я понял, какие слова сейчас единственно правильны.

«Вчера я попал в аномалию. Что-то произошло с моим сознанием. Или с памятью... Я видел дочь, словно это было в будущем. Звучит странно, понимаю, не дурак. Но это был наш с тобой ребенок. Вот такая катавасия. Просто захотелось с тобой поделиться этим... даже не знаю, как назвать-то... В общем, всем этим».

Сообщение порхнуло в эфир, и экран погас. ПДА ушел в ждущий режим. Мы, люди, на самом деле очень похожи на компьютеры — пробуждаемся время от времени, чтобы решить

какую-то задачу, пропустить через себя информацию, а потом опять уходим в ждущий режим. До следующего сообщения...

Я всегда подозревал, что лишняя философия до добра не доводит, а сегодня ее уровень для всех нас явно зашкалил и уполз в красный сектор. Еще я знал, что оружие в Зоне нужно всегда держать при себе. Так и поступал. И привычка эта настолько крепко прижилась, что спал я тоже с автоматом в обнимку. А в этот раз облажался. По полной.

Демоны Зоны! Ну кто же мог подумать, что на борту нашего уютного суденышка нельзя было убирать палец со спускового крючка?... Когда я понял, что возле противоположного входа в рубку кто-то притаился, — было уже поздно. И птичка-интуиция вякнула лишь постфактум. Перья бы этой дуре выщипать за беспонтовое квартиранство в моей голове!

До «калаша» — метр. Плюс поднять в боевое положение... Секунды две. Нож с пояса сдернуть и метнуть — гораздо быстрее. Да только... Угроза от противника исходила настолько мощная, что аж озноб пробирал. И понимал я: не успею.

— Рыпнешься — сдохнешь, — словно почуяв мои опасения, сказал визитер.

Сипловатый с придыханием голос оказался незнакомым, и вот это ушибло меня, пожалуй, больше всего. Внутренне я до последнего надеялся, что предателем окажется кто-то из своих, скорее всего Лёвка, а тут — на тебе сосиска! Факт, что рядом со мной враг, которого я совершенно не знаю, на некоторое время шокировал.

— Ты не жилец, — сообщил я незнакомцу, когда сердцебиение чуток стихло. Пусть не надеется, что ковриком перед ним лягу.

— Потухни и тьявалку завали, — просипел он в ответ. Хам. Но нервничает — это хорошо. Значит, у меня есть шанс.

— Ведут на убой, как стадо барашков, а они и рады топать, — продолжил визитер, смещаясь чуть в сторону. — Агнцы недобитые.

Часть его тела попала под отраженный от палубы свет прожектора, и я вздрогнул, увидев глянцеви́то-чернильную щеку. Угольник! Вот почему от него исходит волна угрозы! Такой касатик, судя по тому, что произошло накануне у блокпоста, голыми руками хребет переломать может — вон когтищи какие.

— Ты мне даром не нужен, — сказал угольник, будто почуяв мое беспокойство. — Мне нужен Коломин.

— Хорошо, что мы друг друга понимаем, — согласился я. — Мир?

Визитер медленно повернул голову, и я сумел наконец разглядеть лицо. Угловатое, с мутно-чернильной шкурой и едва различимыми гранями изломов. С провалами глаз. В мимике проглядывало что-то человеческое, узнаваемое, но в то же время от существа так сильно веяло бездушием, что меня невольно охватило сомнение — живой ли он вообще или механический? Я зомбаков поприятней на вид знавал, чес-слово. Угольник хищно улыбнулся.

— Он вам рассказывал, что произошло в шахте?

— Нет.

— Хочет вернуться и справиться с процессом превращения... Идиот. — Визитер молниеносно приблизился ко мне на расстояние удара. Я замер, вцепившись в штурвал. Стало совсем неуютно. — У него есть... вещь, которая нужна мне.

— Валик и белила? — Острота слетела с языка по привычке. Я поправился: — Без обид. Ничего личного, просто уж больно ты... темненький.

— Это не главное. — Черномордый придвинулся еще ближе, и я с ужасом почувствовал острия когтей на ребрах. Зловещий шепот пробрал до костей: — Главное, что с «жемчугом» я смогу вернуться домой.

— Заждались, наверное... — По боку потекла теплая струйка. — Ох! Тихо, тихо... Брось царапаться. Ты хоть не заразный?

— Мы с Коломиным вместе служили. Тряслись в одной «вертушке», когда все звено навернулось... Было страшно, связь прервалась... Чтоб от выброса спастись, в шахту

спустились... Уже догадались, что операция провалилась... — Угольник умолк. Сам, видно, понял, что начинает путаться.

— Теперь бойцы, у которых есть «жемчуг», идут домой.

— А те, у кого нет, пытаются отнять, — продолжил я. — Толком не понимаю, о чем ты, но логика подсказывает...

— Здесь все друг у друга отнимают, — презрительно перебил визитер, слегка ослабив хватку. — А я ведь совсем недавно стал таким.

Он повернул ко мне часть физиономии, которая до этого утопала в густой тени. Я отшатнулся. Между антрацитовыми пятнами виднелись прожилки светлой человеческой кожи. Краешек глаза еще слезился, роговица блестела полупрозрачной пуговицей.

— Я здесь чужой, — совсем тихо сказал он.

— Да я тоже не родной, — ответил я, отчаянно пытаюсь сообразить, как вырваться из мощных лап и не покалечиться. — Так... приживала.

— Ищешь способ слинять? — понимающе ухмыльнулся угольник. — Спроси своего проводника...

Выстрел громыхнул над самым ухом, и я на время оглох. Частички пороха обожгли шею, заставив дернуться и вскрикнуть от боли в груди. Когти визитера расплосовали кожу и скользнули выше, к глотке, но это скорее был рефлекс, чем осознанное действие угольника. Поэтому я успел увернуться: убрал башку в сторону, изо всех сил оттолкнул тяжелое тело и схватился за спасительный «калаш». Правда, теперь он был не нужен.

Из крошечной дырочки в иссиня-черном виске толчками вытекала кровь. Или какая-то темная жидкость, которая заменяла кровь этим существам. Взгляд помутнел, наполовину мутировавший глаз закатился. Труп угольника осел.

Лёвка еще некоторое время продолжал стоять, держа «Гром» в боевом положении — прикладом к плечу. Из ствола вилась струйка дыма, задорно подхватываемая ветерком.

— Штурвал мозгами заляпал, — сказал я, слабо слыша собственный голос.

— Чай готов, — ответил Лёвка.

— Ты вовремя. — Я скосил глаза на угольника. — Велосипедист?

— Он самый. В трюме отсиделся, наверное.

— Лихо ты его.

— Он хотел отнять то, что принадлежит мне.

В бедном моем лысом черепе гремел колокольный звон почище кремлевского. Фразы я читал по губам.

— Знакомцы, я так и понял. А ты, стало быть, Коломин?

— Сержант Лев Коломин. — Лёвка не стал отпираться. — Всё еще хочешь поговорить?

— О, теперь даже сильнее. Аж яйца от хотения сводит.

Подскочил злой Дрой с «Потрошителем» наперевес, следом подтянулся Зеленый и смерил недовольным взглядом Лёвку. Затем посветил фонариком внутрь кабины.

— Без билета на борт просочился, — попытался отшутиться я, ощупывая царапины на груди. Мне хотелось покалечить с Лёвкой наедине. — Кондуктор уже во всем разобрался, идите баиньки...

— Хватит паясничать, брат, — резко оборвал меня Дрой и повернулся к бывшему отмычке. — Если не хочешь, чтобы я тебя в речку выкинул, рассказывай все начистоту.

— Дешевый гопник, — сказал тот, игнорируя ветерана, и вытолкнул ногой тело угольника из рубки. Труп перевалился через комингс и уткнулся в борт. — Если бы вместо болтовни сразу на меня напал — мог бы убить. А так... сплошная театральщина получилась.

Я отметил, как губы Дроя поджались, а кулак стиснул рукоять дробовика. Зря парень так нечутко относится к просьбам нашего веснушчатого друга — казус может выйти невероятный.

— Видно, ты не понял, щегол, — выдохнул Дрой и резко взмахнул «Потрошителем».

Я и заметить не успел, как Лёвка ушел с линии атаки. Дрой, похоже, не целился ему в мурло, а всего-то хотел выбить оружие, но и этот трюк не удался. Дробовик словил воздух, и

сталкера по инерции увлекло вперед. Парень тут же обогнул его, оказался за спиной, выбил ствол и подхватил сзади за шею.

— Не двигайся, сломаю.

Дрой застыл, как истукан. Не ожидал он от юнца такой прыти, прямо скажем. В тесной кабине было непросто столь изящно увернуться от удара и обезоружить опытного бойца.

Реакция, точность исполнения приема, хладнокровие — все это окончательно укрепило меня в мысли: Лёвка не простой паренек, прошедший ускоренный КМБ Зоны. Фига два. За годик внутри Периметра можно научиться обращаться с оружием, ходить десяток-другой километров в полной выкладке по пересеченной местности, огибать стороной ловушки и на слух отличать очередь, пущенную из АК, от стрельбы из «Гадюки». Можно, если повезет, стать неплохим следопытом. Можно, коли не сдохнешь, отточить кое-какие дипломатические навыки. Но за год нельзя стать профессионалом.

А Лёвка профессионал высшей категории не только потому, что умеет, если не больше, то уж точно не меньше нашего. Он профи, ибо не болтает лишнего и зачастую старается прикинуться лошком.

Я аккуратно прислонил дуло автомата к паху паренька и сказал:

— Отпусти старину Дроя, иначе твой мини-сталкер станет вдвое короче.

Лёвка не послушался, но нахмурился — значит принял к сведению.

Некоторое время мы стояли плотной скульптурной группой под покровом ночи. Прохлада и мерное урчание мотора остужали пыл, но первый шаг никто сделать не решался. Подошел заспанный Гост.

— Вы б расслабились, что ли, — осторожно посоветовал он, оценив ситуацию. — Как не родные прям.

— Терпеть не могу гнетущие мизансцены, — согласно кивнул Зеленый. — Вместо того чтоб рулить — балуются.

Лёвка наконец что-то про себя решил. Он ловко вытолкнул офонаревшего от наглости Дроя из рубки и быстро повернулся ко мне лицом. Ствол от его промежуности я убрал, но палец на спусковом крючке пока оставил. Блин. Как же здесь тесно для таких маневров.

— У нас уговор, — холодно напомнил Лёвка.

— Дойти до шахты вместе — да. Сворачивать попутчикам шеи... м-м-м... — я наигранно почесал подбородок, — нет.

Мы смотрели друг на друга в упор.

Дрой тем временем совершил на палубе плавный разворот, как тяжелый ракетный крейсер в фиорде, и приготовился набрать скорость для атаки. Не на шутку наш проводник его обидел.

— Стой, — произнес я таким тоном, что он застыл, так и не начав разгон. — Это покажется тебе странным, брат, но сейчас ты слабее нашего юного следопыта.

— Ты прав, брат, — разъяренно засопел сталкер. — Это кажется мне странным.

— Гляди!

Я молниеносно перехватил Лёвку за руку и одним движением сдернул перчатку. Тот дернулся, но было поздно. Черная как смоль кисть уже оказалась на виду у всех. Он быстро убрал руку в карман.

— Не стесняйся, сержант Коломин, — подбодрил я, чувствуя, что напряжение уже достигло апогея и пошло на убыль. — Расскажи честным бродягам, как дошел до жизни такой.

Гост настороженно наблюдал за парнем, отслеживая каждое его движение. Дрой выглядел вконец ошарашенным. Во взгляде Зеленого зажегся исследовательский интерес.

— Я расскажу, — негромко сказал Лёвка, рывком натягивая перчатку на когтистую конечность. — Но только тебе, Минор...

Дрой открыл было рот, чтобы возразить, но парень не дал ему сказать. Он стремительно вышел из рубки. Обронил на ходу:

— Утром. Всё утром.

Мы проводили взглядами сутулую спину, растворившуюся в густой тьме кормы. Никто не решился перечить этому загадочному человеку... Или уже существу?

Баркас вышел на середину широкой заводи. Теперь никаких посторонних звуков с берегов не долетало, а фонарь высвечивал размытый конус, и казалось, будто туманное пространство вокруг бесконечно.

Мертвый угольник так и лежал едва различимым кулем возле бортика. Что ж, поделом окурку лужа — негоже на чужое зариться.

— Чья была идея чай на двигле вскипятить? — спросил Зеленый, шмыгнув носом.

— Пошел ты... капитан, — огрызнулся я и крепче взялся за штурвал. — Не мешай «собаку» стоять.

Зеленый приподнял брови и обреченно их уронил. Он взял под локоток хмурого, как царь-колокол, Дроя и увел его прочь от кабины. Гост постоял еще немного, но так и не нашелся что сказать.

Он обошел рубку с противоположной стороны и несколькими пинками спихнул бездыханное тело за борт. Булькнуло почти неслышно.

— Прощай, братец угольник, — пробормотал я. Прикрыл глаза, вспоминая сон. Мы все здесь подмастерья Зоны. Кто-то может ловко грабить, кто-то — изысканно убивать, кто-то — пошло шутить. Всяких умельцев хватает. И колотит каждая тварь свои колченогие табуретки, пыжится, уголки ровняет, чтобы толкнуть на базаре повыгодней... Да только зря все, зря. Не прокатит. Реечки-то гнилые.

Глава девятая. Псевдогидра

Утро вечера мудренее... Ага, как же. По всей видимости, фразу придумал разнеженный жаворонок, продрыхший сутки в перине под балдахином. Пусть этот умник попробует четко соображать, когда старые и свежие раны ноют, конечности еле ворочаются от усталости, а мозги толком не оклемались после пары часов беспокойного забытья посреди промозглого болота. Сюрприз будет.

Цевье автомата — не лучшая подушка, но после ночного происшествия иначе как в обнимку с «калашом» я задремать не решился.

— Однажды у меня табельный номер ствола на щеке отпечатался, — сказал Дрой. — Так же вот спал. А потом полдня ходил, отсвечивал.

— Сбивать номера надо, — буркнул я, осматривая царапины от когтей на пузе. — Дай аптечку.

Он протянул мне распотрошенный набор с бинтами и химикатами. Противостолбнячное я еще на вахте вколол, а теперь не помешает разок йодом просмолить. Пощиплет да пройдет.

— Ты б поболтал с нашей черноручкой. — Дрой явно чувствовал себя некомфортно в присутствии на судне человека, которому не мог по-простецки дать в глаз. Сейчас наверняка начнет храбриться и оправдывать свое бездействие. — Не, я его, конечно, не боюсь, но ведь... Он же вроде тебе жизнь спас? Так что за борт кидать — как-то не по-джентльменски.

Ну, что я говорил. Подзуживать сталкера настроения не было, поэтому я сказал честно:

— Мне не меньше твоего хочется услышать таинственную историю про превращение человека в угольника.

— Слушай, а что тот ночной мотылек от тебя хотел?

Я помедлил с ответом.

— Он не от меня хотел в общем-то, а от Лёвки... Я под руку подвернулся.

— О как. Что ж, в таком случае разговор со щеглом может получиться еще занятней. Чего мослы развалил? Вали беседуй.

— Угу.

Про загадочный «жемчуг», о котором упоминал угольник, я распространяться не стал. Нечего Дрою больше положенного знать. Да и права первого обладателя важной инфы никто не отменял: я волен делиться с командой сведениями или не делиться. Поглядим.

Серый рассвет раскатал все впечатление от чудесного звездного вечера. Морось едкими лапками лезла за шиворот, безликое небо давило на макушку, и это ощущение было едва ли не физическим. Уныло. Зябко. Пусто.

На почте валялось несколько общесетевых рассылок, из которых становилось ясно: паника по поводу силового подавления мутантов вне классификации пока не началась. Хотя между строк читалось: в Зоне неспокойно.

От Латы сообщений не было. Видимо, решила, что я напился и излил на нее пьяный бред про пригрезившуюся дочь. Ну и ладно, и к лучшему. Вернусь — поговорю с ней, а не вернусь — пусть слезки прольет над сетевым некрологом. Хотя... от нее дождешься.

Я закрутил крышечку на ополовиненном пузырьке с йодом, поискал в аптечке что-нибудь бодрящее, не нашел и с сожалением бросил ее в рюкзак. Поднялся на ноги, опираясь на приклад автомата, как на трость. Покряхтеть еще не хватало для полноты картины.

Дрой внимательно следил за моими движениями, и на его роже заблаговременно проступала ухмылочка. Этому только дай предлог — махом выстебет. Нет уж, не дождешься ты сегодня от старины Минора поводов для дебильных подколов.

Издалека долетел неясный гул. Я насторожился, Дрой тоже перестал щериться. Но звук подержался в небе буквально секунду и исчез. Судя по направлению и тональности, возле Кордона солдафоны опять отработали по кому-то из миномета. Хотя кто этих вояк знает, могли и гаубицу с гарнизона подтянуть — отсюда не разберешь.

— Через четверть часа подойдем к Припяти с северного рукава, — сообщил Зеленый, высунувшись из рубки. — Тащите сюда провожатого, пусть показывает, где причаливать. Не знаю здешних мест.

Я глотнул из фляжки, прополоскал зубы и сплюнул в реку. Нужно будет нычку вскрывать возле Рыжего Леса, иначе на обратный путь ни харчей, ни питьевой воды не хватит. Коли доживем до этого обратного пути, конечно.

Повесив фляжку на пояс, я вырубил подсевший за ночь прожектор и побрел на корму будить Лёвку, хотя было у меня подозрение, что он и не спал вовсе, боясь быть связанным для допроса. Идя, я старался специально громко бахать каблуками по палубе, чтобы походка со стороны казалась весомей. Зачем? Представления не имею. Захотелось. Может же человеку время от времени хотеться чего-нибудь примитивно необъяснимого, в конце концов. Когда я проходил мимо двигателя, гул повторился. Сначала я подумал, в моторе шумит, но, сойдя по лесенке и завернув на корму, понял: ошибся. Гудело с той же стороны, что и давеча, но уже постоянно. И это не могло быть эхом канонады — слишком ровным был звук.

На вертолет не похоже. Грузовик, что ли? Нет, не то. Чудилось что-то знакомое в этом гудении...

Лёвка и впрямь не спал. Парень сидел, привалившись спиной к ветхому боксерскому мешку, поджав колени к груди и обхватив их руками. Его не по-детски знобило. Лицо под маской было бледным, а кожа даже на вид казалась ледяной.

— Коловоротит? — осведомился я, опускаясь перед ним на корточки.

— Сейчас пройдет, — выдохнул он. — Не знал, что так погано будет...

— Тебя Зеленый зовет. Причаливать скоро.

Он перестал дрожать и залип. Я уж было решил, что инфаркт касатика шибанул, и приготовился откачивать, но тут пацана заколотило с новой силой.

— Б-боюсь, не успеем, — простучал он зубами. — П-прыгать надо.

Бредит, что ли?

— Куда прыгать?

— За борт. «Пылевики» на хвосте. Не слышишь разве?

Я подошел к бортику и вгляделся в мглистую муть. Никого видно не было, но гул уже явственно прослушивался сквозь бурление кильватерной струи и ворчание мотора. Знакомо, очень знакомо... Демоны Зоны! Так шумит воздух в аэроагнетателях.

Колотить мой лысый череп! Если по следам баркаса идет катер на воздушной подушке, дело наше табак. Помнится, однажды довелось покататься на десантном «Урагане-2» — убойная хреновина. Но тогда-то мы были по ту сторону брони. А сейчас — по эту...

— Мама-перемама, — слетело с губ, когда угрюмое рыло машины показалось вдали.

Катер шел на полном ходу. Прибрежный туман разорвало в ключья плотным потоком воздуха, илестые брызги фонтаном сыпанули в сторону, по воде пошли пологие волны. «Ураган-2» плавно сошел с суши и понесся над рекой.

Подбежал Гост и вылутился на приближающегося стального монстра. Дрой неразборчиво ругнулся и за шиворот выволок из рубки Зеленого. Все произошло так быстро, что времени не осталось даже на полноценный испуг.

— Полундра! — заорал я, увидев, как хищно повернулась штурмовая пушка на крыше катера. — Щас полоснет!

Рефлексы заставили тело двигаться стремительно, мозг мигом переключился в экстренный режим и просчитал единственный путь к спасению от готовящегося залпа.

Автомат за спину. Рывок к Лёвке, жесткий захват под мышку, усилие, бросок.

Парень, так и не успев сообразить, что случилось, перевалился через левый бортик и с гортанным звуком ушел под воду. Пусть барахтается. Главное, чтобы ногу судорогой не свело и не захлебнулся, а то не вытащу.

Пока Гост провожал обалделым взглядом Лёвку, Дрой последовал моему примеру: подхватил рюкзак, «Потрошитель», Зеленого с арбалетом и выкинул весь этот походный набор в речку. Только с правого борта.

— Атас, пацаны! — завопил он и сам сиганул следом.

«Федерацию» и «Ураган» отделяло не больше полусотни метров, когда 22-миллиметровая пушка швырнула в нас первый веер свинца. Мы с Гостом как раз отталкивались от бортиков. Гроыхнуло не хуже грозового раската.

Очередь вспенила воду и мгновенно разрубила корму надвое, приподняв баркас. Суденышко клюнуло носом, замедлило ход и пустило сиротливые выхлопы из трубы. Но вторая очередь срезала крышу рубки и навсегда остановила железное сердце «Федерации», превратив двигатель в грудку искореженных деталей.

Всё-таки крупный калибр — это сила, братцы. Хорошо, что мы успели нырнуть, когда воспламенились остатки солярки, и древняя посуда стала с треском разваливаться на части... Блых.

Темная вода тугим прессом ударила в лицо, и звуки моментально стихли. Сквозь толщу теперь слышалось лишь противное шипение тонущих пуль. Их длинные пузырьчатые хвостики метнулись совсем близко, но очередь ушла правее, и замершее сердце вновь заколотило по ребрам изнутри.

Думать четко, считать точно, действовать шустро. Иначе — смерть.

Темное пятно Лёвкиного тела колыхалось метрами двумя ниже, и, похоже, парень таки хватанул воды — конечности бездумно дрыгались, направление «вверх» он потерял. Сам не выплывет, к гадалке не ходи. Я извернулся угрем, перекинул ремень «калаша» наискось и стянул с лица дыхательную маску — здесь она только мешала. Взял направление и сделал несколько мощных гребков. Хорошо, теперь я рядом с Лёвкой. Уши сдавило, тело налилось ледяным ощущением близкой гибели, легкие потребовали кислорода — ничего, это еще не физиологические симптомы, это психика... Я ухватил парня за штанину и, подгребая, поволок его на поверхность. Времени на грамотную процедуру спасения утопающих с захватом под шею не было... Пульс загроыхал в висках, по темечку пробежали мурашки. Не знаю, нормально ли это — мурашки под водой, но ощущение было именно такое. Лёвка уже не дергался, и это мне не понравилось — без хитрого гаврика весь наш самоубийственный рейд вообще потеряет смысл, а потери не будут оправданны. Нет, я вовсе не считал, что Гост, Дрой или Зеленый не выплывут, но прагматическая часть рассудка

диктовала свою статистику. Попали-то мы под крупную раздачу, во всех смыслах слова... Я выпустил остатки воздуха, чтобы подняться, и все мысли вышли вместе с пузырями. Все, теперь только бы вдохнуть! Плевать, что получу в башку порцию свинца! Организм требовал воздуха! Немедленно! В такие моменты с телом не договориться, все компромиссы отменяются с треском...

Когда поверхность уже была на расстоянии вытянутой руки, Лёвка вновь дернулся, и я едва не выпустил его штанину. Спасительный свет опять отдалился. Кровь уже шарахала кузнечным молотом по каждому сосуду в поисках кислорода, но найти его, понятное дело, не могла. Погано. И обидно. Если бы парень не дрыгнулся...

Э! Дружище Минор! Отставить панику и русские обреченные мотивы!

«Вверх!» — приказал я себе и изо всех сил загреб слабеющей рукой. И еще раз. Светлая муть снова стала чуть ближе. Надо бы выпустить тяжелый куль и еще разок оттолкнуться, но тогда...

Голова оказалась над водой так резко, что показалось, будто кто-то вытащил нас. Но постепенно я понял: сам, сам выплыл, никто не помогал.

Диафрагма в грудной клетке выгнулась, как гигантская линза, и воздух с хрипом рванулся в легкие, обжигая глотку. Вдох! Второй! Благодарь! Я живой, живой! И не важно, что почти в лоб смотрит гипнотизирующий зрачок пушки с зависшего в десятке метров катера... Ерунда! Главное, тело вновь слушается меня. А значит — выкручусь.

Я, рьяно загребая одной рукой в сторону, второй подтащил к себе Лёвку и умудрился перехватить его сначала за шиворот, а потом под мышку. Поднял мотающуюся башку над водой. Тряхнул как следует. Он затрепыхался, сблевал тягучей струей и тоже сумел вдохнуть.

А вот это просто чудно. Ибо, если бы пацан сейчас сыграл в утопленничка, то откачать его я бы уже не успел даже при всем желании — без того проблем хватало.

Продолжая грести, как свихнувшийся марафонец, я просипел Лёвке в самое ухо, надеясь, что услышит:

— Сам... плыть... можешь?

Он размашисто качнул головой, и я было принял этот жест за отрицание, но в следующую секунду парень выплюнул кровавый сгусток и гаркнул:

— Могу! Пускай...

С облегчением я оттолкнул его от себя и тут же нырнул, убирая башку. И без того мы сейчас похожи на мишени для стрелка «Урагана», а моя лысина просто манит и вызывает пальнуть по ней, как по поплавку.

Качан я убрал вовремя. Когда вынырнул, вода сзади забурилась от прицельной очереди. Волоски на холке встали дыбом, словно к шее подкралась «электра». Я не долго думая опять нырнул. Поплыл под водой брассом на глубине метра, стараясь менять траекторию и двигаться к берегу. На самом деле, если бы стрелок увидел направление, которое я выбрал, ему не составило бы труда слегка повернуть пушку и превратить мое тело в кровавое облачко. Но выстрелов не последовало.

Через минуту рысканья между сучками прибрежной коряги я в очередной раз высунул голову, чтоб глотнуть воздуха. Лёвкина башка торчала неподалеку, он яростно отплевывался и моргал. Сзади гремели выстрелы, но тональность их изменилась: теперь ворковал не крупнокалиберный бас, а кашлял баритон дробовиков.

Я обернулся, пытаюсь разобраться, что происходит, и, осознав, подивился наглости наших. Дрой с Гостом проворно добрались до противоположного берега и решили открыть ответный огонь. Эффективности против тяжелого катера было ноль целых ноль десятых, зато прыть «пылевиков» они чутка поубавили. Оно и понятно. Когда тебе в лобовое стекло жахают крупной дробью с малого расстояния, очень трудно оставаться равнодушным, даже зная, что стекло бронированное. У водилы нервишки и не выдержали. Он машинально дал задний ход, и аэроагнетатели подняли из-под днища тучу брызг, затрудняя видимость стрелку. Вот умнички: пижон с пухлым, вот молодцы!

Пушка вновь заговорила, но теперь вояки молотили вслепую, а у нас появился шанс броситься врассыпную, потому как охоты тягаться с боевой машиной ни у кого не наблюдалось.

Так и поступили. Зеленый со товарищи дернули на левый берег, мы с Лёвкой — на правый. Остаться в одной группе теперь не было никакой возможности — ноги бы унести! Ведь с минуты на минуту командир наведет в экипаже «Урагана» порядок, и катер продолжит свою истребительную миссию. А намерения у этих карателей злые.

— На сушу! — скомандовал я, ловя взглядом зализанную водой шевелюру Лёвки. — И уходим вон к той пятиэтажке! Не по дороге... Чем больше ухаб, тем сложнее им будет преследовать.

Он кивнул, и мы поплыли к берегу, хватаясь за корягу. Немного в стороне я заметил размытый внешними водами овражек, по которому можно было подняться, чтобы не карабкаться по скользкому обрыву. Если повезет — успеем улизнуть, пока «пылевики» не всосали, куда мы намылились. Не повезло.

И вовсе не по вине образцовой дисциплины экипажа десантного катера. Опасность, как часто случается и Зоне, подкралась вовсе не оттуда, откуда ее ждали. Тут расслабляться нельзя. Замешкался и помер. Все просто.

Когда я почувствовал под ногами илистое дно и принялся не плыть, а идти, безотчетное чувство тревоги сковало внутренности.

Лёвка уже выбрался на берег и теперь таращился на меня расширенными глазищами. Он сидел по уши в грязи, харкал речной мутью и хватал ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова. Фига ж себе! Какое, однако, выразительное мурло... Интересно, у меня сиреневая сопля под носом висит? Или, может, к лысине мозговой слизнячок присосался?

— Скажи, что тебя просто понос прошиб, а то я окончательно испугаюсь, — попытался пошутить я, но парень замахал рукой и так впечатал меня взглядом, что я не решился продолжать острить.

Отдышавшись, он медленно поднес палец к губам, призывая молчать. Затем осторожно отвел его в сторону и тихо-тихо описал полукруг. Мол, обернись, но аккуратно. Не дурак, понял.

Я сглотнул, стараясь подавить нарастающий страх. Что ж там этакое у меня за спиной? Чуни-муни из озера Лох-Несс? Ворчание воздушной подушки слышу, асинхронные залпы из «Потрошителей» тоже слышу. Больше... ничего не слышу. Ладно. Придется посмотреть. «Калаш» висел у меня на ремне через плечо, пытаться снять его одним движением бесполезно. К тому же высока вероятность, что после водных процедур стрелять он откажется. У Лёвки ствола я вообще не заметил — видимо, потерял во время заплыва. Плохо. Но не беда. Автоматная мощь, несомненно, серьезное преимущество, но холодное оружие никто не отменял.

Я, стараясь не пускать волн, подвел руку к бедру и расстегнул чехол. Верный десантный нож был на месте. Рукоять удобно устроилась в ладони, захотелось по привычке подбросить, проверяя балансировку, но я унял рефлекс: в воде такой жест получился бы в лучшем случае смешным.

Медленно, без лишней суеты я обернулся и застыл на вдохе. Камнем. Вид открылся живописный — аж лысина онемела. Мамочка-перемамочка...

Рядом с торчащей корягой над глянцевитой поверхностью водоема возносилось змеевидное существо размером с анаконду-переростка. Неторопливо так возносилось, с чувством, с толком, с расстановкой. Чешуйчатая гадина впечатляла. Она не торопилась атаковать, прекрасно понимая, что добыча слабее и медлительней. Коричневое с перламутровыми прожилками тело было увенчано плоской треугольной башкой с раззявленной пастью, на которую я даже не сразу решился взглянуть. И без того очко в геометрическую точку сжалось. Но человек — тварь любопытная, поэтому через секунду я выдохнул, а глаза сами поднялись вверх. Лучше б не смотрел.

Мы привыкли, что у змей есть ядовитые зубы или что-то подобное. При взгляде на существо, анатомически схожее с аспидом, мы подсознательно готовимся увидеть в пасти

клыки — так уж устроены наши извилины, ничего не поделаешь. Поэтому, когда взгляд мой уперся в ощеренную хлебoreзку, я вздрогнул.

Клыков не было. Пасть чудовища была усеяна корявыми зубами, напоминающими пеньки. Эта бестия не прокусывала жертву, а давила ее. Как мы жуем пищу коренными, так и тут... Только каждый зубик был величиной с кулак.

Воображение у меня не то чтобы очень развитое, но кое-что из физики и механики представить себе могу. Тут и первоклашка представит. С учетом размера башки и разброса рабочих рычагов челюстей попадание человеческого тела в такой пресс неизбежно приведет к страшной гибели.

Это была рациональная составляющая молниеносных мыслей, мелькнувших у меня в мозгу. Эмоционально-физиологическая часть оказалась далеко не такой четкой.

Первый позыв я пресек на корню. Ну не писаться же в штаны при Лёвке? Понятное дело, что под водой незаметно, но я бы все равно сам себя признал зассанцем.

Следующее желание тоже подавил. Ибо ломануться наутек и драпать до самого Кордона без остановки было явно не лучшим выходом из данной ситуации. Один бросок, и змеюка отхватит половинку моего фонащего организма, как не было.

Даже третье рвение я отверг, хотя и с трудом. Всё-таки было бы глупо высказать пресмыкающемуся акселерату в морду личные соображения. Громкая матерная тирада могла его взбесить.

Усмирив таким образом эмоции, я вернулся к здравым рассуждениям.

Игра в гляделки с тварюгой длилась не дольше секунды. Псевдогидра за это время поднялась еще на метр, и теперь ее голова находилась на высоте второго этажа над уровнем речки. Если предположить, что под водой осталось еще половина или две трети тела, то на выходе мы получаем... зверюгу длиной с трамвай и массой тонны в полторы. Нехило. По габаритам с такой дурой мог потягаться разве что псевдогигант или самец химеры, которого однажды мне довелось повстречать возле ЧАЭС. Так, размеры приблизительно прикинули. Вот бы еще узнать скорость реакции, повадки... Да уж, размышлялся. После первого броска узнаю. Главное, чтобы он не оказался для меня последним.

Под воду уходить нельзя ни в коем случае — гадина вылезла из реки, значит, это ее родная стихия. Вступать в бой — чистое самоубийство. Даже если псевдогида и впрямь не так проворна, как упорно старается изобразить, силы явно не равны. Сомнет. Стало быть, выход один: валить подальше в глубь суши и надеяться, что повезет.

Остался суший пустяк. Придумать, как попасть на берег и попутно не оказаться в пасти-давилке.

Я слегка подался влево, готовый в любой момент броситься в любую сторону. Нужно было проверить, как поведет себя змеюка. Риск, понимаю, но действовать наугад с незнакомым хищником — удел самонадеянных желторотиков. А с ними у Зоны беседа коротка.

Псевдогида слегка изогнулась в «холке», как кобра, и повторила мое движение: тоже сместилась немного в сторону.

Позади нее, гудя нагнетателями, разворачивался катер. Дрой с Гостом перестали пулять из своих пукалок, и сейчас «пылевики», наверное, решали, на каком берегу продолжить преследование. Интересно, бестии плевать на здоровенную жужжащую железяку или она учитывает возможность нападения с тыла? Я сдвинулся вправо. Змеюка тоже.

Интересный коленкор. А если я назад подамся, эта ебамба тоже отвалит? Что-то не верится.

Я осторожно отступил на шаг, чувствуя, как каблук ботинка скользит по илистому дну. Но псевдогида оказалась не настолько тупа, чтобы «зеркалить» и это движение. Она выгнулась сильнее, зашипела, словно туча саранчи, и пошла вперед. На меня.

А вот теперь надо что-то делать, поздно умные теории строить!

Я присел, оттолкнулся изо всех сил и с воем выпрыгнул из воды, оскальзываясь и отползая на всех четырех конечностях. С точки зрения гадины я теперь скорее всего казался потерявшей надежду бутявкой. Легкой добычей. Но на самом деле это было не так. Я вполне

расчетливо ушел с линии лобовой атаки, осознанно создал суету, контролируя каждое движение и оставляя резерв для решающего рывка.

Краем глаза отметил, что Лёвка тоже вскочил на ноги и начал отступать к овражку. И правильно: мне помочь он не мог никак, поэтому нужно было спасти свою шкурку. Заодно внимание тварюги рассеял: вместо одной цели перед ней задержались две. А сзади, уже выбрав наше направление, приближался катер.

Псевдогидра внезапно осела. Резко ушла вниз, оставив над водой крошечную часть туловища и башку с захлопнувшейся пастью. Что бы это значило?

На излете мысли я сиганул прочь от воды и угодил в заросли лопуха, огромные листья которого вольготно свисали с обрывистого берега. Приземление получилось мягким, хотя особой радости не принесло: чтобы подняться на ноги, нужна секунда, а за это время меня можно дважды сожрать без соуса.

Змеюка придвинулась к самому берегу и витком прошла вокруг коряги. Шустрая!

Я перевернулся, вскочил на ноги и повернулся лицом к опасности. Выглядел в этот миг я чрезвычайно дебильно: возмнивший себя вершиной пищевой цепи примат с крошечным ножичком в лапке, обрамленный мясистыми листьями лопуха. Лакомое блюдо, однако. Начинка, гарнир... Стоп. Вот за что я люблю свою лысую башку, так это за умение подкинуть нужную идею вовремя. Неоднократно сия способность спасала мне жизнь и берегла от незавидной участи калеки. Спасибо, череп, что терпишь мои нейронные сокровища. Пусть волос в тебе ноль, но с тобой я король.

Зубы. Вот что сразу показалось мне странным в облике чешуйчатого существа. Жевательные, а не колюще-рвущие. Такими неудобно хватать живую, сопротивляющуюся добычу. Этими пенечками в самый раз лопухи жевать.

Лопухи нашей змеюке нужны были, а не мельтешащий перед глазами примат. Нажористые, зеленые, радиоактивные лопухи. Не хищник на меня пер, как трамвай, а самое настоящее травоядное. Вот уж не думал, что причудливая эволюция Зоны такие шедевры творит.

Когда псевдогидра уже нависала надо мной, готовая расплющить помеху, преграждающую путь к вегетарианской жратве, я кувыркнулся в сторону, ругнулся на ударившийся о бок «калаш» и кубарем покатился по прибрежной грязи, чуть снова не оказавшись в реке.

Оп-оп-оп... Бамс. Успел затормозить. Ну и фиг с ним, что больной грудью о бревно, главное — не обратно в мутную водицу. Мало ли какие там еще жучки-червячки притаились.

Гадина с радостным шипением раззявила хлебoreзку и только занесла башку над лопухами, как приблизившиеся на расстояние прицельного огня «пылевики» совершили роковую ошибку. То ли командир экипажа был слишком уверен в броне машины, то ли стрелок собирался первой же очередью срезать неведомую зверушку, но промазал... В общем, пушка разогнавшегося над водой «Урагана» выплюнула порцию свинца akurat в заросли лопуха, превратив их в неаппетитное месиво. Псевдогидра вскинулась во весь рост и развернулась к помешавшим трапезе обидчикам. Не знаю, существуют ли у мутировавших змей эмоции, но мне показалось, что обалделый взгляд налился яростью, а на уродливой морде обозначилась нехорошая ухмылка. Ерунда, конечно, просто мозг додумал так, как ему удобней стало.

В любом случае идиотам в кабине катера я не завидовал. Самоуверенные, привычные к наглости, они не рассчитывали на тот отпор, который получили в следующий миг. Топорное солдафонское воспитание сыграло с экипажем злую шутку...

Псевдогидра атаковала настолько молниеносно, что я даже не успел заметить, как она оказалась возле борта «Урагана» и чудовищным ударом хвоста сбила машину с курса. Вот это силища! Многотонный катер завалился на правый бок, выдув из-под нагнетателей фонтан брызг. Пушка продолжала осыпать окрестности свинцовым градом. И хотя теперь огонь велся не прицельно, мне не улыбалось попасть под шальной крупнокалиберный снаряд.

Ситуация разрешилась сама собой. Два больших минуса в итоге схлестнулись между собой и дали крошечный плюс. Появился шанс свалить из этого негостеприимного затона! А такие возможности упускать — себя не уважать.

Я сунул нож в чехол и, стараясь глядеть под ноги, чтоб не угодить в аномалию, дернул к овражку, где уже дожидался Лёвка. Завидев меня, он махнул рукой и скрылся за поворотом. Одно слово — следопыт. Уже заметил путь для отхода.

Прощайте, братцы «пылевики». Если вас в ближайшее время не разберут на части, то утопят прямо в дорогостоящей консервной банке. Сами виноваты. Грешно травоядных обижать и вкусняшки-лопухи поганить. Овражек оказался с сюрпризом. За поворотом он резко расширился и оканчивался озерцом «киселя». Впопыхах я чуть было не угодил в химическую дрянь, но успел притормозить. Ком грязи по инерции улетел в мерцающую зыбь и исчез без брызг.

Я проводил его взглядом, отмечая, что «кисель» не изумрудно-зеленого цвета, каким обычно бывает, а болотного, почти серого. Странная какая-то аномалия.

Лёвка карабкался по глинистому склону вверх в самом пологом месте, но даже там то и дело оскальзывался. Весь его комбез был в серо-коричневых пятнах, на берцах налипло несколько пластов, в волосах запутался репей. Шпала тупая! Мог бы предупредить, что здесь целый кислотный бассейн! А если б я был на йоту беспечней и вывернул без торможения? Спасай вот таким баклажанам после этого жизнь.

Я выбрал корень покрепче, ухватился за него и полез следом за парнем. Когда добрался до середины склона, нога все же соскользнула, и пришлось распластаться на пузе, чтоб не съехать в гостеприимную едкую муть. Отлично. Был только в иле, стал еще и в глине. Можно мумифицировать. Подтянувшись, вернулся на исходную позицию и продолжил подъем. Лёвка уже выбрался на твердую почву и тянул руку.

Я с негодованием отпихнул перчатку, под которой пряталась черная, измененная неведомым образом плоть, и вылез из причудливой канавы. Тоже мне помощник нашелся.

— Мы с северо-востока к Припяти подошли, — сказал он, не обижаясь на мой резкий жест. — А надо в район «Юпитера» и старого карьера, это западнее...

— Ты себя хорошо чувствуешь? — зло поинтересовался я, доставая из кармана ПДА.

— Приступ кончился, воду выблевал, — пожал плечами Лёвка. — Пока терпимо. А что?

— А то. Через полчаса адреналиновый драйв у тебя рассосется, мышцы остынут и замерзнешь, как сбитый финский летчик. Или ты уже так размутировался, что мелочи вроде переохлаждения не страшны?

Он нахмурился и выскреб репей из волос.

— Об этом я не подумал. Ты прав, нужно сушиться.

— Именно. Спикари есть?

— Нет. Все в рюкзаке осталось. Спички, харчи, аптечка, патроны.

— Рюкзак Дрой выкинул за борт вместе с Зеленым. Так что если шмотьё и выплыло, то все равно мокрое и на другой берег. Двигаем к пятиэтажке, там что-нибудь придумаем. Знаешь эти места?

— Ходил, — коротко ответил Лёвка.

— Вот и веди, мутаген. А еще раз не предупредишь, что за поворотом аномалия, — пристрелю.

— У меня ствола нет, чтоб ведущим идти.

— Твои проблемы.

Церемониться я не собирался. День не задался с самого утра, а дальше, судя по простейшим логическим выкладкам, будет только хуже. Свой автомат я ему не отдам. И так почти голышом посреди Зоны очутились. Клоуны.

Парень достал нож и пошел вперед, вдоль разбитого забора. Изгородь загибалась влево, поэтому пространство визуально контролировалось. Листья жести местами были пробиты осколками и свернуты в рупор. Когда-то здесь отгремел жаркий бой.

Уже на ходу я снял с плеча «калаш», отстегнул магазин и вылил оттуда воду. Красота. Даже если в двадцати патронах из тридцати порохов остался сухим, поди угадай — в каких именно. Автомат-то я сохранил, только это мало что меняло. Пока не найдем, где можно высушиться, — дело табак.

Без особых надежд я врубил ПДА и удивился, когда прибор включился, словно и не побывал только что в загаженной речке. Неужто Фоллен не брехал, когда говорил, что новые наладонники водонепроницаемы? Ну и ну, фартит же иногда. Не зря, ох не зря я ему в треньку продул. Хоть что-то радует.

Звуки сражения катера с псевдогидрой все еще долетали со стороны водоема, но пальба прекратилась, а гул аэроагнетателей стал похож на кашель туберкулезника. Кранты солдатам. С одной стороны, это радует: некоторое время хвоста за нами не будет. С другой... Эта вечно мерзкая другая сторона, Демоны Зоны ее побери! С другой стороны, давно проверено: на место одного погибшего военного приходят два. А судя по тому, какую технику они подняли для преследования, за моего загадочного попутчика «пылевики» взялись всерьез и надолго.

Стараясь не упускать из виду раздолбанный забор и траву, по которой мы топали к одинокой хрущевке, неизвестно как оказавшейся вдали от остальных многоэтажных уродцев Припяти, я глянул на экран наладонника. Почта мигала двумя непрочитанными сообщениями, но сейчас не время объясняться с Латой. Иконка встроенного дозиметра неприятно пульсировала оранжевым — еще бы, искупались мы знатно. Не смертельно, но яйца бы неплохо в ближайшие сутки сполоснуть в дезактивирующем растворе. Детектор аномалий показывал скопление в правом крыле здания. На сканере движения горели лишь две точки — я да Лёвка. Ну и мельтешили неясные пятна возле реки. Либо нам повезло, и мы оказались в относительно чистом секторе, либо датчик врет. Впрочем, уже сам факт, что наша веселая компания до окрестностей Припяти по воде добралась, исчерпал лимит удачи на месяц вперед. А Зона, как известно, баланс блюдет. Поэтому готовиться лучше к худшему.

До пятиэтажки оставалось метров пятьдесят, когда Лёвка остановился и поднял руку, сжав кисть в кулак. Я замер. Парень долго вглядывался в дворовые постройки: останки детской песочницы, выщербленный закуток для помойки, сплюснутый гараж-ракушку и огрызки лавочек.

— Пусто, — сообщил он, опустив руку и передернув плечами.

— Сам вижу. Чего пугаешь зазря?

— Ты не понял. Весь дом пуст. Я... — Лёвка обернулся. — Я же теперь вижу немного лучше, чем обычный человек.

— Ах да, совсем запамятовал, господин рентген. Может, глянешь в мои потроха? Рака там или еще какой гадости нет? А то печенка в последнее время шалит.

Парень не отреагировал на сарказм.

— Странно, что здание необитаемо, — сказал он. — Фон не выше обычного, из аномалий — только «жарки» в правом крыле и одна «карусель» на крыше. А живности совсем нет. Даже крыс.

Я напрягся.

— Как узнал про правую часть хрущевки? Карту в ПДА ты видеть не мог.

— Говорю же, я меняюсь. И довольно быстро. Поэтому у нас не очень много времени, чтобы добраться до шахты. Но здание подозрительное. Тебе решать — идем внутрь или нет.

— «Жарки», говоришь? — почесав под носом, прищурился я. Мокрая одежда уже давно липла к телу и создавала эффект морозильника. — Вот к ним и пойдем. Поболтаем, а заодно и согреемся.

Лёвка посмотрел на меня по-новому, без обыкновенной пустоты во взгляде.

— Знаешь, Минор, ты сталкер с известными закидонами, но каждый раз удивляешь по-новому.

— Девкам особенно нравится. Пошли, мутант, топ-топ.

Мы двинулись мимо расплющенного гаража к щербатой пасти подъезда. Уже окончательно рассвело, и я обратил внимание на странное образование возле подвальных окошек, наполовину утопленных в мешанину из земли и остатков асфальта — вдоль стены тянулась поросль одуванчиков с белесыми шариками пуха на стеблях. Это в холодном-то апреле? Ну-ну. Запомним.

Глава десятая. Хрущевка и одуванчики

Научись приспосабливаться, и даже самая агрессивная окружающая среда станет тебе домом. Ладно, не домом, но приютом. Не первосортным отелем, конечно, с человеком в сортире, который подает горячие полотенца после того, как ты изволил покакать, но вполне приличной гостиницей — с не протекающим потолком, стираными простынями и вменяемой кухаркой. Просто — умеи приспосабливаться.

В дальней части сквозного прохода воздух плыл, выдавая присутствие аномалии. Стены там потрескивали от жара, а на полу мерцало уже штук пять грошовых «капель» и один «огненный шар». В радиусе метров трех все, что могло сгореть, сгорело дотла, все, что могло сплавиться, — превратилось в бесформенные куски.

Я осторожно выглянул, потянул носом сухой воздух и только после этого вышел из-за угла. Стараясь держаться подальше от выжженного пространства, пощупал развешенный на каркасе стула комбез. Чутка влажноват.

Я почесал в лысом затылке. Нужно еще разок жахнуть.

— Может, всё-таки опять поближе придвинуть? — предложил за спиной Лёвка.

— Боюсь, сгорит. Не хочу с голым задом по Припяти бегать.

Вернувшись в комнату, я вывинтил очередной болт из сетчатой кровати и приготовился. Высунувшись на миг в коридор, запулил его в марево и тут же убрал башку: мало ли.

Зашумело, словно небольшой вихрь вдруг решил ворваться на этаж и устроить погром. Стены в коридоре осветились мигающими сполохами, на бетонных плитах закривлялась тень от стула и комбинезона, что-то противно заухало, и яркая вспышка сменилась обычной серостью. Вяло.

— Кажется, ты умудрился вымотать «жарку», — сказал Лёвка. — Невероятно.

— В Зоне и не такое случается, — обронил я и вновь двинул проверять сухость одежды.

Лёвка тоже вышел за мной в коридор, как был, в одних труселях. Угольное почернение у него уже распространилось от кистей рук до самых плеч, прожилки проступили по груди, шее и правой скуле. С непривычки вид парня мог вызвать оторопь и желание немедленно вскинуть оружие, но мне пестрый профиль уже примелькался. Пока он окончательно не превратился в смоляного человечка — даже симпатично. Узор напоминает замысловатую татуировку.

— Не пора ли вместо варварских методов сушки развести костер? — спросил Лёвка. — Есть «жарки», от которых можно поджигать. И горючего материала в хрущобе полно.

— О, у мутагена здравая мысль. — Я снял со стула комбез, ткань была шершавая и теплая. Повернулся к парню. — Инициатива наказуема. Иди собирай дровишки по квартирам. Думаю, у нас полчаса, максимум час — за тем нагрянут военные и разберут на дрова всю Припять.

Он переступил с ноги на ногу, зябко поежился, но без комментариев отправился крушить мебель. Впрочем, кому теперь нужна рухлядь, которую двум сталкерам можно пустить на дрова? Правильно, никому. А значит, это вовсе не вандализм... Идея высушить шмотки на «жарках» пришла мне, когда мы были снаружи здания. Не знаю, занимался ли кто-то подобным экстримом раньше, но попробовать стоило. Максимум, что мы могли потерять при должной сноровке, — предмет сушки.

Подойдя к правому крылу пятиэтажки, мы тихонько сунулись в подъезд, по привычке сверяясь с ПДА и оглядывая каждый закуток. Тут было тихо. Пусто. Мертво. Мы обошли квартиры на первом этаже.

Одна дверь была заперта, но хорошего пинка оказалось достаточно, чтобы весь короб слетел с петель и грохнулся внутрь прихожей. Тлен. Везде тлен, гниль и запустение. Ни признаков сталкерских стоянок, ни аномалий, ничего. Как оставили хозяева эти убогие гнезда во время эвакуации в 86-м, так и замерло все здесь навеки. Диваны с продавленными и сгнившими до пружин подушками, покосившаяся мебель, пыльные люстры, простенькие детские игрушки. Удивил дешевый фарфор: в трех квартирах из четырех в кухонных сервантах за мутным оргстеклом виднелись нетронутые сервизы — хоть сейчас мой и садись пить чай. Такое редко встретишь в покореженном быту Зоны. Лишь на одной кухне порезвился ураган, ворвавшийся через глазницу рамы с разбитым зрачком стекла, — почти вся утварь была разбросана и перебита. А может, и не стихия постаралась, а шальной мутант? Кто его теперь разберет. Да и плевать, прямо скажем. Из полезностей мы вынесли с первого этажа кило соли, просроченный анальгин и полпузырька йода.

Обследование второго этажа принесло немногим больше плодов. К тому же мы стали замерзать, поэтому пришлось ускорить поиски. В однотипных конурках с облупившимися от влаги обоями удалось раздобыть пару кусков мыла и детский шампунь. Жаль, что умывальные принадлежности без воды оказались бесполезны. Также нашлось охотничье ружье с коробкой патронов. Как ни странно, именно эта находка оказалась самой полезной, ибо боеприпас хранился в запаянном целлофановом пакете и выдержал проверку временем. Правда, порох слежался, а маркировка выцвела. Я хорошенько растряс коробку, зарядил и пальнул в стену дуплетом. Выяснилось две вещи: ствол пригоден к бою, в патронах крупная дробь. Ножовку по металлу найти не удалось, а то соорудил бы из двустволки кустарный обрез. Да и вообще лучше б владелец хранил вместо этой дробильной машины ближнего боя нарезную «Сайгу».

Третий этаж встретил запахом гари и теплым воздухом. Весь правый сегмент от лестничной клетки был уничтожен пожаром. Мокрые шмотки к тому моменту уже окончательно остыли на наших тушках, поэтому каскад «жарок», который Лёвка почуял еще снизу, пришелся как нельзя кстати. И чтобы поскорее унять дрожь, мы таки решились применить варварский метод сушки.

Первым же разрядом «жарки» я обратил в пепел чехол для фляжки. Хорошо, что не рискнул ничего более существенного из гардероба положить на рабочий стул. Изголодавшаяся по добыче аномалия долго ворчала на весь этаж, плотоядно выискивая нас языками пламени. Мы засели в дальней комнате, и все бы ничего, но эта зараза запустила цепную реакцию, и «жарки» выжгли едва ли не весь кислород в помещениях. Не уgomонись они через минуту, и два балбеса задохнулись бы, несмотря на близость окна. Еле выжили, зато согрелись.

Как только стихия поутихла, я вышел в раскаленный коридор. Дождался, когда каркас остыл, стер с него гарь и отнес стул на пяток метров. Но и следующая попытка с треском провалилась. «Жарка» сработала гораздо слабее. А с учетом увеличенного расстояния энергии едва хватило на прогрев развешенных портков.

Лишь с третьего раза я угадал оптимальное соотношение. И дело заспорилось.

Дешевые артефакты от фонтанирующей аномалии летели во все стороны, шмотки сохли одна за другой, стены коридора трескали от ритмичных перепадов температуры.

Теперь, когда мы не стучали зубами от холода, и впрямь разумнее было разложить костер и бодрячком досушить мелочь — благо, самые габаритные вещи уже хрустели...

Огонь мы развели возле вышибленной балконной двери, чтобы обеспечить тягу. Наружу повалил столб дыма — демаскировка была обеспечена, но задерживаться в этой дыре надолго мы и не собирались. Пока костер разгорался, порывы ветра то и дело пытались швырнуть копоть то мне в глаза, то Лёвке. Ночные и утренние ссадины болели. И все же на какое-то время нам стало хорошо возле дрожащих язычков пламени. Готовых дарить тепло, но еще слишком слабых, чтобы убивать. Огонь — хитрая стихия.

— Кота детдомовского вспоминаю, — сказал Лёвка, суша над огнем перчатки. — Серо-полосатого, с брюшком, как из плюша, желтыми зенками и мягкими лапками.

— С чего бы это? — удивился я, про себя отметив: а пацан-то детдомовский.

— Коты — уютные твари. У беспризорников в жизни мало уюта — обычным людям, выросшим в семьях, это сложно понять. Кот у нас был вроде талисмана, пока его не выпотрошил какой-то малолетний живодер.

— М-м... — неопределенно покивал я, глядя на измененные пальцы парня, увенчанные когтями.

— А что ты хочешь? — спросил он.

— Густую шевелюру.

— Нет, серьезно. Вот что бы ты хотел прямо здесь и сейчас?

Я исподлобья посмотрел на его лицо. Угольные прожилки при таком освещении уже не смахивали на татуировку. Они напоминали корни, даже, скорее, цепкие щупальца. Жутковатое зрелище. Будто неведомая тварь схватила человека и неторопливо оплетает его тело.

— Блюдо, — ответил я наконец. — Хочу блюдо.

— Какое?

— «Сказочное свинство». Литр водки и миска винегрета. В любой последовательности.

— Откуда такое название?

— Вариант первый. Сжираешь миску винегрета, выпиваешь литр водки и феерически блюешь. Вариант второй. Выпиваешь литр водки и падаешь рылом в миску с винегретом. По-любому получается сказочное свинство.

Лёвка улыбнулся. Прожилки сдвинулись на скуле, черный рисунок слегка поменялся.

— И это твоё сиюминутное желание?

— Ага. — Я не вернул улыбку. Пора перед финалом, каким бы он ни оказался, расставить все точки и апострофы в нужных местах. — Ты ночью пристрелил своего бывшего товарища и спас жизнь мне. Утром я вытащил твою тушку из-под воды. Мы квиты.

— Хочешь говорить со мной? — Лёвка тоже стал серьезным.

— Да.

— Спрашивай.

Я глянул на ПДА, там все еще мигали два непрочитанных сообщения. Подождут.

— Расскажи про «жемчуг».

Парень с трудом натянул высохшие перчатки на почерневшие руки и уставился сквозь подрагивающую над угасающим костром пелену в серые тучи. Отсюда открывался чудесный вид на детскую площадку, заросшую дорогу, пресловутый «кисельный» овражек и заводь, где недавно отгремел бой между псевдогидрой и «пылевиками». Но Лёвка остановил взгляд на сером месиве облаков.

Беспросветная, призрачная, холодная мгла походила на туман. Зеркально отраженный, зернистый, как на плохом фотоснимке. Быть может, облака — это туман небес? Быть может.

— Ку-ку, мутаген, — поторопил я, отгоняя бесполезные мысли. И добавил то ли для него, то ли для самого себя: — Не тупи.

Лёвка наконец оторвался от созерцания серой каши неба и посмотрел на меня. Я встретился с ним глазами, не мигнул. Он не стал упорствовать: перевел взгляд на догорающий костер и начал:

— Истинной цели операции «Фарватер» я не знаю. Нас просто погрузили в «вертушки» и отправили в Зону. Задача была поставлена предельно ясно: захватить один из промышленных объектов на севере Припяти и удерживать его до подхода ученых. Нас предупредили, что в том квадрате замечена сильная аномальная активность. Также сканеры показывали перемещение групп мутантов. В общем, требовалась грубая мужская сила, пока не подползет высоколобое снობьё.

— «Фарватер»? — Я наморщил лоб, припоминая. — Но ведь это случилось много лет назад.

— Много, Минор, много, — ответил Лёвка, и в тоне паренька промелькнула совсем не юношеская тоска. — Половина штурмовой группы состояла из солдатиков и сержантиков, только-только прошедших «учебку», необстрелянных. Старослужащие нас обидно называли «мясным буфером». Было страшно.

Он помолчал, поворошил куском трубы угли. На фоне бесцветного пейзажа мелькнули искры, по балкону запрыгали хлопья пепла.

— Думаю, ты знаешь историю про упавшие «вертушки», — продолжил Лёвка. — Провал операции «Фарватер» всплыл и пошел в массы почти сразу. Командование в то время уже не боялось шумихи вокруг Зоны, и штабисты спустили инфу.

Я пожал плечами, натягивая защитный наколенник поверх штанины.

— Официальную версию слышал. Связь с бортами была потеряна через три минуты после пересечения Периметра. Десантная группа пропала без вести. Очевидцы из сталкеров и патрульных наблюдали крушение нескольких вертолетов, пожары, задымление. Пилот штурмового Ми-24 совершил аварийную посадку и был эвакуирован с юга Припяти.

— Верно.

Я смочил кусочек ткани йодом, протер кожу вокруг глубокой царапины на солнечном сплетении, которой перед смертью разукрасил меня угольник, и снова посмотрел на Лёвку.

— Судя по тому, что передо мной сидит сержант Коломин, который, по логике, должен быть лет на десять старше, чем выглядит, — это вовсе не конец истории.

— Когда навигационные приборы сошли с ума, а турбины отказали, я решил: капец. — Парень застегнул пряжку, поправил португею. — Первый транспорт и впрямь рухнул, а наша «вертушка» отделалась жесткой посадкой. Закрутились, грохнулись на склон. Нас по инерции тащило до самого дна котлована, тряся, как шпротин в банке. Врезались в старый карьерный экскаватор. Кабина — всмятку, но хвостовая часть фюзеляжа уцелела. Из двух взводов выжили девятнадцать человек.

— Странно. Я, кажется, понимаю, о каком карьере идет речь, но никогда там не видел обломков транспортника. Двадцать шестой?

— Да. Ми-26. Обломки... — Лёвка хмыкнул. — После провала «Фарватера» по локациям катастроф был организован совместный рейд спецназа и инженерных служб. Вывезли металлолом и уцелевшее оборудование. Вояки те еще мародеры. Хотя предпочитают называть себя хозяйственниками.

— Понятно.

— В хвосте сидели салаги, поэтому из офицеров выжил лишь один комвзвода, старлей. Связи не было, зато боеприпасов осталось — хоть попой жуй. И, когда начался гон, мы стали воодушевленно отстреливаться от мутантов, поваливших с севера. В горячке боя даже не сразу сообразили, что за гоном следует выброс. Да что тут говорить, многие солдатики вообще в Зону впервые попали.

— Короче давай, — нахмурился я. — Обычно ты не такой разговорчивый.

— Может, слишком долго молчал? — пожал плечом Лёвка. — В общем, чтобы переждать выброс, мы спустились в единственное укрытие, которое успели найти.

— Старая угольная шахта? — догадался я. — Та, что неподалеку от карьера?

— Именно.

— Но она же засыпана. Наглухо.

— Тогда вход был, — возразил парень, вкручивая высохший фильтр в дыхательную маску. — Ее взорвали позже, при зачистке — тогда же, когда остатки вертолета вывезли. Особо умные штабисты посчитали, что таким образом пришибут двух зайцев: тела похоронят, а заодно скроют останки группы от лишних глаз. Кстати, завален ствол шахты только на десяток метров у поверхности. Чтоб дурачье всякое не лазало.

— О как, — я выпятил нижнюю губу, — не знал.

— Мало кто знал... У тебя остался йод?

Я глянул пузырек на просвет.

— На донышке. Я не заметил на тебе открытых ран.

— У меня во фляжке есть немного воды. Давай раз ведем и выпьем. Хоть как-то радионуклиды выгонит.

— И снова мутаген дело говорит, — покачал я головой, бросая ему флакончик. — Вот что. Я устал слушать о твоей трудной судьбе. Если мне понадобится заряд вселенской печали, обращай к Зеленому — он профи. Про «жемчуг» рассказывай.

Лёвка развел во фляге несколько капель йода, глотнул и передал мне.

— Я почти закончил, — сказал он. — Мы стали спускаться по лестнице и внезапно обнаружили, что на минус втором ярусе проход перекрыт стальной переборкой. Долго ли умеючи двум десяткам солдафонов справиться с такой простой помехой? Взорвали запорный механизм, откупорили люк и обалдели. Объект был лишь замаскирован под брошенную шахту. На самом деле — переоборудован в исследовательский комплекс.

Я наострил уши. А вот это уже и впрямь занятно. Я знал о многих подземных лабораториях в Зоне, но об этой слышал впервые. Такую информацию стоило мотать не только на ус, но и на все остальные шерстяные покровы.

— Внутри, начиная с минус третьего яруса, был свет, шуршала вентиляция, даже лифт работал. И ни души. Возможно, бригада тех ученых, которую мы должны были эскортировать, как раз и предназначалась для обслуживания этой станции? Не важно... — Лёвка напрягся, словно прислушался к чему-то внутри себя. Я не стал торопить парня. И он сам продолжил через минуту. — Дальше с нами случилось нечто... жуткое. Прошло много лет, но до сих пор те... события стоят передо мной, будто произошли час назад. Память — коварная сучка... Если думаешь, что я опять о тяжелой судьбе заливаю, не волнуйся — скоро будет про «жемчуг».

Я глянул на ПДА, Часы ритмично помигивали двоеточием между цифрами.

— Терпимо. Рассказывай.

— Наверху зарокотало. Наша группа к этому моменту была на приличной глубине, и комвзвода, уже имевший дело с катаклизмами Зоны, успокоил: мол, не дрейфьте, лососи, здесь вашим плавникам ничего не грозит — переждем и выберемся к солнышку. Но когда грянул выброс, в недрах словно бомбу взорвали. Многотонные плиты на минус третьем ярусе вывернуло розочками, лифт сорвался вниз, электропроводка загорелась, и все освещение, кроме аварийного, вырубилось. А из ствола шахты... — Лёвка поежился, будто вспомнил о чем-то крайне мерзком. — С предельной глубины, от самого нижнего забоя, пошел черный туман.

— Какой-какой туман? — уточнил я, рассовывая ружейные патроны по карманам.

— Это трудно описать, — сказал парень. — Похоже на... выюгу из пепла. Миллиарды невесомых крупинок сливаются в единое целое, превращаются в неуправляемое чудовище.

Я замер. Пепельная мгла тут же всплыла в памяти, заставив содрогнуться. Что-то подобное я видел, будучи во власти «миража». Лёвка даже не заметил моего напряжения.

— Снизу хлынул черный поток, — продолжил он рассказ. — Секундой раньше мы с товарищем зашли в местный сортир отлить, случайность и спасла нам жизнь... Впрочем, я уже давно жалею об этом. Лучше б нас вместе с остальными...

Он осекся и умолк.

— Ты не стесняйся, — подбодрил я. — Продолжай.

— Их словно бы обволокло черным туманом. Но лишь на первый взгляд. На самом деле крупинки не облепили тела солдат, а стали въедаться в кожу, в мышцы. В кости. Эта черная мгла смешалась с кровью... Они кричали. Страшно. Я после этого много видел смертей и мучений, но никогда не слышал, чтобы люди кричали так. Голоса слились в жуткий вой. Мы с товарищем испугались, забились в глубь сортира, но даже из дальней кабинки было слышно, как они кричат. Минуту или две черная метель останавливала сердца семнадцати бойцов, многие из которых были еще совсем мальчишками.

Наверное, в тот момент мне нужно было посочувствовать жертвам давней трагедии, но жалость не пришла. Пожалуй, для Лёвки случай был знаковым и действительно снился в кошмарах. Быть может, если бы я тогда был рядом с ним, у меня тоже остались бы переживания. Но меня там не было.

— Очень трогательно, — сухо сказал я. — Дальше что?

Парень вздохнул. Без особой горечи, просто от наплывших воспоминаний — сострадания от толстокожего сталкера Минора он и не ждал, понятное дело.

— Когда выброс кончился и туман перестал валить из-под земли, мы подошли к сослуживцам и чуть окончательно умом не повредились. Все они будто окаменели, превратившись в черные изваяния. На ощупь тела стали твердые, как прессованный уголь. Оружие, амуницию, боеприпасы и одежду туман не тронул.

Меня осенило.

— Дай-ка угадаю, твой товарищ — это тот хмырь, которому ты ночью на баркасе башку продырявил?

— Да.

— Как все сложно, оказывается. Клановое? Или вы педики? Что, десять лет прожили в счастливом в браке, а потом разлюбили друг друга?

— Не паясничай, — перебил Лёвка, и я поразился жесткости его тона. А парень-то освоился, такое ощущение, что страх потерял. — Отсиделись мы в дальнем конце одного из конвейерных штреков, переоборудованном под лабораторные отсеки. Выбрались из шахты только к ночи. На поверхности договорились никому не рассказывать о том, что произошло. Разбежались в разные стороны, и каждый решил, что другой свалил за Периметр.

Я кивнул. Зона коварна: она умеет убеждать остаться. Знаем, проходили.

— Я бы ушел, — сказал парень, поймав мой понимающий взгляд. — Подальше, без оглядки, чтоб забыть и не вспоминать. Но не смог. Зона не отпустила.

— С нее станется, — согласился я.

— Ты не понял, Минор. Она не отпустила... физически.

Я не нашелся, что ответить. Трудно спорить с очевидным. Зона никого силком не держит. А то, что все сталкеры от нее зависимы психологически, что твои наркоманы, — так это ни для кого не секрет. Но не на уровне физиологии! Вот этого не надо.

Физически территория не отпускает только тех, кто здесь рожден, — мутантов. Да, зомбак или, скажем, кровосос не смогут долго находиться за пределами Периметра. Им нужна подпитка, которую они могут получить только здесь. Без нее — через час-другой на части развалятся. Поэтому у Фоллена во лбу и загорелся фонарь алчности, когда он узнал об артефактах, служащих аккумуляторами аномальной энергии... Стоп.

Я уставился на Лёвку, как на привидение. Тупо проговорил:

— Вы подверглись мутации. То, что поднялось во время выброса из глубины шахты, затронуло и вас с хмырем. Но не убило, как остальных, а лишь видоизменило. Так?

— Источники аномальной энергии при выбросах формируются не только на поверхности в районе ЧАЭС, но и под землей, — пояснил Лёвка, уклонившись от прямого ответа. — Скорее всего шахту для этого и переоборудовали. Ученые собирались изучать подземные процессы в Зоне. Но после провала операции проект быстро свернули, а вход взорвали. То ли очканули, то ли денег не хватило.

Небо над Зоной потемнело, с севера прикатился далекий рокот. По всей видимости, будет гроза. Заныла старая рана, подтверждая атмосферные изменения.

— Если ливанет — потеряем много времени, — нахмурился я, растирая плечо. — Нужно двигать.

— Не ливанет, воздух сухой, — отмахнулся Лёвка.

— Ну-ну, гидрометцентр, — недоверчиво прищурился я.

— Я чувствую. — Парень провел перчаткой по щеке. Темные прожилки на миг посветлели. — Пока метаморфоза не кончилась, организм находится на промежуточной стадии, и пороги чувствительности смещены.

— В любом случае пора. Заканчивай свою историю.

Я встал и разворошил ботинком костер. Угли зарделись, угасая.

— Через несколько месяцев я понял, что не только не могу покинуть Зону надолго, но и внутри Периметра угасаю без подпитки, — сказал Лёвка и тоже поднялся на ноги. — Голод сам привел меня к шахте. Как бездомный пес в поисках зарытой косточки, я откапывал вход.

Вскоре ко мне присоединился товарищ по несчастью и поведал, что его гложет схожее чувство. В конце концов мы сделали лазейку в завале и проникли внутрь, чтобы дожидаться выброса черного тумана. Я не пробовал наркотики, но скорее всего это было похоже на состояние эйфории после убойной дозы. Мы упивались парами, не высовываясь под сами черные клубы. Организм заряжался.

— А потом доза потребовалась снова и снова? — усмехнулся я.

— Ему да. А я начал с каждым разом все меньше нуждаться в подпитке. Словно что-то поселилось в потрохах и работало автономно, как аккумулятор.

У меня внутри все похолодело от стрельнувшей догадки.

— Он его не глотал... — пробормотал я, напрягаясь от очередного громового раската. — Тот угольник, которого Фоллен порешил на операционном столе... Он ведь не глотал артефакт?

Лёвка оценивающее посмотрел на меня. Ответил:

— Не глотал.

— «Жемчуг». Какое точное название. Эта штуковина постепенно вырастает внутри человека. Как в раковине.

— Так и есть. Но, как и у моллюсков, он встречается далеко не у всех.

— Вот почему вы с товарищем расплевались. Своя цапка у него не выросла, и он решил тебе кишки выпустить, чтоб поживиться. Какая у вас, однако, крепкая дружба и налаженная взаимовыручка.

— Он давно за мной охотился. Но несколько дней назад в шахте случился второй прорыв, и процесс превращения ускорился в десятки раз. Его, поди, и скрутило.

— Вот с этого места подробно и с картинками, — велел я. — Что произошло при втором прорыве? Ведь неспроста угольники за Периметр поперли. Аномальный выброс запустил какие-то скрытые процессы?

— Точно не знаю. Видимо, они на протяжении многих лет были... законсервированы. Наверное, впали в какое-то подобие анабиоза. А теперь всплеск энергии разрушил сдерживающие нити, пустил механизмы.

— Но какого банана они поперли за Периметр?

— Трудно сказать. Может, бойцы просто возвращаются домой?

— Ага, такими темпами скоро все мутанты по киевским хаткам разбредутся.

Я проверил двустволку. «Калаш» закинул за спину, натянул ремень, чтоб приклад не колотил по заднице. Несмотря на то, что паршиво сделанные патроны всё-таки промокли и через раз давали осечку, бросать пристрелянный автомат я не собирался. Не развалюсь, потаскаю четыре лишних кило — свое всё-таки, родное.

— Лады. Три коротких вопроса. Первый. Почему ты внешне не изменился с тех пор? Если, конечно, не врешь и действительно участвовал в операции «Фарватер»... Ведь тебе должно быть лет тридцать, так? А вы глядишь от силы на двадцать.

Лёвка помолчал, прежде чем ответить.

— Точно не знаю, что не так с моим организмом, но с тех пор, как внутри стала расти эта дрянь, обмен веществ замедлился. Жизненные показатели упали. Мое нормальное давление восемьдесят на пятьдесят, а пульс даже при нагрузке не выше семидесяти ударов в минуту. По нужде хожу гораздо реже обычного. Зато когда прихватывает и случается приступ, так колотит, что врагу не пожелаешь. Наверное, из-за этой... батарейки я почти не изменился за столько лет.

— Допустим. Вопрос второй. Есть ли закономерность в появлении «жемчуга»? У кого он... вырастает?

— Думаю, теоретически вероятность зарождения артефакта есть у каждого, кто побывал в шахте во время выброса. Но точных данных у меня нет. Да и откуда им быть? Я же не ученый.

— Тогда главный вопрос. За каким хреном мы идем к шахте, раз оттуда уже все свинтили?

Парень опять замолчал. Видно, прикидывал, стоит ли говорить правду. Наконец решил.

— Нужно перекрыть ствол шахты. Я хочу предотвратить катастрофу, остановить черный туман, пока он не начал превращать всех вокруг в носителей. Вояки не понимают, что может произойти, если позволить дряни вырваться наверх. Откроют душегубку, бросят сотню подопытных и будут ждать результатов. Для них «жемчуг» — очередной шанс получить управляемых монстров, которых можно использовать вне Периметра. Очередной эксперимент.

— Э-э-э... — протянул я, пристально глядя на него. — Ты новоявленный спаситель мира, что ль? Уволь, я на это не подписывался. Уж не обессудь, но мои интересы в этом деле гораздо ближе к плинтусу. И, честно говоря, мотивация моя сейчас тоже стремительно падает...

— Получишь ты свой артефакт, не волнуйся, — обронил Лёвка, и я уловил в его интонации нотку оскорбления. — У меня внизу припасена «жемчужина».

— Хитрый, — прищурился я. — А вдруг ты меня хочешь в ловушку какую-нибудь заманить? Вдруг весь этот рейд — часть какого-нибудь плана? Ты ведь до сих пор под присягой.

Лёвка удивленно приподнял брови и тут же их уронил обратно.

— Не обижайся, Минор, но с тебя и взять-то нечего, — сказал он. Пожевал губами. — Не торопись. Ты все поймешь, но для этого нужно спуститься в шахту.

— Я не верю в альтруизм.

— Поброди с мое по Зоне неприканным, нестареющим, одиноким — поверишь.

В этих словах не было патетики и пафоса. Лишь сухая констатация факта. Я на секунду представил себе жизнь этого фактически еще пацана, которому не повезло оказаться не в том месте не в то время, и понял — Лёвка не бравирует.

Передо мной стоял смертельно уставший человек. Уставший от мира и от себя самого.

— Постой-ка. — Я машинально потрогал языком давно сколотый зуб. — Ведь с этой штуковиной, которая у тебя в пузе, ты можешь покинуть Зону. Вон как твои однополчане ломанулись, как только появилась возможность. Почему ты здесь?

— Я детдомовский. Мне некуда идти. Ни родителей, ни друзей, ни девки... Да и прошло столько лет. — Он горько улыбнулся. — Клетка не заперта, Минор, просто там, снаружи, меня ждет пустота.

За окном вновь пророкотало.

— Другой бы на моем месте вспорол бы тебе сейчас брюхо, отковырял от кишок «жемчуг» и свалил бы короткими перебежками в «№92», — задумчиво проговорил я, с прищуром глядя на паренька. — Прикольный расклад, а?

— А ты? — спросил он. Серьезно, но вновь без тени страха. — Как ты поступишь?

Эх, вот вскрыть бы сейчас этого самоуверенного касатика окрест пупка и свалить с хабаром к Фоллену... А ведь год назад я бы так и сделал, причем без особых раздумий. Интересно, что изменилось? Может, взрослою? Поздновато вроде. Неужели старею? Да не, рано. Надо будет на досуге обмозговать варианты — ведь управлять собой возможно, только зная истинные мотивы и действительно важные стимулы. Поведение — штука тонкая.

— Пойдем, — коротко велел я.

Раскаты грома в третий раз пронеслись над гиблой землей, а небо озарилось ртутным свечением. И это не предвестие грозы. Кажется, собирается грянуть мощнейший выброс.

Мы вышли на лестничную клетку и спустились на первый этаж. Идти наперевес с ружьем вместо автомата было неудобно. Цевье лежало в ладони, как чужое, длинные стволы так и норовили зацепиться за каждый угол, непривычное расположение двух курков и спусковых крючков напрягало. Да уж, много я навоюю с этой корягой.

Возле выхода из подъезда внезапно подала голос птичка-интуиция — тюкнула по затылку изнутри: мол, не дремать, боец. Интересно, чего этой дурехе не понравилось? На крыльце я остановился, огляделся. Тихо. Ветерок едва-едва шатает качели, из засохшей грязи торчат велосипедные спицы без обода, вдалеке сереет блин сплюсненного гаража-ракушки. Сканер и детектор молчат. И все же что-то не так.

— Здесь какая-то аномалия, — басовито шепнул Лёвка. — Совсем рядом. Я... чую.

— Тоже чую, — нахмурился я. — Но что это может быть? Электроника тупит, да и на глазок не могу определить.

— Давай попробуем народный метод.

Я кивнул. Достал из кармана несколько болтов, выкрученных про запас из сетчатой кровати, и швырнул один прямо перед собой. Железяка пролетела метра три по дуге, отскочила от бордюрного камня и шлепнулась на дорожку. Ничего. Что ж, стало быть — вперед.

Когда я уже занес ногу, чтобы двинуться дальше, Лёвка дернул меня за рукав, заставив вздрогнуть и застыть на месте. Я гневно посмотрел на него. Парень молча указал на край крыльца, рядом с которым росли одуванчики.

Опа-па! Одуванчики. Вот что показалось мне странным, когда мы еще только шли сюда. А теперь — не обратил на них внимания. Зря.

Белые пушистые шарики мирно покачивались на бледно-зеленых стебельках. Казалось бы, идиллия. Вот только пара нестыковокшибанула по мозгам почище бутылки сорокаградусной. Внутрь заползла тягучая волна страха — так бывает, когда рядом внезапно обнаруживаешь нечто чужеродное и крайне опасное. И теперь ощущение вовсе не было ложным.

Во-первых, в апреле не бывает одуванчиков с семенами. Во-вторых, цветы покачиваются асинхронно. Словно не ветерок их гоняет, а сами шевелятся.

Я вернул занесенную для шага ногу на место. Риторически проговорил:

— Но ведь сюда мы зашли?

— Наверное, повезло. Брось в них болт.

Отступив на метр, я прицелился и бросил холодную железку в белесую поросль. Пфух-х... На месте падения болта крошечные семена фонтанчиком взмыли вверх, но тут же вспыхнули серебряными искорками и осыпались, словно вмиг отяжелели. Детектор заверещал как резаный, фиксируя целый каскад аномалий по периметру дома. Я, морщась, вырубил звук.

То, что произошло с болтом, напугало. Цилиндрик остановился в ямке, и тяжелые семена облепили его от головки до самого кончика резьбы — словно стальные опилки магнит. Матово-металлический блеск моментально исчез. Раздалось потрескивание, и возникшая вокруг железяки оболочка отслоилась серыми хлопьями, подобно невесомой трухе.

От болта остался тонюсенький, проржавевший насквозь стержень.

Мы еще некоторое время стояли, ожидая продолжения, но больше ничего не происходило. Одуванчики как ни в чем не бывало покачивались в разные стороны, на экранчике детектора гасла красная нить.

— Коварная ловушка, — произнес наконец Лёвка. — И ведь не химическая.

— А какая же? — удивленно спросил я. — Металл проржавел. Ускоренная реакция окисления очень даже может вызвать подобный эффект.

— Время. Кажется, пушистые шарики искажают какие-то физические характеристики, и время начинает течь иначе.

Вдоль хребта пробежал озноб. О как. Вспомнились «бумеранги» и аномалии, возле которых они рождались. А что, может, пацан и прав — у Зоны на век вперед странностей припасено.

— Вот вляпались бы мы с тобой в эти цветочки, и проржавели б до костей, — проворчал я, злобно косясь на милые одуванчики. — Теперь понятно, почему здание необитаемо — ни один здравомыслящий мутант к нему на артиллерийский залп не подойдет.

Лёвка кивнул и натянул дыхательную маску. Черные прожилки на скулах спрятались под уплотнителями.

— Будем жребий тянуть, кто первым пойдет, — сказал я.

Парень пожал плечом. Я спрятал за спиной кулаки, в левом зажал болт, потом вытянул руки перед собой. Он, поколебавшись, ткнул в правую. Я показал ладони.

— Не угадал. Валяй окисляйся.

Лёвка повернулся к цветам и постоял так, раздумывая, как бы пройти. Обронил:

— Если с первым болтом ничего не случилось, значит, над семенами аномалия не действует. Надо — по воздуху.

— Резонно. — Я не стал глумиться: пусть спокойно сделает свое дело. — Прыгай.

Он отошел к двери, глубоко вздохнул и с разбегу сиганул над краем крыльца, поджав ноги. По одуванчикам пробежала рябь, они дружно выгнулись вслед пролетевшему телу, но семена остались на месте. ПДА, переведенный на виброрежим, дрогнул в ладони и сразу успокоился.

Лёвка приземлился на дорожку, кувыркнулся боком и замер без движения.

— Эй, мутаген, ты чего? — с тревогой позвал я.

— Страшно, чего, — огрызнулся он, вставая. — Думаешь, если я не такой, как все, то и нервы совсем истлели?

— Не думаю. Сдвинься — ствол брошу.

Я переправил через барьер ружье и приготовился прыгать сам. Главное, не споткнуться. Короткий разбег, толчок, сгруппироваться. С одной стороны, ерунда. Такие упражнения школьники на уроках физкультуры выполняют в качестве разминочных. А с другой стороны... Демоны Зоны пусть раздерут эту проклятую другую сторону! Одно неточное движение, и мой драгоценный организм огребёт повреждения, несовместимые с жизнью. С любой, даже самой невинной на вид аномалией шутки плохи.

Набрав полную грудь воздуха, я на выдохе сделал первый шаг... Раз. Два. Толчок. Кегли подобрать!

Грациозности полету явно не хватило. В наивысшей точке меня закрутило в сторону, ноги распрямились вперед, а руки описали в воздухе бесполезные параболы. Жвах!

Падение вышло жестким: я грохнулся прямо на крестец. Автомат больно впился в спину, локоть тюкнулся о камень, и нерв от удара стрельнул до самого уха. Но это ничего, терпимо. Если б упал на асфальт, с копчиком можно было бы торжественно попрощаться. Благо под задницей оказалась земля — хоть ненамного, а мягче.

Пока я нелицеприятно изъяснялся в адрес одуванчиков, Лёвка помог подняться.

— Цел?

— Частично. — Я потер зад и покосился на пушистые шарики. — Если у тебя когда-нибудь будет стервозная теща — ты знаешь, каких цветочков ей подарить.

Парень заулыбался. Рот его был под маской, но лучики морщинок в уголках глаз не врут. В человеческой мимике вообще много тонкостей, которые учишься замечать постепенно.

— Учту. — Он перестал улыбаться и всмотрелся в туманную дымку за углом пятиэтажки. — Дальше поведу я. Готов?

Я кивнул. Лёвка протянул мне ружье, но я покачал головой.

— Оставь. Ты же теперь ведущий.

Он пожал плечом, взял неказистый ствол наизготовку и потопал вдоль заброшенной детской площадки.

Я двинулся следом. На ходу достал ПДА и вывел на экран карту. Сканер пока не показывал никакого движения, кроме двух жирных точек в самом центре — нас самих. На детекторе тоже зияла почти девственная чистота. Портили ее лишь пятна оставленных наверху «жарок». Чудо-одуванчики электроника продолжала упорно игнорировать — вот и верь после этого продвинутым гаджетам Фоллена...

Обогнув здание по широкому радиусу, чтобы не вляпаться в белесую поросль, которая с этой стороны оказалась намного гуще, мы вышли на холмистую равнину. Обзор с пригорка был хороший. В низине петляла по насыпи пустынная трасса, по обе стороны которой торчали из тумана веточки кустарника. Левее темнели скелеты теплиц. Вдалеке проступали размытые контуры старого карьерного резака. Диск пилы возносился над давным-давно изувеченной породой, как гигантский хирургический трепан из ночного кошмара.

— Обогнем карьер с севера, — решил Лёвка и начал забира́ть в сторону от заброшенного шоссе.

Мы осторожно сбежали по гравии вниз и стали углубляться в заросли кустарника. Радиационный фон подскочил, и я натянул маску. Понятно, что это как мертвому егерю скворечник в подарок, но хоть активной пыли не наглотаюсь раньше времени. Впрочем, коли так и дальше пойдет — без защиты схватим такой дозняк, что на Кордон можно будет возвращаться исключительно с целью организации собственных похорон.

К счастью, через сотню метров фон вернулся к терпимому уровню.

Детектор молчал. Сканер молчал. Эх, всегда бы такую благодать на пути иметь — можно было б детишек на экскурсии в Зону водить.

Я активировал почтовую программу, ярлычок которой давно мерцал двумя непрочитанными сообщениями. Так-так. Одно — от Латы, второе — от неизвестного адресата. Занятно.

Я открыл месседж от незнакомца и усмехнулся. С первых же строк стало ясно, кто телеграфировал.

«Здравствуй, родной. Не смотри на номер абонента. ПДА я отобрал у чьего-то трупа, ему гаджет все равно больше не пригодится. Мы с Зеленым и Дроєм выбрались на другой берег. Теперь топаем вдоль Периметра обратно на юг. До моста далеко, а снова вплавь речку форсировать охоты мало, так что присоединиться к вам — не судьба. Не серчай. Но если вы с малым до ништяков доберетесь, про нашу долю уж не забудьте.:-) Кстати, вы там еще живы?».

Пижон.

Пальцы отстучали ответ: «Живы. Если приятная тенденция продолжится — сообщу».

Я огляделся. Впереди под комбезом двигались лопатки Лёвки, по сторонам тянулись колючие заросли кустарника, под ботинками шуршал дерн. Тишина. Разве что на грани слышимости опять глухо ворчат наливающиеся свинцово-алым сиянием небеса.

Последняя строчка в ленте продолжала выделяться. Честно говоря, не было настроения читать набор глумливых комментариев, которые Лата наверняка прислала в ответ на мое идиотское откровение про видения под мороком «миража». Глупо было писать ей о таком. Чего я хотел? На жалость надавить? Выговориться? Мне вдруг стало противно от всего этого балагана.

Тупое животное породы Минор. Общественная польза нулевая. Перевоспитанию не подлежит...

После некоторых сомнений я все же кликнул на письмо. Исключительно, чтобы погасить строчку, которая уже начинала действовать на нервы. «Зачем ты снова даришь мне мечту?».

Я запнулся о корень, выронил ПДА и налетел на Лёвку, чуть было не сбив его с ног. Он резко обернулся, снеся стволом ружья колючку с сухой ветки, и уставился на меня исподлобья.

— Извини, мутаг... Извини, брат. Споткнулся.

Парень кивнул, развернулся и пошел дальше.

Я подобрал наладонник и быстро погасил экран, словно эта ровная черненькая строчка могла сойти с него и попасть прямиком в душу. Обжиться в ней. Пропечататься на сердечной мышце, как клеймо. Вьестся в серое вещество, подобно несводимой татуировке...

В висках пульсировало, кожа на шее и лбу горела, дыхание участилось. Позорище-то какое. Показательный набор симптомов юного желторотика. Ну-ну, сталкер, спокойно.

Я втянул через фильтры столько воздуха, сколько позволял объем легких, подержал несколько секунд, усваивая кислород, и с шумом выпустил обратно. Крепко сомкнул веки, зажмурился до оловянных пятен и рывком открыл глаза. Отпустило. Нужно идти.

Глава одиннадцатая. Приблудыш

Приступ сковал Лёвку внезапно. Возле ржавой насосной будки, сам агрегат из которой давно растащили на запчасти и цветмет, парень закашлялся, выронил ствол и грохнулся

навзничь, пуская из-под маски пену. В первый момент я подумал, что его хватил эпилептический припадок, но потом вспомнил, как пацана коловоротило на корме баркаса перед нападением «пылевиков». Метаморфоза организма дает побочные эффекты. И, к сожалению, не все из них такие полезные, как гиперчувствительность к аномалиям и обостренное восприятие.

Я опустил на одно колено и подложил Лёвке под затылок чурку, чтобы язык не запал. Стянул маску, убрал пузырящуюся слюну. Губы были ледяные, как у покойника.

Озноб не проходил. Кожа у парня побледнела, отчего сеть черных прожилок на скулах стала похожа на выжженный узор.

— Э, не шали! — крикнул я и хлопбыстнул его ладонью по щеке. Решение оказалось опрометчивым.

Лёвка широко распахнул глаза, с гортанным рыком подался вперед и едва не всадил мне в шею когти. Спасла лишь реакция, отточенная годами в боях с мутантами и себе подобными.

Уйдя от страшного удара, я отпихнул от буяна двустволку, чтоб не вздумал пострелять, и отступил на безопасное расстояние. Но рывок оказался единичным. Лёвка вновь откинулся на деревяшку и прикрыл веки. Прошептал еле слышно:

— П-п-прости... Я не н-н-нарочно...

— Полегчало?

— Ах-ха, уже луч...

Голова его резко крутнулась влево, хрустнуло, и я решил было: крышка, добила бедолагу спонтанная судорога. Смех смехом, а башка кверху мехом — однажды мне приходилось видеть, как один удалбавшийся кислоты лоботряс сам себе шею свернул: спазм и неудачное падение, аккуратно башкой о бордюр.

Но с Лёвкой получилось прозаичней. Его всего лишь обильно стошнило вбок остатками вчерашнего ужина.

— Теперь вид у тебя совсем не товарный, — констатировал я.

— Зато... — Он сплюнул, моргнул и глубоко подышал. — Зато реально отпустило.

— Ну, подъем тогда. Не на курорте.

Лёвка еще некоторое время филонил, харкая и сморкаясь, как заправский туберкулезник, но вскоре окончательно пришел в себя и встал. Подошел к ружью, поднял его за ремень и с некоторым усилием выпрямился. Я оценивающе оглядел его чахлую фигуру и отметил про себя: еще разок-другой так прихватит, и мутагену кранты...

Хрясь.

Рефлексы сработали быстрее, чем я успел сообразить, отчего двустволка мотнулась в руке у Лёвки, а приклад ее расщепило надвое.

Бросок. Сбить пацана с линии огня. Отползти за куст.

Мышцы все это сделали сами. Бывает так, будто бы наблюдаешь за собой со стороны. Странное ощущение: вроде бы ты непосредственный участник событий, а кажется, словно включился вид от третьего лица, как в компьютерной игрушке...

Шлеп. Шлеп. Щелк. Дзынь. Две пули ушли в грязь, одна раскрошила камень, а последняя срикошетила о торчащую из стены трубу.

Снайпер оказался дешевым мазилой, это нас и спасло. К тому же стрелял он со стороны поля с тепличными каркасами и, видимо, не сумел найти подходящую позицию. Но первые промахи только дали нам призрачный шанс на спасение, а вовсе не обезопасили. Любой стрелок, который знает, как правильно держать СВД, автоматически становится крайне опасен. Даже если он тупой, как аспарагус, и выбивает одну мишень из десяти.

Укрывшись за кустом, я оглянулся и без труда заметил блик от «оптики» между тепличных ребер. Засел касатик.

Шлеп. Фонтанчик грунта взлетел метрах в трех от моей ноги. Это хорошо. Значит, снайперюга потерял нас из виду и пульнул наугад. Ну точно — желторотик. Кто ж такому винтовку выдал? И как он вообще в центр Зоны попал?

— Спустимся в карьер? — предложил Лёвка.

— Ни в коем случае. — Я бочком отполз левее, поближе к будке. — Скроемся из виду не надолго. Добраться до противоположного края не успеем. Даже полный дебил сообразит, что можно подойти к котловану и расстрелять нас, семенящих по дну, как по блюдечку. А этот — дебил. Подскочит и от бедра ка-а-ак приложит.

— От бедра из снайперки, ага.

— Я фигурально.

— Что делать будем?

— Попробуем к нему подобраться и ствол отобрать.

— Рискованно. А если он не один?

Я открыл на ПДА активную карту местности. Нет ясности. Своего наладонника у этого вояки либо нет, либо он выключен. Я быстро переключился на ИК-сканер. Возле теплиц фиксировалось расплывчатое пятно, по которому сложно было определить количество человек в засаде. Погано, но не катастрофично.

— Может, архаровец и не один, но ведь нас тоже двое. — Я подмигнул. — Прикроешь?

— Да. — Лёвка пододвинулся вплотную к выщербленному краю просевшего фундамента. — Я бы сам пошел, но после приступов реакция замедлена. Лопухнуться могу.

— Не бубни! Ружье в зубы и за мной. Если стрелок с компанией — завалишь охрану. Только не дулетом стреляй, а то, пока будешь перезаряжать, в почву закатают. И с прикладом аккуратней — вон как расщепило.

Он кивнул, и мы быстро поползли вдоль фундамента к дальнему углу будки. Преимущество наше держалось на соплях: через секунду-другую только ленивый не сообразит, куда мы могли подеваться с пяточка, на котором едва не сдохли. Вариантов-то не так много: либо нырнули в котлован, либо смыкались за насоской.

Возле угла я остановился, вытащил нож и на секунду прикрыл глаза, восстанавливая в памяти особенности местности, которые успел подметить, пока касатик не начал в нас стрелять. От тепличных скелетов меня сейчас отделяло метров пятнадцать. На пути не было почти никаких препятствий, и это играло на руку снайперу, а не мне. Укрыться можно было разве что за ржавым колесом трактора К-700, которое валялось возле лужи.

Доползти до него по-пластунски, перевести дух и рвануть к позиции стрелка в надежде застать врасплох?

Поганая идея. На полдороге положит, даже особо не целясь. Думай, сталкер, думай.

Я открыл глаза и уперся взглядом в бетонный желоб. Сток предназначался для излишка воды, закачанной в резервуар насосом. Резервуара уже и в помине не было, насос давно сломался, а канавка осталась. Вот как бывает. Когда глаз «замыливается», полезно жмуриться, чтобы увидеть то, чего в упор не замечал.

Кивком я указал Лёвке на желоб. Он выкатил глазищи, но я жестом показал: мол, не пидай в шорты, сам первый полезу, а ты — следом. Парень, кажется, понял.

Я лег на живот, взял нож обратным хватом и пополз. Хотелось вжаться в грунт сильнее, но дальше уже было некуда — и без того землю хлебалом черпал. Интересно, моя задница сейчас перед снайпером, как красная тряпка, маячит, или все не так печально? Полминуты, которые ушли на то, чтобы добраться до канавы, растянулись в вечность. Любое неловкое движение могло оказаться последним, если б снайпер не был таким лохом. Наконец я нащупал вытянутой рукой бетонную кромку, подтянулся и перевалился через край. Осторожно выглянул и показал Лёвке большой палец. Он кивнул в ответ и пополз следом.

Я наблюдал, как парень корячится, распластавшись, словно лягушка в препараторской. Ружье мешало ему перемещаться быстро, поэтому путь до желоба занял у Лёвки минуту или больше. Время, время! С этого места мне не было видно снайперской позиции, поэтому сказать наверняка, чем занят в данный момент стрелок, я не мог. И неведение угнетало почище наставленного в рожу ствола.

Лёвка ввалился в бетонное углубление позади меня аккуратно под аккомпанемент очередного громового раската. Он заворочался, принимая удобную позу, и шумно засопел сквозь фильтры.

Теперь оставалось добраться по канаве до низины, темнеющей по левую сторону от тепличных каркасов, зайти снайперу в тыл и устроить акробатический этюд с разрезанной глоткой.

— Я дерну снайперюгу, ты — охрану, — еле слышно прошептал я. — Начали.

В канаве мы передвигались уже на ногах, правда, согнувшись в три погибели. Стараясь ступать как можно тише по загаженному дну стока, я добрался до низины, где бетон уходил во влажную землю. Дальше чапать по грязи не имело смысла.

Самая большая загвоздка была в том, что я не представлял, сколько человек ожидает нас возле теплиц. Одиноким желторотым стрелок или боевое подразделение. Шума, который мог выдать людей, слышно не было. Со стороны казалось, что на пригорке вообще никого нет. Либо касатик и впрямь без сопровождения, либо маскировка у ребят поставлена на профессиональном уровне.

Я жестом показал Лёвке готовность и бесшумно выбрался из рва.

В сей короткий момент мое бесценное тело было наиболее уязвимо. Если б сейчас снайпер обернулся, то я предстал бы перед ним в виде мишени, в которую грех не попасть. Пиф-паф, и казус может выйти невероятный.

Перед решающим рывком я максимально сосредоточился. В грудную клетку словно замороженного цыпленка вместо сердца засунули. Думаете, просто пробраться в тыл врагу и выскочить с кинжалом наперевес, как воинственный горец? Ну-ну. Попробуйте как-нибудь отретпетировать подобный маневр в боевых условиях с вооруженным противником. Сюрприз будет.

Я побежал. Уже не особенно таясь, потому что теперь скорость важнее, чем скрытность. Краем глаза успел отметить, что Лёвка тоже выбрался из желоба и двинулся за мной.

Возле теплиц земля была неровной, словно здесь копали блиндажи. Понятное дело, что укрепрайона в этом захолустье никто не планировал — скорее всего провалы в грунте появились в результате воздействия аномалии. Так часто случается: шальная «гравикаракатица» меняет локацию, а колдобины остаются — только успевай под ноги глядеть. В одной из нерукотворных ям пристроился стрелок.

Когда он обернулся, я уже стоял рядом. Лезвие десантного ножа готово было отведать плоти, но тут противник внезапно кувыркнулся на спину, выпустил винтовку из рук и заверещал:

— Не стреляйте! Не надо! Не стреляйте, прошу!

Я маленько опешил, но бдительность не потерял. Разводит, скотина? Думает, я терпила, которого можно купить на такой карданный трюк? Или по правде сдается?

— И не собираюсь стрелять, — сообщил я замогильным тоном, быстро окидывая взглядом местность. — Я тебя зарежу, псина черныбыльская.

— Не-е-ет... — заблеял горе-снайпер, сдирая с себя простенькую дыхательную маску и отбрасывая в сторону. Ненормальный, что ли?

— Не вой! — гаркнул я, хмурясь. — Один?

— Ага, да, один, да-да... — закивал он, как болванчик.

Подошел Лёвка и бесцеремонно навел на незнакомца двустволку. Нарочито громко щелкнул курком. Стрелок залопотал губами что-то про господу всемогущего и, кажется, писнул в комбез.

Я плавно опустил рукой ствол ружья в землю и сказал Лёвке:

— Пошукай вокруг. Кого увидишь — стреляй без разговоров.

После чего повернулся обратно к снайперу.

— Слышал? Если моему напарнику вдруг попадутся твои сообщники, им крышка.

— Ага, да-да... То есть — нет! У меня нет сообщников! Я... — Он шмыгнул носом. — Я потерялся.

Не особо стесняясь в выражениях, я объяснил уроду все, что думаю о его родовой и видовой принадлежностях, а также то, как следует вести себя дэцэпэшным малышам, которые потерялись и не знают, что делать. Перевел дух и спросил:

- Какого банана в нас палил?
— Я... я думал, вы зомбированные...
— Идиот.
— А?
— Ты — идиот.

— А, да-да, ага... Мы с провожатым шли по Зоне, целая группа ролевиков, это игра была... Но потом из болота какие-то твари набросились на нас, и мы побежали в лес. Я отбил от группы, заблудился и пришел сюда. А из леса... — Он вытер соплю под носом и приподнялся на локте. — Оттуда назад уже никто не вернулся. Я ждал часа три, но бесполезно... Простите, пожалуйста, что я в вас стрелял.

Судя по всему, балбес не притворяется и не врет. Он до смерти напуган — такое трудно симитировать. «Картина дыхания» однозначная. И адреналин от страха разве что из ушей не капает.

Что-то мне в последнее время прямо-таки фартит на ролевиков. Интересно, какому дурачку пришло в голову тащить этих скоморохов в Зону? Беспредел.

- Как звать?
— А?

Я крутанул нож в руке и состроил страшную рожу.

- Тебя звать «а»?
— Нет... Я просто... боюсь я... Тут все не так, как нам говорили...
— Завали хлеборезку. Как тебя зовут?
— Арсений.
— Арсений, ты представляешь, где находишься?
— Мы по тропе перешли через пашню...
— Ты в одном из самых опасных районов аномальной Зоны. Я с трудом понимаю,

почему ты до сих пор жив.

Он хотел что-то сказать, но лишь хлопнул пару раз ртом, как рыба. Уже хорошо, а то орет на всю Припять, того и гляди с «Юпитера» к нам на кофеек сейчас все мутанты сбегутся.

Тенью рядом встал Лёвка. Коротким жестом дал понять: место чистое.

— Ч-что мне делать? — беспомощно спросил стрелок, подтягивая сброшенную в панике маску.

- Тебе честно или велеречиво?
— Ч-честно.

— Застрелись. — Я почесал лысину. — Впрочем, из снайперки вряд ли получится. Могу помочь.

Губы Арсения предательски задрожали. Отлично, он еще и впечатлительный. Вот только олуха с тонкой душевной организацией мне не хватало в этот чудный апрельский денек для полного счастья.

Я нагнулся и поднял СВД, проверил магазин — два патрона. И еще россыпью на земле штук пять. Пулеметчик, блин.

— У тебя есть еда? Вода?

Арсений суетливо расстегнул подсумок и вытащил несколько завернутых в фольгу печеных картофелин, аккуратные бутерброды с ветчиной и бутылку йогурта.

— В-вот. Только не уб-бив-вайте. П-прошу.

Я смотрел на набор юного путешественника и не знал, плакать или смеяться. Лёвку, кажется, обуревали схожие эмоции. Не, ну правда, бывает же Зона иногда благосклонна к таким вот каскадерам. Почему бы к честным бродягам не относиться с подобной снисходительностью, а?

Мое смятение разбил громовой раскат, упавший с неба, словно исполинский акустический пресс. Тут же весь пейзаж несколько раз подряд поменял оттенок: между туч вспыхнуло и погасло зарево ртутного цвета. Странно. Обычно перед выбросом всполохи желтоватые, багряные или оранжевые, а тут — переливчато-серые, как жидкий металл.

— Кроме Драгунова, оружие есть? — на всякий случай спросил я.

— Нет, винтовка только. Я из нее стрелять-то т-толком н-не умею... Я ее подобрал, когда провожатый...

— Котомку давай сюда, — перебил я.

Он протянул дрожащей рукой подсумок и вперил в меня умоляющий взгляд. Кроме смешных харчей, в запасе у ролевика обнаружили крошечный плеер с наушниками-таблетками, мобила с разряженным аккумулятором, несколько плетеных фенечек, увлажняющий крем для губ, авторучка и довольно точная карта северо-западной части Зоны с пунктиром маршрута.

Этот псих что, напрямки с запада приперся? Через Лиманск?

Я еще раз внимательно посмотрел на горе-партизана. Его глаза заблестели и стали окончательно похожи на щенячьи. Нет, не врет.

— И что с ним делать?

Вопрос был риторический.

Лёвка отвечать не стал, лишь знакомо пожал плечом. От его припадочной бледности уже не осталось и следа, дышал парень ровно и глубоко, мышцы напряглись в ожидании активных действий. С каждой минутой в нем все заметнее проявлялись повадки угольника — движения стали сильными и резкими, реакция ускорилась, глаза потемнели.

Если б я не знал о его вполне гуманных целях, подумал бы, что товарищ собирается уничтожить цивилизацию и вернуть вселенную в хаос. По крайней мере вид у сержанта Коломина, несмотря на хилую комплекцию, был грозный и решительный.

— В путь, — сказал я.

— Только не убивайте меня, пожалуйста! И не бросайте... — часто засопев, протараторил Арсений. — Один я не смогу тут... Точно сгину.

— Не ты первый, не ты последний, — цинично бросил я. — Подъём.

Он вскочил как заведенный.

— Будешь отмычкой.

— Как это?

— Первым пойдешь.

— А. Да-да, понял, спасибо... Спасибо!

Точно дурак. Я его на верную смерть подписываю, а этот каскадер счастлив. Ну что ж, пусть надеется и верит, не стану мешать. Для таких типов неведение — благо. Я велел Лёвке:

— Сориентируй паравозика, куда ему чухать, и потопали бодрей. До выброса полчаса, не больше. Нужно успеть в шахту спуститься.

— Он будет только мешать, — не двигаясь с места, сообщил Лёвка.

— Мне плевать, — огрызнулся я. — Идите как хотите, хоть строем, хоть шеренгой по трое. Только на месте не стойте. Хорош тупить!

Лёвка отодвинул растерянного ролевика с дороги и, вскинув ружье, пошел в сторону от карьера. Походка у него теперь была бесшумная, пружинистая, даже слегка грациозная. В каждом шаге чувствовался такой запас силы, что казалось, стоит парню пожелать, и он в один прыжок окажется на соседнем холме. Судя по всему, Лёвка балансировал на кромке пограничного состояния: отклонится в одну сторону и пойдет пачками врагов валить, а поведет его в другую — друзей положит. Знаем мы такой коленкор, проходили. Адреналин zenки заливает, разум мутится, нервы как струны. Шаткое дело, опасное. А если учесть неизвестные мутации, которые меняют его организм, — выходит крайне горячая смесь.

Я собрал с земли пять патронов, выщелкнул из магазина винтовки еще пару, заправил их в свой «калаш» и перевел флажок предохранителя на одиночный режим ведения огня.

Что ж, семь патронов — уже неплохо. Свезло, калибр совпал.

— Чего уставился? Шагом марш, — скомандовал я сыну полка и повел стволом автомата вслед спускающемуся с пригорка Лёвке. — Или последним пойдешь?

Ясное дело, что замыкающим я бы незнакомца и в дурном сне не пустил, но зловещий блеф возымел убойный эффект. Арсений замотал головой и, спотыкаясь, побежал вниз по склону едва ли не вприпрыжку. Мама-перемама. Ума не приложу, как этот конкистадор

доморощенный умудрился до сих пор остаться целым и невредимым. По логике, он должен был в первую же минуту внутри Периметра вляпаться в аномалию, словить пулю или угодить во чрево какому-нибудь прожорливому гаду. По логике, такие йогурты вообще за пределами родительской резервации выживать не должны. Чудны дела твои, Зона. Воистину чудны и загадочны.

СВД я оставил в яме — в нашем случае это лишние пять кило, от которых толку чуть. Оглянувшись по сторонам и стал спускаться с пригорка. На ходу провел над харчами дозиметром и, убедившись, что они не фонят выше положенного, проглотил бутерброд. Почти сразу — второй. За утро мы порядочно набегались, и калории восполнить не помешает. Внизу я предложил перекусить Лёвке, но тот от еды отказался.

Обогнув карьер, мы вышли на старую дорогу и за первым же поворотом угодили в разбухшую от вешних вод мешанину. Не было печали. Теперь мы встали перед выбором: делать еще больший крюк, мотая лишний километр, или лезть в грязь.

— Вперед, — решил я, сверившись с ПДА. — Только в оба гляди. Возле тех контейнеров рябь какая-то.

— Чую, — подтвердил Лёвка, сосредоточенно прислушиваясь и всматриваясь в проход между рядами железнодорожных контейнеров, стоявших вдоль ржавого полотна. — Понять только не могу, что там. Или... кто.

— Может, все же йогурта пустим? Пусть проверит.

— Нет, я сам.

— Как знаешь. Держи глаз востро.

Кажется, Арсений даже не понял, что речь шла о нем и Лёвка только что своим решением вновь спас его филейные огузки от неприятностей. Мы двинулись дальше в том же порядке: Лёвка первым, Арсений за ним и я в хвосте. Горе-приблудыш то и дело вздрагивал, озираясь по сторонам, корчил жалостливые мины, но молчал. И правильно делал, а то бы я его точно пристрелил. Патрон, конечно, жалко было бы расходовать, но будь каскадер шумным — доставил бы несоизмеримо больше хлопот.

Один раз он повернулся было и отвалил челюсть, дабы сообщить что-то или спросить, но я без комментариев наставил на него автомат и произнес бесцветным тоном:

— Только растопырь хлебoreзку, и отягощу твой череп свинцовой пилюлей.

Арсений сипло вдохнул, попятился и задрожал. Ничего — в данном случае лучше перепугнуть, чем недоотращать.

Когда мы подошли к контейнерам вплотную, я отодвинул салагу к груде гнилых шпал, шикнув:

— Стой здесь и не отсвечивай, что бы ни произошло. Сойдешь с этого места, и тебе мутант мошонку на чувствилища наматает.

Кажется, я всё-таки переборщил: комбез в паху каскадера набух мокрым пятном.

Лёвка напрягся, тихонько разрядил ружье и прислонил его к гофрированной стенке контейнера. Я не стал уточнять, почему он пренебрегает оружием: парню сейчас виднее. Наверное, в своих рефlekсах он теперь уверен, а древняя двустволка будет лишь мешать.

Исчез Лёвка моментально. Я не уследил и пропустил момент, когда он сорвался с места, будто презрев силу инерции. Помнится, когда я возле КПП позавчера впервые столкнулся с отрядом угольников, меня тоже поразила манера их перемещения. Бестии словно бы игнорировали некоторые законы физики.

Арсений стоял как истукан, не смея даже прикрыть руками обмоченные штаны. Только глазные яблоки у него крутились туда-сюда, как шарики в лототроне. Хорошо, пусть стоит, целее будет. Мне хотелось посмотреть на экран наладонника, чтобы представлять, где сейчас Лёвка и с чем все же мы имеем дело, но я понимал, что в случае нападения окажусь не в лучшей ситуации, поэтому продолжал держать автомат в боевом положении и выцеливать пространство между двумя ближайшими контейнерами.

Визг и глухой удар взрезали слух настолько неожиданно, что мне пришлось заставить себя не надавить на спусковой крючок. Будь нервы вольного сталкера Минора чутка хилей — израсходовал бы зазря патрон.

Ком сплетенных тел мелькнул впереди серым росчерком, и я не успел разобрать, с кем сцепился Лёвка. Плохо! Не зная, с каким именно врагом предстоит сражаться, всегда стартуешь с заведомо проигрышной позиции.

Схватка продолжилась за торцом контейнера. Звуки возни и скулеж не прекращались. К ним добавилось невнятное бормотание. Почти сразу за Лёвкой и его неизвестным противником проход пересекли еще два серых мазка. И на мгновение повисла тишина. Хрясть. Да кто ж это такие, Демоны Зоны их поberi? Хрясть. Хрясть...

Возле края контейнера я оказался уже в следующую секунду. Приставным шагом вышел из-за угла, готовый стрелять, но было уже поздно. Бой кончился.

Я стоял и смотрел на замершего в хищной позе Лёвку, чувствуя, как по спине маршируют стройными рядами крупные мурашки. Жуть-то какая. Главное, чтобы чувствительный Арсений не вздумал подойти и полюбопытствовать, что здесь произошло, а то, чего доброго, коньки протянет от вида столь чудесного натюрморта.

Небо сверкнуло стробоскопическими сполохами и в очередной раз уронило на гиблую землю ухающие раскаты грома.

Рукава Лёвки были по самые плечи забрызганы кровью, на разгрузку налипли темные сгустки, об анатомической принадлежности которых я предпочел не гадать. С когтей капало. В правой руке он продолжал держать изуродованное человеческое тело — легко, словно тряпичную куклу. Еще двое неудачников валялись рядом с вывернутыми на сто восемьдесят градусов головами и вспоротыми животами. Три хруста — три труп.

Несмотря на пятна крови и ошметки внутренностей, я узнал цифровые камуфляжи бойцов спецподразделения «Пыль». Вот почему их перемещения было так трудно отследить, а движения напоминали размытые серые сгустки. Современные маскировочные комбезы позволяли солдатам сносно мимикрировать под окружающую среду. Жаль, Лёвка их изгваздал и подрал в лоскуты — могли бы козырно прикинуться.

«Пылевикам» не помогли острые тесаки. Применить огнестрельное оружие они тоже не успели. Их не спасли броники — парень каким-то невообразимым образом умудрился прямо в бою расстегнуть ремни и порвать под броней плоть своими страшными когтями.

Я на секунду представил, как Лёвка нападает на меня. Молниеносно, расчетливо, хладнокровно... Внутри затрепетал холодный язычок страха. Пришлось признать: у меня против такого существа — ни единого шанса. И спасибо случаю, что этот убийца — на моей стороне.

— Нужно уходить, — горловым голосом проворковал Лёвка, отпуская наконец безвольное тело «пылевика». Оно осело в грязь. — Где-то неподалеку есть еще военные.

— Веди, — сказал я, не решаясь вслух комментировать результаты схватки. Лёвка с каждой минутой будто бы отдалялся, становился чужим. — Сейчас только йогурта нашего доблестного подберу.

— Не бойся меня, Минор, — с придыханием проговорил Лёвка. Словно бы играючи сделал пункцию моим мыслям и угадал, что тревожит опытного ветерана. — Я просто хочу добраться до шахты и остановить черный туман. Хочу отвести большую беду. Этой проклятой земле и без того крепко досталось.

Он сноровисто обыскал трупы, положил в карман разгрузки пару гранат, бросил мне скользкий «рожок» для «калаша», а себе взял увесистый «Узи», который последний из подоспевших бойцов так и не успел снять с предохранителя. Складной приклад израильского пистолета-пулемета удобно лег на согнутый локоть: было видно, что Лёвке не впервой обращаться с этим редким для Зоны оружием.

Я обернулся, чтобы позвать приبلудыша, и обомлел. Арсений стоял возле угла, как-то криво опираясь о контейнер. На роже подрагивала гримаса боли, а левая нога мучительно медленно отъезжала в сторону по скользкой грязи.

Если б не осмысленный взгляд, я бы подумал, что йогурта зомбировали.

— Скрижали нет-нет я пропущу, — внятно проговорил Арсений.

И вот тут мне стало уже всерьез не по себе. Только свихнувшегося от вида бойни ролевичка нам не хватало...

— Эй, — позвал я, — тебе плохо?

— Покойные скрижали, нет-нет я выйду.

Я вопросительно посмотрел на Лёвку. Парень не выглядел растерянным. Он подошел к Арсению, сдернул маску, уверенно взял приبلудыша окровавленными пальцами за подбородок и отжал нижнюю челюсть. Тот не сопротивлялся. Из рта вывалился розовый язык, в положении и пропорциях которого что-то было не так. Как будто левая часть весила гораздо больше, чем правая. Всё-таки мутант?

Я машинально поменял в автомате магазин на трофейный и передернул затвор.

— Скажи: мама мыла раму, — велел Лёвка Арсению, внимательно глядя на того в упор.

— Мама малым ходом... — начал приبلудыш, но осекся, словно сам понял, что сморозил глупость. Он поправил правой рукой собранные в хвостик волосы и попробовал снова: — Мама... Не могу больше терпеть скрижали! Покойные на выход!

— Обе руки подними одновременно, — требовательно произнес Лёвка.

Горе-ролевик кивнул, совершил целый ряд непоследовательных движений, после чего его нога окончательно соскользнула в лужу, и он сел на задницу. Лёвка обернулся ко мне и констатировал:

— У него инсульт. Если не извлечь тромб, мозг скоро задохнется.

— Как я понимаю, для этого нужны: а — операционная, бэ — хирург.

— Да.

Я перевел взгляд на развалившегося, как на привале, Арсения. Он часто мигал и пытался сфокусироваться на собственном ботинке. Со стороны могло показаться, что турист присел отдохнуть и маленько тупит после сложного перехода. В действительности все было гораздо плачевней. Ближайший хирург — Болотный Доктор, но до него слишком далеко. Да и не факт, что эскулап горит желанием оперировать незнакомого балбеса. Что ж, бывает и так.

В Зоне мало что выглядит привлекательно. А касательно жизни... так она вообще редко заканчивается красиво. «Калаш» медленно пополз вверх. Казалось, это не я поднимаю руки с автоматом, а сам ствол возносится, чтобы помочь сгнать пацаненку, который вылез из своей уютной песочницы и ненароком угодил прямым в ад. Надо же, как ты, оказывается, коварна, Зона. Дала человечку небывалую фору, позволила, можно сказать, себе в душу залезть, а потом легким движением уравнила шансы до нуля. Это ведь твои дела, Зона, я знаю. В таком возрасте инсульты так просто не случаются.

«Калаш» остановился. Теперь он таранился слепым зрачком дула аккурат на бледный лоб Арсения.

Грань между добром и злом, говорите? Совесть? Ну и где вы, демагоги унылые, когда нужно пошевелить пальчиком и спустить курок? Ау!

— Не серчай, — прошептал я, понимая, как неумно и неуместно звучат здесь и сейчас эти слова. — Надо было играть понарошку.

ПДА завибрировал одновременно с возопившей на весь череп птичкой-интуицией.

Опасность надвигалась со стороны теплиц, откуда мы только что ушли. Я насторожился и оглянулся на Лёвку. Парень стоял, вытянув шею и прислушиваясь. Он всасывал почерневшими уже ноздрями воздух, как ищейка. Дыхательная маска, видно, уже не приносила парню пользы — она мертвым грузом висела на шее.

— Семеро, — тихонько сообщил Лёвка, и я едва узнал его голос. Если раньше он говорил баском с характерным, узнаваемым тембром, то теперь тон стал блеклым и равнодушным, как у наркомана. — Один — с тяжелым вооружением.

Я мельком посмотрел на экран наладонника. От шахты наперерез военным двигались точки, которые сканер не мог распознать. Зверье? Вряд ли. Идут слишком плотной группой и держат строй.

— Угольники, — прокомментировал Лёвка, перехватив мой взгляд. — Их я отлично чувствую.

— Между молотом и наковальней...

До конца озвучить и без того очевидную догадку я не успел. Звон скрикошетивших от контейнера пуль разбил повисшее напряжение. Я ухватил вздрогнувшего Арсения за шиворот и оттащил в укрытие, за железную стену. Его голова мотнулась туда-сюда и упала на грудь, я почувствовал, как в отворот перчатки потекло теплое, и машинально отдернул руку. Кровь.

Едва я отпустил Арсения, он завалился на спину, и стало видно, как из рваной раны на шее толчками фонтанирует алая струя. Пацаненок испуганно глядел в серое небо, но взгляд его стремительно тускнел. Жизнь отпускала трепещущую душу. Рот то открывался, пуская тягучую нить слюны, то закрывался. Быть может, наружу рвались какие-то последние слова, но голосовые связки были перебиты.

— Прощай, братец Арсений, — проговорил я и опустил ему веки. По агонизирующему телу побежали волны судорог.

Выстрелы не повторились, но оставаться здесь было опасно. Шальные пули убивают столь же результативно, как выпущенные прицельно. Лёвка уже переместился за соседний контейнер и призывно махал мне оттуда. Задерживаться дольше нельзя.

Отряд военных, судя по маркерам на карте, слегка изменил направление движения, отклонившись к северу. Спустя секунду повернули и угольники. Теперь вероятностные траектории обеих групп пересекались у недоделанного трубопровода, верхушки огромных сегментов которого я заметил в болотце возле дороги.

Неужто угольники собираются дать бой солдафонам в этой жиже?

Гадать резона не было. Я рывком преодолел расстояние между контейнерами и оказался рядом с Лёвкой.

— «Вертушка» с юга летит, — сказал он.

Я тоже услышал гул минутой ранее, но, честно говоря, принял его за отзвуки громовых раскатов.

— Если накроет ракетами — нам хана. Сумеешь быстро довести до шахты?

— У входа много аномалий. И можем попасть под перекрестный огонь военных и угольников. Нужно будет двигаться очень шустро, на грани твоих физических возможностей. Готов?

— Не пугай, пуганые, — огрызнулся я.

Лёвка плотоядно улыбнулся, заставив в очередной раз мурашки промаршировать по моей холке. Антрацитовые губы блеснули в ртутных отсветах небес, прожилки на скулах изогнулись в агрессивный узор. В образе моего спутника ничего не осталось от того замкнутого отмычки, которого мы со сталкерами знавали раньше. От него сейчас исходили мощные, почти осязаемые волны угрозы.

Но не стоило забывать, что неподалеку бегут навстречу «пылевикам» еще несколько существ, не уступающих моему напарнику ни в силе, ни в ловкости, ни в скорости реакции.

— Будет жарко, — кивнул Лёвка в ответ на мои мысли. — Главное, помоги мне добраться до шахты и спуститься вниз. Я сам все сделаю. Переждем выброс, и заберешь «жемчуг» — когда будем на месте, я покажу, где он лежит.

— По рукам.

Мы, прикрывая друг друга, побежали вдоль контейнеров, шлепая по слякоти и нещадно пачкая одежду. Впрочем, вымазанному с ног до головы чужими потрохами Лёвке это было что танку роса, а мои шмотки хоть и подсохли на «жарках», чище от этого не стали.

Автомат я держал в боевом положении. Пусть потеряю немного в скорости, но хотя бы буду готов дать отпор в случае неожиданного нападения. Ружье, которое так и не сделало ни единого выстрела, кроме пробного, мы без сожалений оставили. Подбежав к последнему ряду контейнеров, я следом за Лёвкой обогнул по широкой дуге «жарусель», которая неторопливо кружила в дрожащем воздухе несколько мелких щепок и переломанную птичью косточку. Злая аномалия, коварная. Втянет, и пикнуть не успеешь, как в фарш превратишься.

Гул турбин приближался. Я посмотрел на южную часть неба и разглядел на фоне свинцовых туч серебристую точку. Скорее всего штурмовой Ми-24. А гарнизонные командиры смельчаки, однако: посылать в центральную часть Зоны «вертушку» перед

самым выбросом — мера крайняя, рискованная, накладная. И без того летать здесь небезопасно по причине непредсказуемых атмосферных аномалий, а уж за считанные минуты до начала катаклизма...

Возле развилки железнодорожного полотна Лёвка притормозил, дождался меня и, прежде чем высунуться из-за крайнего контейнера, указал на стрелу погрузочного крана, упавшую поперек путей:

— Бежим точно вдоль нее. За платформой будет спуск на перевалочный пандус, по левому борту можно проскользнуть к шахте. Может, повезет, и успеем попасть внутрь до того, как нас подстрелят.

— Скорее всего нас уже заметили. — Я перевел дух после спринтерского забега. — Просто воякам сейчас не с руки отвлекаться на двух драпающих сталкеров. Они же видят группу угольников на своих сканерах.

— Боюсь, их приоритетная задача — захватить или убить меня. Во-первых, им нужен мой «жемчуг», во-вторых, они наверняка поняли, что я задумал. А засыпать источник неведомой энергии и лишить тем самым себя плацдарма для экспериментов в планы штабистов явно не входит.

— Хреновый расклад, — признал я, осторожно выглядывая из-за угла. Пока бойцов видно не было за торчащими из темной жижи частями бетонных труб. — Что ж, поскакали. А то, чего доброго, с воздуха отутюжат.

Вертолет приближался и, судя по уверенному ходу, курс держал точно на нашу локацию. Минута — и выйдет на прицельную дальность. Ракетами, конечно, лупить пилот не станет — все же где-то тут его однополчане бегают, — зато из пушек приложит без вопросов. А что такое обстрел из крупнокалиберных авиационных орудий, я себе отлично представляю. Спасибо, увольте от такого счастья.

— Не отставай, — крикнул Лёвка и мгновенно сорвался с места.

Я пропустил следом, стараясь одновременно глядеть под ноги, чтоб не споткнуться, контролировать фланг, где в любой миг могли появиться как угольники, так и бойцы «Пыли», и периферийным зрением отслеживать пятно «вертушки» в полыхающем серебристыми зарницами небе.

Лужи, шпалы, щебенка. Взгляд направо, вверх. Следить за дыханием, не сбиваться с ритма, не упускать из виду Лёвкину спину, которая уже мельтешит возле кончика упавшей стрелы. «Живей! Живей, лошадь дряхлая!» — мысленно подстегнул я самого себя.

Счет теперь шел не на минуты, а на секунды. Турбины уже отчетливо были над головой, а тугой поток воздуха от лопастей подбирался сзади, взбивая грязь и кружа вихри из мусора.

До пандуса — метров десять. Не успеваю... Не ус-пе-ва-ю, Демоны Зоны вас всех разорви!

Я заставил себя ускориться еще сильнее, хотя казалось, что на большее организм не способен. И когда птичка-интуиция панически заверещала, предчувствуя, что через мгновение пилот нажмет на гашетку и свинцовый ураган разметет мое драгоценное тело по окрестностям, я увидел, как спереди буквально из земли вырос Лёвка. Мне казалось, что парень уже давно спрыгнул на пандус, и его появление стало полной неожиданностью. Лёвка стоял лицом к приближающемуся вертолету: мне пришлось резко сменить траекторию, чтобы не врезаться в него на полном ходу. Протекторы ботинок не справились с маневром, и ноги скользнули по диагонали, отправляя меня в неконтролируемое падение. Глубокая лужа спасла органы и кости от повреждений, но я захлебнулся в вонючей воде и на какое-то время упустил нить событий.

Мир поплыл. Ну и пусть себе! Пушай хоть плывет дикий мир, хоть ныряет — главное, я жив остался!

Через долю секунды громыхнуло, и условную линию, по которой я бежал, взорвали очередь. Лёвка за миг до выстрела ушел в сторону, пропустив мимо себя смертельный шквал, и вздернул все мои девяносто кило под мышки, словно старина Минор весил не больше, чем бутафорский болванчик из сценического реквизита. От чудовищного рывка из

меня махом вылетела та вода, которую я успел хватануть, а заодно с ней едва не вывалились в лужу потроха.

— Ух-хс... опть...

В ушах звенело, вымокший насквозь комбез облепил кожу мерзким коконом — зря только «жарки» разряжали! Я понимал, что оставаться на месте равносильно гибели, поэтому, как только почувствовал, что вновь стою на ногах, дернул с места в карьер, несмотря на дезориентацию и жестокий приступ тошноты.

Правая рука мертвой хваткой сжимала автомат, который я умудрился в падении вскинуть над головой и не замочить. Инстинкты сталкера сработали. Сам пропадай, а ствол выручай — а то обидно будет, если выберешься из передраги, а стрелять окажется не из чего.

Еле разбирая дорогу, я несея к спасительному каскаду пандуса. Ни в коем случае не останавливаться. Сдохну. А «сдохнуть» — это не пункт моего режима дня как ни крути.

Позади сквозь рев турбин прорезался новый звук. Кы-др-р-р-рт. Кы-др-р-р-рт. Я даже не сразу узнал в густом стрекотании зловещий голос «Узи». Видно, Лёвка поливал кабину пилота длинными очередями в надежде если не пробить стекло, то хотя бы пустить сетку трещин, чтоб испортить обзор.

Железные листы первого яруса перевалочного пандуса лежали в углублении двумя метрами ниже уровня почвы, и я с разбега не рассчитал силу прыжка. Падение получилось довольно жестким, даже амортизирующий кувырок не полностью погасил силу удара. Спину о шершавый пол я себе отшиб знатно... Плевать. Не время ныть.

Я отрешился от боли, подобрал «калаш» и поднялся на ноги. Обернулся, чтоб оценить ситуацию.

В лицо хлестнул ветер, брызги, и нос вертолета показался над кромкой земли, удерживаемой железобетонной конструкцией от обрушения. Штурмовая машина зависла низко, на высоте второго-третьего этажа. С такого ракурса пилоту нас обстреливать неудобно. Чтобы открыть прицельный огонь, ему придется уйти в сторону и поменять угол атаки. Это позволит выиграть драгоценные секунды. Где же Лёвка?...

Размытая тень пронеслась над головой, и не успел я отследить траекторию движения, как зверской подсечкой меня сшибли наземь. Приложившись затылком о пандус, я в течение секунды любовался веселыми радужными пятнами, а потом сдавленно гукнул: тень обрушилась сверху и ударом локтя в солнечное сплетение напрочь сбила дыхание.

Давненько меня так сурово под дых не прикладывали. Пока я судорожно пытался вдохнуть и отползал в сторону, сверху мелькнула вторая тень, и пол пандуса легонько дрогнул под весом приземлившегося Лёвки. Наконец-то мутаген подоспел! Еще пару таких тычков под ребра, и косточки Минора рассыпались бы в труху.

Я таки сумел втянуть в себя воздух. Полегчало. Подтянув за ремень автомат, перевернулся на живот и прицелился в угольника, который посмел меня поколотить. Я рывком надавил на спусковой крючок, но рослая фигура смазанным штрихом скользнула в сторону, и пули ушли в стену заброшенного строительного вагончика.

Угольник метнул на меня презрительный взгляд и застыл на краю пандуса. Вертолет больше не висел над нашей тесной компанией — машина завалилась на левый бок и резко ушла в сторону. Сначала мне показалось, что пилот готовится к повторному заходу, но «вертушка» описала полукруг над железной дорогой и легла на обратный курс. Скорее всего точка дедлайна пройдена, и дежурный диспетчер передал приказ отступления. Значит, выброс вот-вот разразится над Зоной, выжигая психику не успевших укрыться людей. Я вернулся к событиям, происходящим на пандусе.

— Против своих прешь, Коломин? — прошипел угольник готовому к атаке Лёвке.

— Уйди с дороги.

— Мне нужен твой «жемчуг».

— В очередь встань.

Небо полыхнуло серебристыми росчерками. На мгновение яркие пятна и густые тени испещрили все вокруг контрастным месивом. Плотные громовые раскаты в несколько этапов обрушились на землю.

— Я долго ждал. — В голосе угольника прорезались интонации победителя. А зря. Излишняя уверенность редко играет на руку в противостоянии с серьезным соперником. — Потроха выпущу.

— Так и будешь мяукать или наконец укусишь?

Угольник по-звериному рыкнул. Лёвка отбросил «Узи» — все верно, огнестрельное оружие не поможет в этой молниеносной схватке, а лишнее бремя ни к чему.

Противники стоили друг друга: оба сильные, нечеловечески быстрые и настроенные на скоротечный поединок. Я вдруг почувствовал себя бедным родственничком, от которого ни жарко ни холодно, его присутствия даже немного стесняются. Ну уж дулю лысую вам, а не корнишоны! Не привык я без дела во время драки болтаться.

Как только соперники раздвинулись в стороны и пошли по кругу, держась друг к другу лицом, я упал на колено, вскинул родной «калаш» и прижал приклад к плечу. Цевье удобно легло в левую ладонь, правая сжала рукоять, щека ощутила ласковое прикосновение металла. Пусть-пусть танцуют свой смертельный фокстрот, а я за темпом поспежу.

Несмотря на то, что пилот увел вертолет обратно на аэродром, ветер не ослаб — теперь его порывы налетали то с одной стороны, то с другой. Стихия разгулялась не на шутку. От постоянной смены направления воздушного потока трудно было прицелиться и сосредоточиться на ускользающем угольнике. К тому же начали слезиться глаза.

Я выбрал момент, когда Лёвка отступил подальше от бывшего однополчанина, и выстрелил в угольника с небольшим упреждением, на ход. Бесплезно. Реакция и предчувствие у этих гадов на высочайшем уровне. На этот раз он ушел не вбок, а вниз. Распластался по железному пандусу, словно камбала, пропустив короткую очередь над собой, и моментально откатился с линии огня. Лёвка тут же воспользовался тактическим преимуществом и атаковал. Он с умопомрачительной скоростью сорвался с места и нанес страшный скользящий удар когтистой рукой вдоль хребта лежащему противнику. Но то ли тот оказался чересчур ловким, то ли парню все же не хватило каких-то миллиметров — наскок не принес желаемого результата: на иссиня-черной спине осталась длинная кривая царапина — и только.

Повторно стрелять по черномордому я не решился — слишком близко теперь кружил Лёвка, выжидая, когда появится шанс для следующей атаки.

После очередного небесного сполоха усиливающийся ветер принес запах озона. Все, тянуть дольше никак нельзя. До выброса остались считанные минуты! Естество кричало: беги в укрытие, спасай свою бесценную задницу, — но я живо одернул себя и утомил подступивший страх. Без Лёвки мне в этой шахте делать нечего. Ведь если он не наврал, то повалит из-под земли этот поганый туман, и — кирдык. Нет уж. Ступили на вертлявую дорожку вместе, значит, и сойдем с нее не врозь.

Я мысленно сшиб с жердочки верещающую об опасности птичку-интуицию и вновь повел стволом, подхватывая траекторию движения очухавшегося угольника. В конце концов, у нас с Лёвкой соглашение, и его пока никто не отменял. А слово Минора еще кое-чего стоит.

Что ж, давайте станцуем этот мужской фокстрот на троих. И пусть попробует какой-нибудь извращенец обвинить меня в намеке на содомию. Урою нах.

Глава двенадцатая. Шахта

Привыкнуть к страху смерти нельзя. Можно научиться загонять его в глубину души, давить, сосредоточиваться на обстановке и искать возможность выжить. У некоторых даже получается преуспеть в боевых искусствах, и они умеют поворачивать волны животного ужаса вспять, обращать их против соперника. Полностью привыкнуть к страху, увы, невозможно. Разум считает каждое мгновение, ожидая слепящей вспышки. Сердце совершает каждый толчок как последний. Такова природа человека, такими стали наши инстинкты за века и тысячелетия борьбы.

Мы страшимся гибели. До дрожи в поджилках трепещем перед великой пустотой за чертой. Верующие и атеисты, оптимисты и конченные фаталисты, плохие и хорошие — все мы до жути боимся, что больше никогда ничего не будет. Вечное ничто пугает нас. Мы помним о нем с первой мысли про смерть, которая приходит еще в детстве, перед сном, до последнего вдоха.

И это нормально. Стыдиться главного страха — глупо. Напротив, если вдруг умереть не страшно — без бравады, по-настоящему, — вот тогда стоит бить тревогу и срочно топтать к психиатру.

Стоя на краю пандуса и борясь с порывами ветра, я понимал, что мне к психиатру точно не надо: при виде придушенного угольником Лёвки очко сжималось вполне бодро. Ведь поражение парня означало только одно: следующим стану я.

Когти сжимали вздрагивающую шею все туже, и зверские удары, которые Лёвка наносил по торсу толстокожему командос, казалось, никак не влияли на силу хватки.

Последний патрон я израсходовал с минуту назад. Угольник увернулся от выстрела легко и непринужденно, после чего повалил Лёвку и намертво вцепился в глотку. Когда я попытался ударить его ножом, черномордый так засветил мне ногой в рожу, а затем в корпус, что я думал, выхаркаю не только литр кровавой слюны, но и печеньку с желудком.

Отдышавшись, я поднял Лёвкин «Узи» и собрался снова открыть огонь по противнику, но не тут-то было. Каждый раз, когда я пытался прицелиться, он хитро отступал назад и в сторону, подтаскивая слабеющего Лёвку и прикрываясь, им как живым щитом.

Трусливая тварь.

Я сплюнул соленый сгусток и исподлобья вперился в угольника взглядом, не опуская ствол. Его черная морда с изломанными гранями щек повернулась в мою сторону, глазки сверкнули презрением.

— Вали отсюда, сало. Упарил уже.

Я потрогал ссадину на лысине и хамски ощерился.

— О, я еще не так умею... Слушай, а ты, когда поссать хочешь, прямо под себя мочишься или успеваешь до куста добежать? Мозги-то небось совсем в шлак превратились — рефлексy сами по себе, струя запускается без спроса.

— Убью, — прошипел угольник.

Отлично. Падкий на провокации, значит, можно вывести из себя. А ярость снижает способность адекватно оценивать ситуацию, автоматически превращая агрессора в жертву.

Почувствовав слабину, Лёвка извернулся и врезал гаду правым боковым с такой силой, что, будь на месте видоизмененной скотины обыкновенный человек, челюсть можно было бы подбирать на рельсах. Но черномордый удар удержал. Правда, ценой выбитого зуба и секундной потери концентрации. Он с хрипом отшатнулся и рефлекторно разжал пальцы, дав парню наконец возможность вздохнуть. Лёвка сипло втянул воздух, оттолкнулся каблуками от рифленого пола и почти выскользнул из-под оглушенного соперника. Почти.

В последний момент угольник выставил колено, и парень схлопотал аккурат в пах. Подлый и неожиданный тычок свернул его пополам и вроде бы заставил забыть об атакующих действиях. Выстрелить я не успел: угольник выкрутил руки моего напарника за спину, вздернул его в полный рост и вновь прикрылся телом. Жестко и профессионально работает, сволочь. Даже без учета улучшенных метаморфозой боевых характеристик.

— Минор... — просипел Лёвка, балансируя на носках и стараясь не терять точки опоры, — беги...

Я уставился на него, стараясь понять, что парень задумал. То помогай этому оболтусу, то сам просит, чтоб его бросили. Может, разум помутился после того, как врезали коленом по яйцам?

Лёвкины зубы разжались, и на пандус с едва слышным за шумом ветра звоном упал металлический предмет. Чека.

В мозгу будто что-то щелкнуло, и время замедлило свой бег. Ясное дело, ощущение было субъективное, но и на том спасибо — хоть что-то сообразить успею.

Сколько прошло с момента, когда гаденыш заломил Лёвке руки? Секунда-полторы, не больше. А период замедления запала у противопехотной гранаты Ф-1 — три-четыре секунды. Стало быть, времени еще навалом.

Паренек умница. Прибрал у поверженных возле контейнеров «пылевиков» пару «лимонок» и при первом же удобном случае довольно изобретательно воспользовался трофеем. Интересно, куда ловкач умудрился засунуть гранату этому тугодуму? Не в трусы же, в самом деле? Или всё-таки...

Комбеза на угольнике не было — его толстая смолистая шкура, судя по всему, служила хозяину одновременно и броней, и защитой от охлаждения или перегрева. Из амуниции на бойце я заметил портупею с несколькими подсумками и кармашками да какое-то подобие исподнего на чреслах. Быть не может — почуял бы...

Мимика угольника в тот же миг изменилась, и вот тут-то по сложившейся гримасе я понял: почуял.

Прошло еще полсекунды, в течение которых участники мизансцены полностью осознали сложившуюся ситуацию и просекли свои роли в этом убийственном эндшпиле. Теперь положение у всех троих хуже некуда, медлить дальше — равнозначно вычурному самоубийству.

Рубильник в моем черепе опять хрястнул, возвращая восприятие временного потока в норму.

Решение пришло само собой — когда в твоём распоряжении полторы секунды, раздумывать о тактике и стратегии, знаете ли, некогда. Замешательство осознавшего проблему угольника позволило мне подступить к нему вплотную и сунуть ствол под брюхо. На спусковой крючок я давил наудачу, потому что дерни он в тот момент Лёвку на себя, и очередь пришлась бы тому в спину. Но, видно, ощущение холода ребристой «лимонки» в промежности ввергает в ступор даже заядлых флегматиков. Плевать. Главное, мне удалось.

Израильский пистолет-пулемет — штука мощная. А уж при выстреле с близкого расстояния и подавно: слона можно подвинуть.

Очередь из «Узи», пущенная под тупым углом снизу вверх, приподняла зарывавшего от боли угольника и позволила Лёвке рвануться вперед, высвобождаясь из захвата.

Несмотря на то, что отдачей руку повело в сторону, я продолжал давить на спусковой крючок, нещадно расходуя патроны. Треск и грохот слились с очередным раскатом грома.

Повезло. Энергии пуль хватило, чтобы сбросить воющего угольника с перевалочного пандуса.

Взрыв раздался сразу же, как только тело скользнуло вниз. Скорее всего издыхающее существо не успело даже упасть в грязь — механизм гранаты сработал, и сотня осколков превратила черную тушу в месиво. По железному полу снизу лязгнул металлический град, но, к счастью, пробить листы и добраться до нас смертоносные брызги не смогли. Ошметки плоти взмыли над пандусом и обрушились на нас склизким дождем.

В ушах звенело. Рука продолжала сжимать «Узи», в котором боезапаса осталось совсем чуть-чуть: хорошо, если патронов пять. В глазах двоилось — окончательно прийти в себя от словленного в торец пинка пока не удавалось.

— Ты не бросил меня. — Фразу я скорее прочитал по Лёвкиным губам, чем услышал. — Почему?

Я поморгал, фокусируясь, и перевел предохранительную скобку на стрельбу одиночными.

— Если не врешь, то шняга, которая вот-вот полезет из шахты, изувечит всех, кто в нее сунется. Укрыться от выброса поблизости негде. Так что придется лезть в клоаку, которую лучше тебя никто не знает. По-моему, очевидно, что без тебя я сдохну.

— Это единственная причина?

Лёвка ждал моего ответа с таким серьезным видом, словно от сказанных слов зависела его вера в человечество как вид. Смешной, ей-богу. Я не выдержал и улыбнулся, чувствуя, как по губе опять потекла горячая струйка крови.

— Выдыхай уже, бобер, — сказал я. — Если тебе и впрямь интересно, то эта причина основная, но не единственная. Доволен?

— Вполне, — ответил Лёвка.

Я подошел к краю пандуса и, стараясь не поскользнуться на разлапистых потрохах угольника, глянул вниз. Да уж, сработавшая в упор «лимонка» — зрелище неаппетитное. Звон в ушах помаленьку стихал.

— Ефрейтор Валеев, — произнес за спиной Лёвка. — Гнусный тип.

— Узнал сослуживца?

— Да. Он и при жизни был порядочной сволочью, а после того, как почернел, и вовсе скурвился.

— Значит, поделом окурку лужа. — Я развернулся. — Гранату в трусы — это банально, но в то же время как-то даже... изящно. Ты молодец, Коломин.

— Громковато получилось.

— Ага, повоевали мы волшебю. Сейчас дружки этой черной размазни подтянутся.

— Думаю, они нашли, чем заняться с «пылевиками». К тому же с минуты на минуту разразится выброс, поэтому наверняка сейчас выжившие солдаты ринутся к шахте.

— И нам пора.

Лёвка кивнул и побежал по пандусу к дальнему краю, где за раскуроченной цистерной виднелся пустырь. Стремительности и грации движениям теперь ощутимо не хватало: видно, знатно потрепал его алчный угольник. Смех смехом, а ТТХ моего напарника явно ухудшились после жестокой схватки.

Пока мы бряцали по металлическим плитам, небо еще раз разродилось светошумовой феерией. Скоро, совсем скоро захлестнет Зону волна аномальной энергии, которая, как теперь известно, берет начало не только на поверхности, в районе Саркофага, но и в недрах Земли. Что за хреновина там, в глубине, источает таинственный черный туман — оставалось только гадать.

Шахта встретила нас стеной аномалий и шквальным ветром, сбивающим с ног. Вокруг разрытого, что твоя могила, входа серело кольцо из погибших растений. Ровное, словно какой-то сумасшедший чертежник обозначил гигантским циркулем область, где живое стало мертвым. Скорчившиеся ветки кустов, кривая сосенка без намека на хвою, свинцово-пепельные стебли бурьяна. И вовсе не ушедшая зима была виновником этого геометрического кладбища — ведь за пределами незримой границы из-под жухлой листвы пробивалась молодая травка. А внутри кольца — ничего.

Аномальная субстанция, которую Лёвка называл черным туманом, — вот что послужило причиной возникновения плеша.

Вдруг я понял, почему меня терзает чувство пережитого ранее. Я уже видел такие сизые, монокромные цвета на улице Миражей, когда попал под морок. Когда не смог спасти Светлячка, свою несуществующую дочь. Не уберег ее от всепоглощающей, щемящей стужи... Я встряхнулся.

Жутко, конечно, но рефлексии мешали сосредоточиться, а предаваться жалостью к каждой травинке у меня ни времени, ни желания не было. Нужно живей соображать, как пройти сквозь целый каскад «электр», «воронок» и «жарок» — чудовищное переплетение аномалий разной природы преграждало путь. Эх, вот бы сейчас «компас» — артефакт, с помощью которого мы с Латой сумели найти проход среди сонма ловушек возле ЧАЭС... Отставить. Думать в сослагательном наклонении вредно.

Я остановился рядом с Лёвкой и, шурясь от ветра, глянул в дрожащее марево.

— Дело табак. Чтобы в этой каше найти лазейку, придется час возиться.

— Считанные минуты остались. Может, разрядим какую-нибудь аномалию и проскочим?

— Да они ж тут в два ряда. И вперемешку. Не сумеем просчитать оптимальную траекторию так быстро. И ветер проклятый мешает...

Я осекся. В поле периферийного зрения попали движущиеся объекты. Резко развернувшись, я понял, что не ошибся: со стороны болотистой низины, где валялись

сегменты труб, приближались три фигурки в обрывках маскировочных камуфляжей. Лёвка тоже заметил бредущих по пояс в грязи солдат.

— Неужто перебили черномордых? — удивился я.

— Не думаю. — Парень помассировал шею. — Мне кажется, у одного из угольников есть «жемчуг», и они уходят группой: мощности одного артефакта, наверное, хватает, чтобы экранировать несколько измененных организмов за пределами Зоны. Правда, сложно сказать, что случится, когда они попадут под выброс.

— А вояки?

— А вояки под горячую руку попались. Четверых мимоходом порвали, а трое вон, сам видишь, ковыляют.

— Но тот черномордый, что напал на нас... Почему он от группы отбился и решил в одиночку поохотиться?

— Ефрейтор-то? Да этого мудака скорее всего просто выгнали. Вот он и решил из меня «жемчуг» достать, чтоб тоже за Периметр слинять.

— Что ж, логично. — Фигурки «пылевиков» скрылись за нагромождением труб, и я глянул на ПДА. Три яркие точки двигались не шибко быстро, но без задержек. Приближались. — Ладно, давай проход искать, пока солдафоны палить не начали. Потрепать-то бойцов потрепали, но в шахту попасть им по-любому надо, как и нам. А чует мое сердце, что места там может на всех не хватить.

Лёвка тряхнул почерневшей рукой.

Я еще в пятиэтажке обратил внимание, что жар на измененные участки кожи действует не ахти как.

— Есть идеи?

— Видишь, вон там, возле деревца?

— «Электра» и «жарка», в два слоя. — Я рефлекторно поежился, глядя на аномалии. — Что задумал?

— «Электру» мы разрядим чем-нибудь увесистым, а «жарку» я попробую проскочить. Если повезет, то на секунду-другую образуется коридор, и у тебя тоже будет шанс.

— Безумие...

— Альтернативы?

— Если б... — Я прикинул наши шансы на успех. В принципе процентов пятьдесят, коли болевой порог на ожоги у Лёвки и впрямь смещен. — Ладно, давай пробовать. Но если ты сдохнешь, получится крайне глупо.

— Я все равно сдохну, Минор.

Взгляд Лёвки проморозил меня. В его расширенных глазах пылало то ледяное пламя дикой одержимости, которое заставляло сильных и умных людей идти на костер в темные века. Прожилки на черных скулах налились перламутром, будто кровь превратилась в ртуть и просвечивала сквозь стенки сосудов и кожу.

Когда я открыл рот, чтобы возразить, парень громко и отчетливо проговорил:

— Тот, на кого ты сейчас смотришь, уже сдох.

Я пожал плечами. Ну что тут скажешь? Каждый из нас волен выбирать, жить или умирать. Этот хотя бы хочет другим помочь. Его личное дело. Самому-то мне альтруизм не то чтобы шибко близок как стиль бытия, но цель паренька по крайней мере достойна уважения.

Место, где в два слоя раскорячились «электра» и «жарка», действительно было одним из самых тонких в стене аномалий. Эх, чуток побольше бы времени... Обошли бы сплошной смертоносный рукав и спокойно нырнули бы в шахту с другой стороны. Да только нет этого времени! Вокруг — болото. Пока будем через жижу ковылять, либо выброс накроет, либо солдафоны расстреляют. Еще метров на пятьдесят поближе подползут, и мы для них будем как мишени в тире.

Я подтащил к дрожащим на ветру искоркам «электры» ржавую дверь от грузовика, которая валялась в грудe металлолома, примерился и показал жестом Лёвке, что готов. Он отошел метров на пять и замер. Размахнувшись как следует, я швырнул дверь в аномалию.

Железяка кувыркнулась в тугом воздушном потоке и чуть было не угодила в соседнее скопление, где теснились «воронки» и «карусели». Но повезло: ветер не смог сильно изменить траекторию «снаряда», и потревоженная «электра» с оглушительным треском разрядилась. Молнии, подобно щупальцам перепуганного кальмара, раскинулись в разные стороны, и одна из них стеганула рядом с моей ногой. Яркий излом даже оставил выжженный след на краешке подошвы.

Следом за оплавленной дверью сиганул Лёвка. Владения «электры» он пролетел без проблем — аномалия, видно, еще не перезарядилась и не успела коротнуть второй раз. А вот «жарка» отработала по полной. Пламя с неприятным гулом проглотило парня, и огненный столб загудел, словно рой обозленных пчел.

Счет пошел на секунды. Вдохнув поглубже, я прикрыл рукавом лицо, прижал к боку «Узи» и с разбегу ринулся в закрывающееся «окно». У-у-х, братцы, страшно-то как!

Ноги оторвались от земли. В ушах загудело. От статики волоски по всему телу встали торчком — хорошо хоть башка лысая... А затем ужасная, пронзающая каждый нерв боль заставила на мгновение забыть обо всем на свете. Кожу будто рывком содрали с мышц и окунули в кипящее масло.

Крик даже не успел вылететь из меня, потому что глотку тоже обожгло.

Грохнувшись наземь, я принялся отчаянно молотить по себе руками, сбивая огонь. На самом деле его на мне не было, но мысль о том, что я обгорел, настолько крепко впиалась в мозг, что верить глазам в первые секунды я решительно не желал.

К счастью, все обошлось. Отчасти потому, что основной термический удар принял на себя Лёвка, отчасти потому, что совсем недавно, отпрыгнув с линии атаки вертолетных орудий, я окунулся в грязь и промок. А ведь могли еще и патроны в израильской пушке взорваться — вот смеху было бы. Придя в себя, я бросился к парню и помог ему подняться на ноги. Прямо скажем, досталось мутагену нехило. Волосы практически полностью сгорели, дыхательная маска превратилась в переплавленный кулон, мотающийся на шее, комбинезон стал похож на тлеющий дуршлаг. В тех местах, где его тело мутировало, видимых повреждений не было, а вот открытые участки кожи покрылись бугристыми волдырями. На ногах Лёвка стоял, хотя штормило его нещадно.

— Можешь идти?

— Да. — Парень отстранился от меня. Его тут же качнуло ветром и повело в сторону, но Лёвка напрягся и не потерял равновесия. Превозмогая боль, выцедил: — К шахте. К шахте, скорей...

Мы двинулись к взрыхленному взрывами и лопатами месиву из земли, железа, колотых кирпичей и бетона. Над всем комковатым курганом на манер могильного креста возносилась одинокая стальная конструкция, которая когда-то, по всей видимости, была частью копера. У подножия растерзанного холма возле просевшего фундамента торчал остов караульной будки. А рядом темнела нора. Ни дверного прохода, ни лестницы, ни каких-то еще признаков цивилизованного спуска не значилось. Ну ни дать ни взять — лаз в кротовье логово.

— Там везде так... разрыхлено и прополото? — не удержался я.

— Не знаю. Раньше здесь был ф-фполне приличный добывающий комплекс: склады, террикон, как положено. Даже подвесная дорога. Когда черный туман прорвался, ф-фнутренности шахты и лаборатории по мяло, я уже рассказывал. Но ф-ф-ф... блин! Ф-в то время на поверхности раздрая не было.

Губы Лёвке пожгло, и слова давались ему с трудом, поэтому я не стал больше мучить парня дурацкими вопросами. Мы подошли к входу. Сквозь порывы холодного ветра из чрева главного ствола шахты дохнуло теплом. Что ж, не худший вариант — хотя бы не околеет под землей. Проблема нарисовалась другая. Нора уходила вниз под крутым углом, и света с поверхности хватало всего на несколько метров. А фонарь остался в рюкзаке, который Дрой еще утром выкинул с баркаса в речку. В походном наборе юного ролевика осветительных приспособлений также не значилось.

Я глянул на индикатор заряда аккумулятора ПДА — 15 процентов. И на том, конечно, спасибо. Встроенный фонарик с единственным светодиодом жрет порядочно энергии, но если его не держать постоянно включенным, то на часок должно хватить. Правда, придется перевести в фоновый режим все остальные устройства. Так и сделаю — выбора, увы, нет.

В последний раз глянув на показания сканера, детектора и счетчика Гейгера, я совершил необходимые манипуляции и направил луч света в зев тоннеля. Без особых церемоний подтолкнул Лёвку вперед. Понимаю, что ему тяжело после драки и акробатических номеров «с огоньком», но сейчас не до галантности и жребиев. Парень здесь бывал, а значит, по определению, должен идти в авангард, ведущим.

Лёвка, впрочем, и не собирался артачиться. Он подхватил у меня наладонник и, пошатываясь, пошел в тоннель. Я нырнул за ним, отмечая, что сквозь шум ветра прорываются посторонние звуки. Со стороны каскада аномалий доносились хлопки и неразборчивые гневные выкрики — «пылевика», видно, тоже искали способ преодолеть барьер. Отлично, пусть пока покочевряжатся, а у нас фора будет.

Оказавшись внутри прохода, я на какое-то время потерял ориентацию — тусклый свет пэдэшного диода с натугой разгонял густую тьму, к тому же, глаза никак не могли привыкнуть к темно-серым тонам после ярких заоблачных вспышек. Сумрачный коридор уводил нас вбок и довольно круто вниз. Внезапно навалился пресс клаустрофобии. Странно, боязнь замкнутого пространства я вроде отягощен не был... Ни с того ни с сего все нутро сковало ощущение, будто потолок вот-вот рухнет и безбашенный сталкер Минор окажется похороненным под тоннами породы. Бр-р. Лезу в бездонную задницу, как желторотик неопытный, не щадя бесценного организма. И вообще: как можно без специальной техники прорыть подобный лаз? Отчего своды до сих пор не обвалились? Тут же скорее всего...

Я вдруг понял, что стою как вкопанный и таращусь в едва различимый контур Лёвкиной спины, который тает в глубине подземелья.

Проклятая нора здорово давила на психику. Пришлось встряхнуться и догнать напарника.

Хотелось поскорее проскочить вихляющий туда-сюда коридор и очутиться в помещении, где есть привычные стены, пол и потолок, а не эта крошка из сырой земли, кусков бетонных плит и ржавых прутков. Под ноги то и дело попадались балки, кирпичи, обломки мебельных каркасов. Пару раз я чуть не расшиб лоб о торчащие из грунта штыри арматуры.

Теплый воздух согревал вымороженное в апрельских лужах тело, но по мере спуска все четче ощущался приторный запах прелости, от которого меня начало укачивать.

Фильтры забиты грязью, поэтому дыхательную маску надевать бессмысленно. Придется терпеть тошнотворный аромат. Ну и клоака. Надеюсь, обещанная парнем цацка стоит всех пережитых мучений. Ведь мог бы ваш непокорный слуга не рыпаться, мог бы спокойно переждать шухер у Фоллена, вернуться в «№92» и залечь в свою берлогу с журнальчиком. Склеил бы порванную обложку, где фэнтезийная девица призывно выгибается и сверкает глянцевыми ляжками, накатила бы граммов четыреста, выпустил пар и уснул минут на пятьсот. Затем отправился бы наверх. А там, глядишь, за столом уже сидят знакомые рожи да партеечку в треньку сооружают...

Я запнулся о камень и еле удержался на ногах. Тыфу ты, вот насадился бы сейчас глазиком на какой-нибудь крючочек ржавый, и казус бы невероятный вышел.

Уклон тоннеля стал положе, и вскоре Лёвка остановился на ровной площадке, где наспех вырубленный свод подпирали две скрещенные балки. Он отошел в сторонку, давая мне протиснуться в миниатюрный грот, и осветил раскуроченную стальную переборку, за которой начиналась винтовая лестница. Крутые железные ступеньки выглядели цивилизованней бесформенной слякоти, но что-то мне в них сразу не понравилось.

— Спуск на минус ф-второй ярус, — пояснил Лёвка, готовясь шагнуть в проем. — Там начинается лифтовая шахта, но ф-фряд ли подъемник работает, а нам надо на минус третий...

— Пстой-ка. — Я остановил его, вглядываясь в ребристые грани ступеней. — Ты ж гиперчувствительный вроде стал?

Парень насторожился.

— Ничего не чувствую, — сказал он через некоторое время. — Аномалий ф-фпреди нет. Если, конечно, не брать в расчет гигантскую кляксу, которая извергает черный туман. Но ее мы обходить не собираемся.

— А еще следопыт, — вздохнул я и присел на корточки. — Посвети-ка сюда.

Лёвка вытянул руку с ПДА надо мной, и луч фонарика вскользь коснулся ступеней. Над второй по счету блеснула тонкая проволока. Я осторожно провел пальцами вдоль растяжки, нащупал крепление и проверил скобку на чеке. Выкорчевывать из щели гранату не стал — долго и недальновидно. Лучше оставим сюрприз солдафонам, которые с завидным упорством пытаются нас догнать.

Я перешагнул через ступеньку и стал неторопливо спускаться. Параллельно отчитал парня нарочито менторским тоном.

— Предчувствие — дело хорошее и даже полезное, но никогда, запомни, брат, никогда нельзя забывать о самой обыкновенной внимательности. Часто именно она спасает жизнь. Есть вещи, которые надо видеть глазами, а не пытаться унюхать фибрами и прочими жабрами.

Отвечать Лёвка не стал и правильно в общем-то сделал: спорить с очевидным — не кошерно. Он тоже аккуратно переступил через растяжку и двинулся за мной. Совершив по лестнице несколько винтовых оборотов, мы уперлись в следующую переборку. Тоже зверски раскуроченную.

Я указал на гостеприимно зияющую дыру. Разделанная чудовищным образом дверь выглядела устрашающе: прореха была обрамлена острыми жестяными фестонами, словно кто-то располосовал тонкий металл сверхпрочными когтями — и я, кажется, догадывался, кто именно. По крайней мере одно можно было утверждать наверняка: тут точно не взрывчатку пользовали. Во-первых, не заметно ожогов, во-вторых, после взрывов металл корежит не так ровно. На изгибе одного из вывернутых лепестков сквозь засохшие бурые пятна проглядывала трафаретная надпись «-2: грузовой подъемник. Отв. по этажу вед. спец. Гравицк...» — дальше букв было не разобрать.

Лёвка взялся за острые края ладонями, и раздался неприятный звук: словно точильным камнем по железной кромке скребнули. Он пролез в дыру и исчез в темноте. С минуту оттуда доносились шорохи, мелькал тусклый лучик света. Пару раз скрипнули осколки под подошвами.

Чего он там канителится? Сам же сказал, что ловушек нет. Может, зверье притаилось?

Наконец все стихло. Обожженное и вычерненное прожилками мутации лицо парня обозначилось в проеме, заставив рефлекторно вскинуть ствол.

— Забирайся, — позвал Лёвка. — Чисто.

— Дурачком ведь сделаешь, финалист конкурса красоты херов, — проворчал я, оглядываясь и прислушиваясь к глухим ударам, прилетевшим сверху. Тум-тум. Пауза. Тум. Пауза. Тум-тум-тум. — У нас гости.

— Они уже ф-фозле лестницы. Живей!

— Демоны Зоны... — У меня внутри заворочался морозный игольчатый ком. — Растяжка!

Чуть не порезавшись о жестяной фестон, я юркнул в дырку. Уровень пола здесь оказался значительно ниже тамбура, и я от неожиданности подвернул ногу — не фатально, но крайне болезненно. Матюгнулся во всю глотку и тут же пожалел об этом. «Пылевики» среагировали на голос мгновенно, с лестницы донесся громкий командный выкрик, и ботинки загромыхали по ступеням.

Судя по насыщенности топота, вниз ломанулись двое, а третий, видимо, остался прикрывать.

Что ж, теперь осталось свалить подальше от прохода, чтоб ударной волной по щам не врезало — в замкнутом пространстве такое запросто может случиться.

— Начинаем утреннюю считалочку! — задорно провозгласил я, бросаясь вслед за Лёвкой мимо выстроенных в ряд мазутных бочек. — Раз, два, три — сопли подотри...

Взрыв застал нас возле дверей подъемника. В последний момент я все же решил подстраховаться и упал ничком, прикрывая затылок и разевая рот, чтоб полностью не выгнуло.

Громоподобно ухнуло, и плотная волна воздуха пронеслась над нами. Ударную силу тут она уже подрастеряла, но болтавшийся на честном слове плафон все ж сорвала с провода и отправила в долгий полет по стволу шахты. Остальных деталей обстановки я в неверном свете наладонника разглядеть не успел.

Блин. Уже второй взрыв за последние полчаса. Начинает напрягать.

Как только воздушный пресс миновал помещение, я вскочил на ноги и ринулся обратно: нужно было зачистить лестницу наверняка, чтобы уж потом не дергаться и не ждать выстрела в спину от вероятно уцелевшего противника.

— Свет! — на ходу рявкнул я.

Дважды повторять Лёвке не пришлось. Он мигом оказался рядом и направил фонарик ПДА на сизое облако, сочащееся из рваной дыры в переборке. Луч выхватил конус мельчайших соринок и кривляющихся дымовых загогулин, скользнул к притолоке, затем упал вниз.

За порогом сквозь пелену оседающей пыли проступали контуры человеческого тела. Солдат лежал головой к нам, на шее угадывался след от касательного осколочного ранения, шлем-сфера скрывал лицо. Больше ничего в сером мареве рассмотреть не получалось.

Я знаком показал Лёвке, чтобы продолжал светить, вскинул израильскую пушку и шагнул к проходу...

Не знаю, на что я надеялся — на то, что оглушенный военный без сознания, или на то, что среагировать успею в любом случае, — но ясно одно: хрен я угадал. Надо было принять в расчет стратегически важную деталь: противостоят нам не обыкновенные гарнизонные штафирки, а опытейшие бойцы спецподразделения «Пыль».

От моего контрольного выстрела под ключицу солдат ушел резким перекатом в сторону. Не успел я сориентироваться, как ребристый ствол «гауссовки» мелькнул перед глазами и со знакомым зубодробящим гулом выплюнул смертоносное жало. Толчок в плечо сбил меня наземь, и я грешным делом решил, что — капец. Но это было не так. Лёвка в последний момент бортанул меня по-хоккейному и убрал с линии огня. Снаряд с жужжанием рассек тьму, насквозь продырявил несколько бочек и с остервенением вгрызся в противоположную стенку. Пронесло.

Напарник перешагнул порог и навис над «пылевиком», который возился возле лестницы, пытаюсь отползти. Шансов дожидаться, пока катушка ЭМ-винтовки вновь зарядится, у него не было.

Я поднялся и хотел помочь, но Лёвка грубо отстранил меня, не дав пройти. Он рывком содрал с военного шлем-сферу и направил луч света на чумазое лицо. Надо же, старый знакомец. Какой, однако, упертый.

По ступенькам пытался вскарабкаться офицер, командовавший отрядом, так и не сумевшим нас догнать возле улицы Миражей. Правда, вчера, помнится, этого бравого товарища сопровождала собачка.

— Где доберманчик? — любопытствовал я. — Оказался бешеным, и пришлось пристрелить?

Поверженный офицер не обратил внимания на мой сарказм. Он повернулся к Лёвке.

— Коломин, остановись, — сказал офицер, и в его голосе предательски задребезжала нотка отчаяния — не от ощущения близкой смерти, а от того, что провалил задание. — Не смей перекрывать шахту. Ты даже не понимаешь, что представляет собой черный туман! Мы приведем самых лучших ученых, и они смогут...

Движение напарника было смазанным. Отчетливый хруст прервал тираду «пылевика», и по уставу стриженная голова повисла под неестественным углом. На грань ступеньки

упала паутинка слюны. Меня передернуло — терпеть не могу, когда ломают шею. Бе. Лёвка разогнулся, бросил мне ПДА.

— Посф-ф-вети...

Я направил фонарик на него, и содрогнулся во второй раз. Через прожженные дыры в разгрузке и комбезе было видно мутировавшее тело парня. Но на этот раз пугали не чернильные жилы, ветвящиеся по коже. В правой части брюха под ребрами тихонько сочилась кровью ранка. Небольшая, размером с ноготь на мизинце — разогнанные до чудовищной скорости гаусс-снаряды не оставляют в мягких тканях уродливых следов... Жаль, что размер в данном случае не имеет ровно никакого значения.

Печенка — навывлет. До торжественного отправления в персональную Тихую Гавань моему напарнику осталось максимум четверть часа. И никакие метаморфозы ему уже не помогут. Удивительно, как этот живчик вообще до сих пор на ногах стоит! Обычно в подобных случаях воют от нестерпимой боли и корчатся в луже собственной блевотины.

Парень держался молодцом. Он, сипло дыша, оглядел рану и вытащил из кармана крошечный инъектор. Я напрягся.

— Что это?

— Промедол и спазмолитик. — Лёвка прижал прибор к солнечному сплетению и спустил пневмомеханизм. Пшикнуло. Он переступил порог и с нечеловеческой силой зашвырнул в жерло шахты пустую бочку, хотя неповинный резервуар вовсе не загромождал проход. — У нас десять минут.

Глава тринадцатая. Черный туман

Глубина увеличивалась. Почти физически ощущалось давление колоссальных пластов грунта, остающихся над нами.

Я спускался по лестнице, механически переставляя ноги и ведя ладонью по гладким перилам. Перчатка скользила по полированному дереву, которое неведомым образом уцелело и выглядело на фоне остальной гнили монументальным обломком советской эпохи. Может, перила были обтесаны руками истинного пролетария, верившего в победу коммунизма над вселенским развратом, и Зона, почуяв искренность, наложила на них заклятие вечности?

Колотить тебя трижды, ненаглядный мой лысый череп! Ну и чушь в твои ветвистые извилины лезет.

По привычке я вглядывался в сумрак, колышущийся вокруг нас, но ни аномалий, ни живности в шахте, кажется, не было. Лишь запустение, прелый воздух и гробовая тишина — не звенящая, ватная.

Птичка-интуиция притаилась на жердочке и неказала клюва. Правильно. Раньше надо было кричать, дура. Перед тем, как пацана из «гауссовки» насквозь прошило.

— Если перевяжешь бок, дольше протянешь, — сказал я, глядя в опаленный «жаркой» Лёвкин затылок. — Впрочем, врать не стану, это как мертвому егерю скворечник в подарок.

— Хорошее у тебя чувство юмора, Минор, — отозвался он.

Остался позади еще один пролет и кубическая площадка с наглухо зацементированными боковыми коридорами. Повезло, что аварийную лестницу не засыпало, а то бы пришлось по лифтовому тросу спускаться. Мало было б радости от такого экстрима, уж точно.

— С тобой ф последнее ф-время ничего странного не происходит? — вдруг спросил Лёвка, не оборачиваясь.

— Резко возросшее количество неприятностей на квадратный сантиметр задницы — считается?

— Перестань паясничать. Реально ничего подозрительного не заметил?

Я нахмурился. Чего это он? На предсмертную болтовню прошибло, что ль? Уклончиво ответил:

— Зона — вообще место не из обычных. Тут постоянно происходят всякие... странности.

— А если принять эти странности за общий фон, наподобие «белого шума» ф эфире... Тоже ничего примечательного и ф-фыдающегося?

— Вот теперь ты посеял во мне зерно сомнения и паранойи. Начну думать о всяком.

Лёвка остановился, оперся о перила и несколько раз медленно глубоко вдохнул и выдохнул. Поинтересовался, так и не соизволив обернуться:

— С ф-фосприятием ф-все нормально?

— Не понял. С каким восприятием?

— Зрение. Слух. Осязание... Твои основные чувства. С ними ф-все ф порядке?

Я не нашелся что ответить. Не помню, когда в последний раз проверял слух, но даже после нескольких легких контузий все еще могу довольно точно стрелять на звук, щелчок затвора в лесу слышу за полсотни метров, а вой кровососа — километра за три. Уксус по запаху от водки тоже отличу без проблем. Дальтонизмом вроде бы не...

В груди похолодело. Импульс втек словно бы извне, по нервам скользнул в мозг и породил яркую вспышку. В памяти пронесся каскад картинок...

...Драпаем от псевдогидры. Озерцо «киселя» в овражке. Впопыхах я чуть было не вляпываюсь в химическую дрянь, но притормаживаю. Ком грязи по инерции падает в мерцающую зыбь и исчезает без брызг. Я провожаю его взглядом и отмечаю, что «кисель» не изумрудно-зеленого цвета, каким обычно бывает, а болотного, почти серого...

...Первые зарницы, предвестники выброса. Между туч зажигается и гаснет зарево ртутного цвета. Обычно всполохи желтоватые, багряные или оранжевые, а тут — переливчато-ртутные, как жидкий металл...

...За порогом угадываются контуры человеческого тела. Раненый офицер «пылевилов» лежит головой к нам, на шее — след от скользящего ранения осколком. И даже в слабом свете пэдэашного диодника видно, что кровь темно-стального цвета, без примесей красного... Я моргнул и уставился на серую стену.

— Мама-перемама, — слова сорвались с губ сами собой.

— Понял, значит, — кивнул Лёвка. — Такие дела. Привыкай.

— Что со мной творится?

— Ф-ф... Возмездие.

Я всеми потрохами, каждой съезжившейся клеточкой чувствовал, как накатывает цунами ужаса, с которым невозможно ничего поделать: ни убежать от гигантской волны, — ни уговорить ее повернуть обратно, ни противопоставить бездумной стихии хоть что-то значимое со своей стороны. Темная стена неотвратимо приближалась и готова была раздавить крошечного человечка, даже не ведая, о его существовании. Так эпохи давят зарвавшихся выскочек, так империи сносят разрозненные княжества. Так судьба сминает случайность. Пощечина Лёвки вернула меня к действительности.

— Минор, прекращай уже! Не ф-время стоять и постигать. Двигаем дальше, по ходу объясню.

— Ты уж потрудись, а то не успеешь сдохнуть, как окажешься в обществе психа.

Мы стали спускаться дальше.

— Некоторым Зона просто ф-выжигает мозги и превращает ф ходящих овощей, ф зомби, — начал Лёвка. — Им, кстати, проще ф-всего ф конечном итоге. Свернулись мозги ф кисель, и броди себе спокойно, пока не пристрелят.

— Не скрою, беспечности зомбаков я иногда тоже завидую.

— Другим ф-везет меньше. К примеру, угольникам. Люди под ф-воздействием черного тумана теряют человеческий облик, но остаются ф-фполне боеспособными и, что ужасней, разумными. Незавидная участь.

— До усрачки напугал уже. Не томи.

— Ты был под Саркофагом?

Я вздрогнул. Вопрос застал врасплох и заставил рефлекторно сжаться какую-то частичку души. Лёвка продолжил:

— Полгода назад, когда случилась история с «бумерангами», ты и твоя дама ф-ведь добрались до Исполнителя Желаний?

— Да. — Отрицать факт здесь и сейчас было бессмысленно. Так и так Лёвка не жилец, и дальше него эта информация не уйдет. — Но как это связано с моим зрением?

— Мне тоже довелось побывать рядом с кристаллом. Только я предпочел не пользоваться услугами этой штуковины.

Мы остановились перед дверью, ведущей в помещения минус третьего яруса. Обыкновенной деревянной дверью с древним кодовым замком. Механика, но хлипкая и простая, как бревно. Здесь явно не намеревались держать оборону или спастись от непрошенных гостей. Видимо, предполагалось, что посторонних в этом месте не окажется.

Лёвка размахнулся, но занесенная для удара рука сорвалась с траектории, и когтистые пальцы лишь слабо чиркнули по шпону. Три царапины — на большее парень уже был не способен. Силы быстро оставляли его. Он покорно отошел в сторону, предоставляя моему «Узи» вынести хлипкую преграду.

Но я не стал шуметь. Этим ходом не пользовались очень давно, и дверь держалась только потому, что была покрашена. Хорошего пинка оказалось достаточно, чтобы выломать гнилые доски.

— Мир устроен так, что мы платим за ф-фсе дары, которые получаем, — сказал Лёвка. — Зона не исключение. Она дает некоторым прикоснуться к своим сокровищам, но требует ф-взамен монетку.

— Цвет? — Я приподнял брови. — Это мой разменный грош?

— Э, не ф-фсе так просто, — горько улыбнулся парень, опираясь на мое плечо. — Ахроматическое восприятие зрительных образов — общий побочный эффект.

— Общий?

— Да, я со многими разговаривал. Ф-все Призраки Зоны страдают редкой разновидностью приобретенного дальтонизма. Ты — не исключение. Неуютно.

Пожалуй, этим словом можно было охарактеризовать мою первую реакцию на услышанное. Неуютно до озноба. До брюшных колик.

Подавить эмоции не удалось, и по мурлу пробежал короткий, но живописный мимический карнавал.

— Так ты до сих пор не понял. — Лёвка искренне удивился. — Ну и ну. Мне казалось, что я правильно растолковал твои мотивы, когда мы заключали сделку.

— Не втыкаю, — резко ответил я. Непонимание и страх породили злость, захотелось засветить напарнику по уродливой роже, но я сдержался — ему и без того досталось. — Добыть артефакт, загнать его Фоллену... Какие еще мотивы?

— Без «жемчуга» тебе не покинуть Периметр — Зона не отпустит. Ф-вот такая ф-вот монетка.

Уши опять заложило — пришлось зажать ноздри и выдохнуть, чтоб отпустило. Злость ушла.

Воспоминания о последней ходке в город всплыли с алмазной четкостью. Вот почему мне было так некомфортно за Периметром. Вот почему апрельское солнышко вместо радости и тепла дарило раздражение, а свежий ветерок нес уныние и отчужденность. Вот почему веснушчатый пацан вместе с дурацкими голубями казались такими чужими. Дело не в том, что я отвык от мира, все намного хуже. Незаметно я стал частью Зоны. Уже полгода я вижу в черно-белых тонах. Просто мозг не сразу смирился с переменой и продолжал некоторое время додумывать цвета там, где их уже не было. Похоже на фантомные боли, когда ты продолжаешь чувствовать отнятую конечность.

Присмотрись, Минор. Внимательно разгляди монохромный мир, который окружает тебя. Осколки прошлого и частички будущего — в них нет места ярким краскам. Как во снах, где мы всегда платим за возможность хотя бы раз обрести крылья и взмыть в небо. Ловим на короткий миг небывалое ощущение свободы, а потом падаем. Просыпаемся. И больше никогда не видим цветных снов. Это возмездие, сталкер.

Тебе не жить без аномальной подпитки, и «жемчуг» — единственная вещь, при помощи которой дано с определенного этапа перешагивать незримую черту. Заветный артефакт. Истинная ценность его гораздо выше жалких процентов скупердяя Фоллена. Много-много выше любых откупных.

Только вот хочешь ли ты уходить? Нужно ли тебе пересекать грань? Дрой вон тоже задался этими вопросами — даже решил порвать с бродяжьей жизнью и завести бизнес в Москве...

— Ф-время, — тихо прошептал Лёвка, сплевывая бесцветный темный сгусток. — Надо спешить. Уже совсем скоро.

Я кивнул и переступил через обломки двери.

Этаж встретил нас неподвижностью. Знаете, так бывает:ходишь в помещение, а воздух мертвый и словно бы вязкий, как смола. Так вот, если воспользоваться подобной аналогией, здесь он загустел до янтарной твердости. Недавнего присутствия пробудившихся угольников не было заметно. Они, видимо, покинули зал сразу, как только осознали положение дел и получили возможность двигаться. Причем на поверхность Лёвкины сослуживцы выбирались явно не по аварийной лестнице, с которой только что сошли мы, а каким-то иным путем. По вертикальной шахте? В прочем... эти акробаты ведь могли.

В тошнотворный запах прелости робко вплелись нотки давным-давно сторевавшей проводки и какой-то терпко-едкой химии. Стало заметно прохладней.

Тусклого фонарика ПДА не хватало, чтобы рассеять темноту: луч выхватывал отдельные детали интерьера, части треснувших стен, фрагменты несущих колонн, на боках которых сквозь раскрошившийся бетон и обрывки старых плакатов виднелись упрочняющие прутья арматуры.

Пол был неровный. Местами плиты вспучились вместе с линолеумом, а кое-где провалились, словно забой пережил землетрясение с магнитудой баллов в шесть по Рихтеру. Только тектонические сдвиги были ни при чем.

Я вспомнил, как Лёвка рассказывал про чудовищный прорыв черного тумана из недр забоя. Да уж, если подобный катаклизм повторится, укрепленные стены основного ствола и подпорки не выдержат — свод яруса обрушится. Тут даже дилетанту ясно: небольшой встряски будет достаточно, чтобы все уцелевшие конструкции посыпались. И останутся отдыхать под тоннами породы два дуралея, вознамерившиеся померяться пиписками со стихией.

— Мы на месте, — сказал Лёвка. — Помоги добраться до направляющих подъемника. Это ф самом центре, за барахлом.

Под «барахлом» он подразумевал старомодные серверные шкафы с кучей проводов, битыми системными блоками и маршрутизаторами, а также боксы для геологических образцов, запаянные резервуары с подведенными трубами высокого давления, генераторы и какие-то энергетические установки, назначения коих я даже не представлял. Все добро было свалено в кучу, будто кто-то небрежно и впопыхах пытался переволоочь научный скарб с одного места на другое.

— Сюда и впрямь хотели запустить ботанов, — пробормотал я, перебираясь через высоко вздыбившуюся плиту и подсобляя Лёвке. — Как ты собираешься остановить этот... туман?

— Я часто лазал сюда раньше, много-много раз спускался... рассчитывал, носил шашки...

Кажется, мутаген начал путаться.

— Эй, не вздумай отключиться, — нахмурился я. — Ты мне еще не показал схрон, где «жемчуг» заначил.

— Да-да, для тебя припасен артефакт... — Лёвка обернулся, и я отшатнулся от диковатой улыбки на изуродованном мутациями и огнем лице. Черные прожилки почти полностью поглотили усеянную волдырями кожу. Плоть расслоилась и висела бахромой. — Свою часть уговора ты ф-выполнил. Я тоже сдержу обещание, не ф-фолнуйся.

— Ты все еще не объяснил, как собираешься перекрывать шахту? Здесь что, есть какая-то аварийная заслонка?

— Я много раз сюда спускался, таскал и таскал шашки... — опять завел свою волюнку напарник. — Скупал потихоньку на Кордоне, в «№92», у гарнизонных и нес сюда.

— Чего ты, блин, таскал-то?

— Как чего... Ф-ф-взрывчатку.

Ой, как я не люблю такие сюрпризы на стометровой глубине. Вот почему нельзя было заранее предупредить, пока не залезли в задницу по самую макушку, а?

— Совсем мозги почернели уже? — полюбопытствовал я. — Ты не серчай, но я с тобой за компанию помирать не хочу. Поверь, я сумею пережить душевное потрясение и принять новое черно-белое видение мира. Будет трудно, но я обещаю справиться.

— Ф-фсе шутишь... Да ты не бойся. Динамит не здесь, он ярусом ниже.

— О, спасибо, дружище. Успокоил. А я уж было начал волноваться.

— Я расположил заряды так, что энергия ф-фзрыва будет направлена ф-вниз. Обрушится только часть ствола до этого яруса. Ф-все, что выше, не должно свалиться.

— Не должно? Или не свалится?

— Инженер-ф-ф-взрывотехник я, конечно, не дипломированный, но по прикидкам...

— Заткнись, сапер недобитый, — сердито велел я. В голове билось одинокое: «глупо». Остальные мысли растворились в окружающем сумраке. — Даже не знаю, кто из нас с тобой безмозглей. То ли ты, утянувший меня в подземелье на верную погибель, то ли я, подписавшийся за комиссионные в проводники очередному Исусику, возмнившему себя мессией.

Мы остановились в метре от вертикальных железных направляющих, по которым когда-то скользила подъемная люлька. За ними угадывались стальные тросы, теряющиеся во тьме. Ого, да тут глубина-то приличная — еще метров сто точно! Дальше — не разглядеть. А я-то думал, мы близко ко дну подобралась.

— Нож, — попросил Лёвка и отдал мне ПДА.

— Решил картофана настругать с лучком и селедочкой? Ну-ну. К закуске выпить полагается, а у нас нет. Кстати, лучка с селедочкой тоже нет.

— Дай мне свой нож! — рявкнул парень, и эхо, раздробившись на тысячи «о», рухнуло вниз. Глубоко вздохнув, он добавил уже тише: — Иначе мне не достать артефакт.

— Теперь понятно. — Я вытащил «десантник» из чехла и протянул рукоятку вперед. — Так бы сразу и сказал, что цацку из нычки подковырнуть надо, а то вопишь как резаный...

Я осекся на полуслове. Я не ожидал.

Я растерялся и не успел среагировать, потому что такого расклада не мог даже представить...

Все произошло настолько быстро, что мне оставалось только с отваленной челюстью и подогнувшимися коленками наблюдать за действиями Лёвки со стороны.

Он сильным уверенным движением вогнал лезвие в дырку, оставленную пулей «гауссовки», и рассек брюшину сантиметров на пять в сторону пупка. Нож выпал из его руки и со звоном упал на пол. Лёвка, часто дыша и глядя расширенными глазами на хлынувшую кровь, залез в рану когтями, застыл на секунду. Потом с оглушительным ревом вытащил оттуда плотный комок, оборвал удерживающие его жгутики и зажал раскуроченное пузо другой рукой.

Когда я наконец вышел из ступора и взял Лёвку под мышки, чтоб не грохнулся, то почувствовал, как его лихорадит.

— Дурак... — пробормотал я, не зная, что делать. — Дурак ты, братишка.

— Фоф... ф-вот... — Лёвка говорил очень тихо, сквозь частое сиплое дыхание слов было почти не разобрать. — Как обещал... Это твой «жемчуг». Ф-возьми.

Пол под ногами дрогнул, и я едва успел подхватить выскользнувший из руки парня артефакт. Шарик был весь в крови. Он еще не растерял тепло бывшего хозяина, и это тепло обожгло ладонь почище раскаленного свинца — сквозь перчатку, кожу, мышцы и вены до

самых костей. Подобные гостинцы не приносят радости. Они жгут не только руку: они растворяются в плазме, растекаются по сосудам, становятся частью тебя и насквозь прожигают сердце. И еще... от таких даров не отказываются. Плита содрогнулась во второй раз, заставив меня сделать шаг в сторону шахты и прислониться плечом к одной из направляющих. Старая рана отозвалась тупой болью.

— Началось, — прошептал Лёвка одними губами.

Держать в одной руке теряющего силы напарника, а в другой ПДА было неудобно. Луч диодника уперся в складки комбеза, но темнее не стало. Я насторожился и завертел головой в поисках нового источника света. Суетливо закрутившись, не сразу обратил внимание, что свечение пробивается из глубины артефакта. От те на!

Кое-как оттерев о штанину «жемчуг» от Лёвкиной крови, я увидел, как в самом центре шарика замерцала несмелая искра. Через пару секунд она уже перестала мигать, начала разгораться сильнее и сильнее, и вскоре чистое белое сияние раздвинуло подступившую темноту.

«Жемчуг» осветил все помещение: разбитые лампы на потолке, детали полуразрушенных колонн, провалы между скособоченными плитами.

А главное — стало видно, как далеко внизу, в глубине шахты, движется воздух.

Плотный поток поднимался неторопливо, чинно, вовсе не так быстро, как описывал Лёвка. Но это уверенно-степенное поглощение света тьмой выглядело гораздо жутче, чем если бы черный туман стремглав рванул вверх.

Вороненая змея ползла по шахте, глотая все на своем пути. Что происходило по ту сторону, за темной гранью, — было не разобрать: лишь смутные тени проплывали во мгле и корчились непроницаемые чернильные завихрения. Впрочем, лично мне заглядывать в глубь тумана не очень-то и хотелось.

Мириады антрацитовых хлопьев сжирали тубинг за тубингом, чернили пространство, скрадывали, казалось, саму реальность сантиметр за сантиметром, подтачивали и превращали в стальную мочалку натянутую струнку троса. Сотканный из крошечных кусочков мрак приближался с неукротимым упорством. В третий раз под ступнями пробежала дрожь.

— Помоги... — Лёвка поднял голову и с усилием распрямился. Страшная рана продолжала кровоточить и высасывать из него силы. Несмотря на анестезирующий укол, ему приходилось стискивать волю в тиски, чтобы не отключиться. — Достань из кармана разгрузки гранату, положи ф-ф-ф руку так, чтоб я мог удерживать скобу. Ф-вынь чеку. И подсади. Не отпускай, пока не ухвачусь за трос.

— Обалдел, что ль? — беспомощно брякнул я, нервно соображая, как разрулить ситуацию. По всем прикидкам выходило, что никак. — Сорвешься ведь.

— Скорее, Минор... Если потеряю сознание раньше ф-ф-ф-ф, то ф-взрыв произойдет не ф том месте, и динамит может не сдетонировать. Скорее... Раз уж мы попали сюда, давай доведем начатое до конца.

Что ж, спорить с очевидным глупо.

— Спасибо тебе, — сказал я, прежде чем положить тяжелый тубус гранаты в руку напарнику. — А ты ведь оказался человеком, мутаген. — Я шмыгнул носом и оценивающе глянул на угольные прожилки, расплзшиеся по его лицу. — Хотя изрядно... м-м... загорел.

— Я ф-все никак не мог подобрать слово... Душевное оно у тебя, чувство юмора. Душевное, — улыбнулся Лёвка, и сквозь безобразный оскал на мгновение проступили знакомые черты замкнутого отмычки, из которого мог получиться толковый следопыт. — Не тяни.

— Держишь?

— Ага.

Я отогнул усики и выдернул чеку. Помог Лёвке забраться на невысокий парапет и взялся за трос. Натяжение было сильным, но стальная веревка поддалась и прогнулась в нашу сторону. Наверное, люлька, висящая где-то внизу, была не такая уж тяжелая.

— Пассажирский подъемник прицеплен, наверно, — прокомментировал я, глядя, как парень берется за трос, — грузовой бы так не болтался.

— Нет там уже ничего... Сожрала мерзость...

— Ты ж говорил, что эта дрянь только людей консервирует, а шмотье и прочие предметы не трогает?

— Это ф-ф первый раз было. Теперь туман изменился... — По телу Лёвки прошла судорога. Неприятно скрипнули зубы. — Я его уже чувствую...

— Готов?

— Отпускай.

Осторожно, чтобы трос не дернулся, подобно натянутой тетиве, я ослабил хватку. Лёвка, потеряв опору, чуть не сверзился вниз, но вцепился в витой канат намертво и повис над бездной.

Черный туман продолжал подниматься. Мне хватило беглого взгляда, чтобы оценить: до мгlistой кромки осталось метров пятнадцать.

Я посмотрел на парня. Он покачивался из стороны в сторону, и хотя амплитуда была маленькая, а интенсивность низкая, казалось, что хватка вот-вот ослабнет, и Лёвка упадет. Мышцы живота напряглись: кровь вытекала из раны темным ручейком и срывалась вниз большими каплями. Под лоскутами комбеза виднелось изуродованное метаморфозой, покрытое ожогами и ссадинами тело человека, который предпочел окончательному превращению смерть. Человека, который решил не становиться угольником — чужеродным существом, беспринципным берсерком с неодолимой жадой убивать ради возвращения в большой мир. И пусть бы в этот момент какой-нибудь розовощекий ботан посмел назвать Лёвку мутантом — глотку бы порвал собственными руками.

Неожиданно я поймал себя на мысли, что сознание охвачено стойким чувством дежавю. Где-то уже видел похожую картину... Я вздрогнул. Подземелья Янтаря, через которые мы с Дроєм, Гостом и Зеленым шли за частью «бумеранга» по указке «чистонебовского» полковника. Именно там мы видели Лёвку. И он так же висел на тросе. Вот, значит, как повернулось все, ну и ну. Завихрения времени переплелись между собой, и тот рукав пересекался с нынешним. Круг замкнулся. Я ведь помню этот пустой взгляд в одну точку, который и тогда нагнал на нас жути, и теперь, честно говоря, меня пугал. Глаза Лёвки остекленели.

События сложились в окончательный узор, как пряжа под спицами неведомого вязальщика, набросавшего последние петли.

Хотелось что-то делать. Поступать жестоко или не очень, главное — по совести. Сражаться, рвать в клочья обстоятельства и преодолевать трудности, выживать. Так было всегда, я не привык жить иначе.

Ан не с кем было воевать. Не с черной же мглой, в самом деле, бороться, которая с одинаковым равнодушием поглотит как кусок бетона, так и без меры выпендривающийся организм. И помогать уже некому было...

Лёвка сорвался бесшумно, не сказав ни слова на прощание. И уголком сознания я понимал: так правильно. Мужчины должны уходить тихо, без комментариев и напутствий. Пусть запоминающиеся финальные реплики останутся героям фильмов и книг, а здесь, в глубине гиблой земли, они лишь сотрясут воздух. И провожать тоже надо молча.

Только вот крик навсегда застрял, в глотке. Не рожденный звук дрожал где-то внутри, как трос, вибрирующий перед глазами в лучах светящегося артефакта. Серый трос над черной пропастью в белых лучах. Да-да, братцы, цвету здесь места не нашлось.

Туман продолжал подниматься по стволу шахты, слизывая выступы, шестерни подъемных механизмов, потрескавшиеся сегменты крепежных конструкций.

Я снял с плеча ремень, направил «Узи» стволом вниз и всмотрелся в клубящиеся хлопья морока, силясь разглядеть в них хоть что-то. Цели не было. Я усмехнулся сам себе и поставил пистолет-пулемет на предохранитель. Сталкер-сталкер, возмужать ты возмужал, пора бы и повзрослеть. Задор прет изо всех щелей, как десять лет назад, бунтарские мотивы вырисовываются. Против кого воюем-то? Против дыма? Даже не смешно.

Хлопок не походил на взрыв, но я был уверен — это сработала Лёвкина граната. Скорее всего черный туман просто искажил и приглушил звук.

Инстинкт самосохранения на пару с птичкой-интуицией возопили о том, что пора валить обратно на лестницу, по которой мы спустились, иначе останусь здесь навеки — колонны еле-еле держат, своды могут рухнуть в любой момент. Но я продолжал стоять и смотреть на вспучившиеся клубы, сожравшие того, кто показал мне путь в подземелье. За черту.

Мне нужен был этот путь. Необходимо было спуститься сюда, чтобы понять, что истинных ценностей не существует без шлака. Алмаз и уголь — это ведь один и тот же химический элемент, углерод, разнящийся лишь расположением атомов в кристаллической решетке. Алмаз прозрачный и твердый, уголь черный и хрупкий. Свет и тьма. Алмаз блестит, порождая тьму в душах, уголь горит и дарит тепло телу. Они дополняют друг друга — до боли похожие и бесконечно разные.

Мне нужно было увидеть этот жемчужный свет и свою глубокую тень.

На какой-то едва уловимый миг все вокруг замерло перед последним смещением... И рокот дробными раскатами покатился из потревоженных недр все выше и выше. Туман словно бы почувствовал опасность: вскинул вверх чернильные щупальца, моментально став похожим на гигантского кальмара. Но в это же мгновение ударная волна от взорвавшихся динамитных шашек растерзала внутренности нижнего яруса и перекрыла ствол, отрезав голову поганой змеи от тела. Пол под ногами задрожал, с потолка сыпанула известка, колонны застонали на покосившихся плитах. Сияющий «жемчуг» чуть не выскользнул из ладони в агонизирующее чрево шахты, где тяжелые тубинги уже падали под натиском многотонных пластов грунта.

Отделившееся облако черного тумана и не собиралось рассеиваться. Оно, как живое, поползло ко мне, сжирая по ходу пыль и мелкий мусор, сыплющийся вниз. Крупные куски субстанция пропускала сквозь себя, на долю секунды создавая рваные дыры в мглистой кляксе.

Сердце заколотилось, как рыба на льду. Я отпрянул от парапета и стал пробираться обратно к лестнице. Подивились на катаклизм, порассуждали о смысле пройденного пути, и будет. Желания вступать в близкий контакт с хлопьевидной дрянью у меня не было. А то заразит, чего доброго, какой-нибудь инфекцией, придется к Болотному Доктору идти исцеляться. Кстати, теперь мне есть о чем поболтать на досуге с местным эскулапом. Как-никак мы оба — Призраки Зоны.

Запнувшись о громоздкий монитор, я чертыхнулся и ухватился за ржавый каркас серверной стойки, чтобы не упасть. Боль обожгла ладонь, на острой зазубрине остался клочок перчатки.

Я обернулся, выставив перед собой, артефакт, и заметил, как из шахты появились первые черные хлопья. В ярких лучах они были похожи на микроскопических жучков, семенящих по бортику, то и дело взлетающих в воздух на короткое время и прыгающих друг через друга. Вместе эти крошки составляли единый организм, который, подобно поземке, прижался, кружась, к линолеуму и будто бы замер в нерешительности. Ненадолго.

После паузы эта хрень целенаправленно двинулась в мою сторону, обтекая встопорщенные куски плит и вихрясь в неровностях.

Чует, что ли, зараза?

Грохочущие звуки продолжали сотрясать шахту, почва дрожала, и земной озноб передавался всем предметам. Из-за тряски добраться до выставленной двери, за которой темнели ступени, удалось не сразу. В одном месте я чуть не угодил в провал между просевшей колонной и ребристым краем несущей конструкции, а уже около порога чудом увернулся от нехилого шматка штукатурки, отвалившегося от притолоки.

По лестнице я уже несся во весь опор, потому что мглистые змейки оказались на удивление проворны. Узкие полосы черного тумана струились метрах в трех позади, повторяя форму ступеней и юркая между стойками перил. Одна даже взобралась на поручень и мягко скользила по нему, оставляя на полированном дереве выжженный след.

Неудача поджидала меня на следующем ярусе, где у винтовой лестницы в неудобной позе лежал труп офицера «пылевиков» со сломанной шеей. Не выбрав впопыхах оптимальную траекторию, я с разбега вписался в мазутные бочки — перекувыркнулся через одну, долбанул лысиной вторую и красиво ушел по гласседе в угол. Комната закружилась, перед глазами поплыли пятна, которые у всех нормальных людей, по идее, радужные. Но мой просветленный мозг теперь даже их воспринимал исключительно в черно-белом варианте.

Когда я отбросил ногами прикатившуюся бочку и осветил ближайшее пространство, стало ясно: отступать некуда. Туман теперь не передвигался отдельными фрагментами. Черные хлопья собрались в общую массу, которая обступила меня полуколымом, зажав в угол и не давая уйти в сторону.

Вскочив на ноги, я пошатнулся и потряс ушибленной башкой. Вертолетило после плотного контакта с бочкой знатно, но мозг работал четко. Нужно было как можно скорее выбираться из окружения. Чернильная дрянь уже не только стлалась по полу, но и пошла вверх. Она вознеслась клубами в воздух и подступала широким фронтом.

Лихорадочно соображая, что предпринять, я швырнул в черный барьер подобранную затычку от бочки, но мгла равнодушно пропустила предмет, раскрывшись на миг, и захлопнула дыру вновь. Следом за крышкой отправился обломок кирпича, а за ним и сама бочка. Туман без особых эффектов пропускал вещи и возвращался на исходную позицию.

Когда я уже был готов рискнуть и, прокатив перед собой последнюю из оставшихся в моем распоряжении бочек, броситься за ней, то вдруг заметил: в одном месте хлопьевидная стена прогибается внутрь сильнее, чем по всему остальному полю. Догадка мелькнула сразу же, и чтобы ее подтвердить или опровергнуть, я выставил вперед руку с сияющим артефактом и шагнул. Черный туман отступил.

— Боишься? — прошептал я, делая следующий шаг. — Или за своего признал? Впрочем, мне плевать... Пошел прочь, дым вонючий.

Я прошел сквозь метнувшиеся в разные стороны хлопья к раскуроченной переборке, пролез в проем, переступил через убитого «пылевика» и стал подниматься по винтовой лестнице. Без суеты, не оглядываясь. Сил на то, чтобы смотреть назад, уже не осталось.

Туман не пойдет дальше. Отчего-то уверенность в этом была настолько сильной, что сомнениям не осталось места. То ли я и впрямь начал чувствовать Зону на каком-то ином уровне, то ли... старина Минор просто чертовски устал и какать хотел на призрачную гадость с высокой колокольни. Не знаю.

По крайней мере я без затруднений добрался до выхода, разукрашенного кровавыми потрохами подорвавшихся на растяжке бойцов, и, миновав предбанник, оказался в тоннеле.

И вот здесь переутомление последних дней навалилось на меня всей своей массой. Расплющило, прижало к земле, сорвало предохранители с нервной системы, заставило потерять концентрацию и лишило последней энергии.

Я прислонился спиной к крестовине, подпирающей свод, и медленно осел. Грудь жгло, в подвернутой ноге пульсировала тупая боль, отдаваясь в распоротой ладони, суставы ломило, в черепе застыла одна-единственная мысль: «Всё, это конец». Она стучалась в кость и отскакивала от нее, как пустой теннисный шарик. Туда-сюда, туда-сюда...

А в руке сиял артефакт, дар, который Зона преподнесла мне таким жестоким способом, заставила принять и поставила перед фактом: отныне без этой маленькой цапки за Периметр ни шагу. И никак иначе.

Трудно сказать, сколько я просидел так — минуту или час. Но когда ноги начали затекать, а сырая почва стала холодить задницу, пришлось, несмотря на полное опустошение, подниматься и готовиться двигаться дальше. Куда? Пожалуй, к Кордону. Выброс уже скорее всего закончился. Через денек доберусь, если мутанты не сожрут.

Экипировка у меня, конечно, не фонтан, но и не из таких передряг в полуголом виде выбирался.

Я оглядел себя. Хорош гусь. Грязный, в изодранном комбезе, без жратвы и с несколькими патронами в не пристрелянной израильской пушке. Радиации нахватался на месяц вперед, «калаш» и фляжку с остатками воды посеял.

Впрочем, насчет отсутствия харчей — это я погорячился. В подsumке, оставшемся от ролевика Арсения, скошенного инсультом и добитого шальной пулей, обнаружилась бутылочка с йогуртом. Отличный боевой прикид.

Интересно, это ты так неказисто глумишься, а, Зона? Или просто совпало?

Я достал ПДА. Выключил наконец фонарик, который уже еле светил, и открыл почту, чтобы прочесть последние сообщения. Помнится, что-то успело свалиться на ящик перед тем, как мы залезли в эту нору, и сигнал пропал. М-да. Сообщение, оказывается, было одно — от Латы.

В глубине души я прекрасно понимал, что она не тот человек, который может по призрачному зову вознестись за мной в рай или спуститься в ад. И видение, посетившее меня под мороком «миража», ничего не меняет. У нас нет и никогда не было дочери... И пусть, черт возьми.

Да плевать я хотел на видения! Плевать! С высокой колокольни!

Палец сам нажал на сенсор, и на ПДА высветился месседж. С жидких кристаллов экрана на сетчатку упало единственное слово. Оно врезалось в нервные окончания, опалило сознание, взорвалось адреналиновым фейерверком в артериях. Монохромная картинка. Черное, белое и серая бесконечность. «Возвращайся». Слово кружилось перед глазами, не давало взгляду зацепиться за него, будто играя и кокетничая с ним. Слово росло, раздвигало темные стены тоннеля и заполняло тесную каморку души, разрывая ее в лоскуты. Слово, как гигантская губка, вбирало в себя события и переживания долгих лет, проведенных без него в скитании.

Путь, пройденный с тех пор, как я попал в Зону, был тернист и часто скользил по тонкой грани мимо жизни и смерти — где-то посередине. Но каждый шаг приближал меня к слову в мерцающей окошке. Для того чтобы оказаться теперь здесь и увидеть его, пришлось научиться ходить по хрупкому рубежу реальности, переступать через поверженных врагов и забывать предавших друзей, делать выбор между злом и подлостью. Пришлось замещать милосердие жестокостью. Пришлось, в конце концов, стать частью этого монохромного с виду мира.

Что ж. Пусть так и будет. Я готов вечно видеть бесцветные сны ради одной-единственной возможности обрести крылья и взлететь. Знаю, что потом придется упасть, знаю. Пусть. Я упаду.

Но сначала вернусь к Лате и подарю ей живые цветы. Ведь это не так уж трудно, если подумать. Сущий пустяк.

Москва

Июль 2009 — февраль 2010